Московское
Книгоиздательское Товарищество
„Образованіе“.
Главная Контора: 3-я Тверская-Ямская, д. 46/7
Телефонъ 245-30 и 188-41.

НОВЫЙ СТРОЙ
В. П. ОБНИНСКІЙ

Викторъ Обнинскій.

НОВЫЙ СТРОЙ.

Часть вторая.

Реакція.

Всѣ рисунки исполнены Графическимъ Институтомъ Т-ва «Образованіе» по способу, только ему принадлежащему и впервые въ Россіи имъ введенному, **Фото-Тинто-Гравюрой.**

Москва — 1911.
Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

I.

Бездумье.

Исторія не знаетъ случайностей; ея ходъ столько же закономѣренъ сколько закономѣрно любое явленіе въ видимомъ нами мірѣ. То обстоятельство, что только въ XX столѣтіи Берлинъ узналъ, что почва его дважды въ сутки подымается на четверть аршина, слѣдуя закону притяженія, не мѣшало ей качаться съ правильностью маятника въ теченіе всей христіанской эры и за тысячелѣтія до нея. Равнымъ образомъ и современная пресса,—этотъ чувствительнѣйшій изъ сейсмографическихъ аппаратовъ,—отмѣтивъ начало реакціи въ Россіи въ іюлѣ 1906 года, указала лишь на наступленіе явленія, ожидать котораго слѣдовало съ той же увѣренностью, какъ и очередного отлива въ океанѣ. А если такъ, то не должно было и наблюдаться перемѣны настроенія въ народныхъ массахъ. У береговъ шумятъ послѣдніе валы, пѣна взлетаетъ на песчаныя отмели, чтобы впитаться въ нихъ безъ остатка, обнажаются безобразные подводные камни, покрытые вѣковой слизью и плѣсенью, валятся на бокъ суда, руководимые неопытными кормчими, люди собираютъ ракушки и водоросли; а тамъ, въ просторѣ глубокаго моря, никто и ничто не реагируетъ на смѣну явленій; хорошо оснащенные корабли плывутъ къ опредѣленнымъ портамъ, акулы сторожатъ зазѣвавшихся пловцовъ, чайки шныряютъ вверхъ и внизъ, свѣтится волна ночною порою. И въ то время, когда въ Петергофѣ, Петербургѣ, Выборгѣ и въ приморскихъ крѣпостяхъ готовились къ предполагавшимся катастрофамъ, надъ страной висѣло то же жаркое небо съ облаками дыма горящихъ усадебъ, и «вѣковая тишина» попрежнему нарушалась только залпами карательныхъ отрядовъ и взрывами бомбъ на городскихъ улицахъ. На поляхъ дозрѣвали тощіе колосья хлѣбовъ, безработица продвигала свои осклизлыя щупальца въ самыя сердца фабричныхъ районовъ, и организмъ государства таилъ и питалъ въ нѣдрахъ своихъ новую фазу болѣзни, внѣшняя форма которой постепенно спадала, давая неучамъ иллюзію выздоровленія.

Конечно, и самая иллюзія не могла наступить быстро; еще долго придется намъ встрѣчать тѣ же проявленія революціоннаго настроенія, что мы пытались систематизировать выше. Въ полтавской, курской, самарской, симбирской, херсонской, новгородской и многихъ дру-

гихъ губерніяхъ центральной Россіи и Царства Польскаго происходятъ кровавыя столкновенія народа съ полиціей и войсками; въ городахъ попрежнему приходится брать приступомъ отдѣльныя революціонныя гнѣзда, при чемъ съ обѣихъ сторонъ проявляется много мужества и личной храбрости; правда, полиція дѣйствуетъ почти всегда въ панцыряхъ, но за то положеніе осаждаемыхъ выгоднѣй въ стратегическомъ отношеніи; потери неравны лишь вслѣдствіе численнаго превосходства правительственныхъ отрядовъ. Въ Ригѣ, во время осады квартиры нѣкоей Томсонъ, запершіеся латыши все время распѣвали революціонныя пѣсни и, симулируя сдачу вывѣшиваніемъ бѣлаго флага, стрѣляли по полиціи, пока не были перебиты. Въ Петербургѣ, при попыткѣ накрыть пропагандистовъ василеостровскаго фабричнаго района, завязался такой бой, что пришлось вызывать подкрѣпленія; убитъ былъ полковн. Колчакъ, ранено нѣсколько офицеровъ и городовыхъ; часть осажденныхъ скрылась въ сосѣднихъ дворахъ, оставивъ въ квартирѣ умиравшихъ товарищей и *двухъ дѣтей*. Это постоянное присутствіе во всѣхъ стадіяхъ революціи дѣтей придаетъ ей особенный драматизмъ; отъ грудныхъ младенцевъ, таскаемыхъ на митинги, малышей, выставляемыхъ впереди крестьянскихъ толпъ при столкновеніяхъ съ казаками, и до подростковъ, ведомыхъ къ висѣлицамъ,— всѣ возрасты принесли дань стоголовому революціонному Молоху, надолго впередъ предрѣшивъ характеръ жизни и дѣятельности современныхъ поколѣній.

Роспускъ первой Думы открывалъ передъ Кабинетомъ Министровъ болѣе чѣмъ полугодовой періодъ полной свободы дѣйствій, и совершенно понятно было стремленіе правительства очистить себѣ путь къ примѣненію 87-й статьи основныхъ законовъ; къ своеобразному толкованію этой статьи русское общество еще должно было привыкнуть. Поэтому всѣ мѣры подавленія были усилены, а отсутствіе критики съ трибуны Таврическаго дворца окрыляло усердіе мѣстныхъ органовъ, далеко переходившихъ предѣлы, благоразумно отмѣченные телеграммой предсѣдателя Совѣта Министровъ отъ 11 іюля. Такимъ образомъ, при уменьшающемся постепенно количествѣ выступленій, мы замѣчаемъ обостреніе ихъ теченія; не мало способствовало этому и то обстоятельство, что болѣе умѣренные круги населенія возвратились къ своимъ текущимъ дѣламъ и что участниками столкновеній, митинговъ, демонстрацій и забастовокъ оставались уже только наиболѣе активные элементы революціи, среди которыхъ снова, какъ и въ 1904 году, начинаютъ преобладать рабочія массы. Тѣмъ не менѣе, митинги продолжаются, особливо въ первые дни послѣ роспуска; по участникамъ ихъ стрѣляютъ (Юзовка, Москва и др.),—дорога къ свободѣ слова окрашивается кровью и становится еще труднѣй;

на митинги собираются, какъ въ походъ, вооружаясь чѣмъ придется; случается, что ораторскіе періоды прерываются учебной стрѣльбой боевыхъ организацій, на которую являются войска или стражники; митингъ сразу переходитъ въ правильный бой, пока участники его не разбѣгаются, оставляя врагу трофеи въ видѣ немудреныхъ красныхъ флажковъ, брошюръ, въ родѣ «Тактика уличнаго боя», да раненыхъ соратниковъ (Кострома и др.). Принимаются, наконецъ, и такія радикальныя мѣры, какъ приказъ Кременчугскаго ген.-губернатора о разгонѣ сходокъ на днѣпровскихъ островахъ орудійнымъ огнемъ; а въ Петербургѣ возобновляется обученіе городовыхъ стрѣльбѣ изъ пулеметовъ, въ очевидномъ предположеніи, что войска не всегда будутъ подъ рукою при подавленіи городскихъ волненій. По мѣрѣ проникновенія въ провинцію вѣсти о роспускѣ Думы, крестьяне также собираются на митинги, но лишь съ цѣлью потолковать о крушеніи надеждъ своихъ на нее, да послушать своихъ депутатовъ, вернувшихся домой значительно развившимися политически; немалое число ихъ вскорѣ было привлечено за свои рѣчи, въ коихъ неопытные и искренніе ораторы нерѣдко употребляли привычныя по прежней жизни крѣпкія слова по адресу лицъ, раньше казавшихся недосягаемыми. Здѣсь же снаряжались и ходоки для провѣрки извѣстія о роспускѣ; и несмотря на то, что печатное слово для этого класса имѣетъ чуть не непреложное значеніе, такъ трудно было согласовать слова обращенія Государя Императора къ первымъ депутатамъ въ Зимнемъ дворцѣ съ перечисленіемъ ихъ дѣяній въ манифестѣ 9-го іюля,—дѣяній, казавшихся крестьянамъ, быть можетъ, простымъ исполненіемъ депутатскихъ обязанностей,—что около сотни ходоковъ прибрели со всѣхъ концовъ Руси убѣдиться въ томъ, что Таврическій дворецъ наглухо и надолго запертъ. Что касается до черныхъ сотенъ, то, несмотря на значительную свободу, имъ предоставленную, онѣ мало пользовалась открытымъ словомъ, предпочитая ему испытанную пропаганду въ городскихъ низахъ путемъ спаиванія, раздачи денегъ и оружія.

Въ интеллигентскихъ сферахъ, ожидавшихъ роспуска и вообще сдержанныхъ, проявленія возмущенія носили болѣе внушительный характеръ; послѣ всеобщаго удовлетворенія, вызваннаго демонстративнымъ отклоненіемъ Гос. Совѣтомъ ассигновки 50 милліоновъ въ распоряженіе г.г. Гурко и Лидваля, истолкованнаго, какъ выраженіе недовѣрія кабинету со стороны Монарха и законодательныхъ палатъ, роспускъ Гос. Думы пріобрѣлъ особое значеніе. Начиная съ демонстративныхъ выходовъ изъ церквей, гдѣ священники читали манифестъ о роспускѣ, поясняя его указаніями на «подкупъ Думы евреями и поляками», и до выхода изъ Гос. Совѣта членовъ партіи народной свободы, профессоровъ Вернадскаго, Лаппо-Данилевскаго, Ба-

галѣя, Боргмана, академика Шахматова, Перелешина, Шишкова, кн. Кучумова и др.,—на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы такъ или иначе выказывали отношеніе свое къ совершившемуся акту, который многіе склонны и до сего времени считать такимъ же coup d'état, какъ и избирательный законъ 3-го іюня 1907 года. Бывшіе депутаты окружены были особымъ вниманіемъ; съ одной стороны ихъ чествовали, съ другой охраняли отъ чествованій разными способами, до арестовъ и высылокъ включительно. За деп. Садыринымъ неотступно ѣздили становые и стражники, обыскамъ подверглись Бондыревъ, Иваницкій и многіе другіе. При попыткѣ арестовать Дитца, саратовскаго депутата, въ Камышинѣ ударили въ набатъ, тысячная толпа собралась, чтобы помѣшать аресту. Арестованы были Кукановъ, Бибиковъ, Кутомановъ, Витковскій; въ пензенскомъ селѣ Каменкѣ, при попыткахъ арестовать деп. Врагова, происходили кровопролитія; дошло дѣло до убійства исправника, пришлось двинуть цѣлый отрядъ для усмиренія расходившихся крестьянъ. Въ городахъ, повторяемъ, демонстраціи были культурнѣй, хотя культурность эта оставалась односторонней. Такъ, когда члены англійскаго парламента и многіе видные представители англійскаго общества и прессы захотѣли отправить въ Петербургъ делегацію съ адресомъ бывшей Государственной Думѣ, здѣсь поднялась такая недостойная травля въ такъ наз. «правой», рептильной прессѣ, такъ разнуздались черносотенные комитеты Дубровина, Грингмута и др., такія, часто оригинальныя, мѣры были приняты къ недопущенію всякихъ собраній съ делегатами, что намѣреніе, съ обоюднаго рѣшенія, было оставлено; нечего пояснять, что чувства солидарности, симпатіи къ народнымъ представителямъ по ту сторону русской границы могли только усилиться и окрѣпнуть отъ этого неумнаго шага, что и сказалось при пріемѣ депутатовъ третьей Думы въ 1909 году; даже разношерстная делегація, съ такими членами, какъ гр. Бобринскій, А. Гучковъ и др. представителями правыхъ, немало помогла закрѣпленію русскаго конституціонализма, къ вящшему гнѣву оставшихся дома черносотенцевъ, какъ разъ къ этому времени прочно уже пристегнутыхъ къ политическимъ убійствамъ по найму. Не успѣли забыть объ англійской делегаціи, какъ надѣлали шума съ тостомъ камеръ-юнкера Сабурова, на лицейскомъ обѣдѣ вспомнившаго о профессорахъ-депутатахъ, Муромцевѣ, Набоковѣ и др.; воспитанники привилегированной школы кидались на Сабурова, обезумѣвъ отъ наплыва того же своеобразнаго патріотизма, который привелъ нѣсколько позднѣе толпу черносотенцевъ къ окнамъ корсетной мастерской Эстеръ, сподвижницы Лидваля, съ пѣніемъ «Святый Боже». Въ эти угарные мѣсяцы многіе словно спустили съ себя тотъ непрочный налетъ циви-

лизованности, за которымъ еще Наполнонъ I провидѣлъ «татарина», и можно было бы много привести случаевъ несдержанности и политической невоспитанности извѣстной части русской интеллигенціи; невольно хотѣлось сопоставить ее съ классомъ, стоящимъ ближе къ народу: отказъ простыхъ кузнецовъ ковать кандалы для тюремъ, или наборщиковъ отъ набора черносотенныхъ прокламацій и т. под., носили на себѣ признаки политической зрѣлости, до которой далеко было союзу русскаго народа. Мы не говоримъ уже о забастовкахъ рабочихъ; послѣдніе платились за выраженіе сочувствія товарищамъ изъ Думы и демонстрацію своихъ взглядовъ не только боками, какъ Сабуровъ, но и карманами, которые опустошались съ каждымъ безработнымъ днемъ; и, тѣмъ не менѣе, осень 1906 г. ознаменовалась рядомъ политическихъ забастовокъ во всѣхъ промышленныхъ районахъ, пока, наконецъ, голодъ не загналъ рабочихъ опять въ хозяйскія лапы, которыя и наверстали затѣмъ съ лихвой всѣ уступки [1905 года. Впрочемъ, наверстали безъ видимой пользы для себя: русская промышленность быстро и безостановочно сходила сама въ область разоренія и краховъ.

Итакъ, повсемѣстно и во всѣхъ классахъ населенія наблюдалось то же оппозиціонное настроеніе, та же легкая возбудимость, та же тревога за всякій грядущій часъ. Дѣйствительность и не обманывала ожиданій, неся чуть не ежедневно событія, которыя могли бы, казалось, вызывать правительство на серьезныя размышленія. Не успѣла улечься боязнь его за послѣдствія роспуска Думы среди крестьянства, какъ одинъ за другимъ, словно выстрѣлы скорострѣльнаго орудія, послѣдовали мятежи въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, на броненосцахъ Балтійской эскадры и во многихъ частяхъ сухопутной арміи. 17-го іюля произошло возмущеніе минной роты въ Свеаборгѣ, якобы вслѣдствіе намѣренія арестовать 200 человѣкъ изъ ея состава, но на дѣлѣ во исполненіе опредѣленнаго плана революціонныхъ организацій. 18-го іюля возставшіе завладѣли всею почти крѣпостью, арестовали вѣрныхъ долгу офицеровъ и начали бой съ судами, стоявшими на рейдѣ. Положеніе усложнялось тѣмъ, что такъ наз. «красная гвардія» финновъ (соц.-дем. организація) воспользовалась случаемъ выступить противъ буржуазныхъ классовъ и произвела рядъ опустошеній на желѣзной дорогѣ изъ Петербурга и въ самомъ Гельсингфорсѣ. Объявлена была и всеобщая забастовка, вскорѣ, впрочемъ, сорванная. 19-го мятежники заняли рядъ укрѣпленныхъ острововъ и потѣснили шесть ротъ пѣхоты, боровшихся еще противъ нихъ, до западнаго конца «Чернаго» острова. Только послѣ появленія на морѣ учебнаго отряда судовъ дѣло приняло для осажденныхъ иной оборотъ; орудія Свеаборга, болѣе служившія декоративнымъ, нежели военнымъ цѣлямъ, не могли бороться съ дально-

бойцовой артиллеріей броненосцевъ и въ полдень 20-го іюля крѣпость сдалась, при чемъ часть главарей бунта успѣла скрыться на лодкахъ и вплавь, а затѣмъ эмигрировать черезъ Швецію. Вечеромъ того же 20-го іюля вспыхнулъ бунтъ въ Кронштадтѣ, среди 4 и 5 морскихъ экипажей, при чемъ были ранены адмиралъ Беклемишевъ и нѣсколько офицеровъ; мятежники, къ которымъ примкнула часть саперъ, пытались поднять весь гарнизонъ крѣпости, но это не удалось по той же причинѣ, по какой и всѣ вообще мятежи этихъ лѣтъ оставались частичными и неудачными попытками: у солдатъ не было руководителей-офицеровъ; отдѣльные чины офицерскаго корпуса, замѣшанные въ мятежахъ, не были извѣстны солдатскимъ массамъ и не пользовались даже и тѣмъ вліяніемъ, какое имѣлъ Шмидтъ. Послѣ короткаго обстрѣла фортъ, въ которомъ заперлись бунтовщики, сдался и военно-полевой судъ докончилъ дѣло усмиренія. Въ тотъ же злополучный день на крейсерѣ «Память Азова» взбунтовалась часть команды. Къ величайшему стыду флота, всѣ офицеры судна бѣжали послѣ перваго ружейнаго выстрѣла на берегъ, но были переранены во время бѣгства. Оставшіеся на борту вѣрные долгу матросы сами справились съ возставшимъ меньшинствомъ и сдали арестованныхъ прибывшему начальству. Наконецъ, 21-го іюля солдаты Самурскаго полка, квартировавшаго на Кавказѣ, залпами убили часть офицеровъ, съ командиромъ полка во главѣ, послѣ чего стали раздавать населенію оружіе, призывая его итти съ ними «за Царя и Думу». Отрезвленіе и тутъ наступило быстро, и самурцы сами выдали зачинщиковъ. Одновременно можно насчитывать нѣсколько болѣе мелкихъ проявленій броженія въ арміи, при чемъ все указывало на то, что лозунги и распоряженія давались изъ одного центра—военнаго союза, рѣшившаго воспользоваться симпатіями къ распущенной Думѣ, чтобы вызвать новую вспышку революціи. И вотъ за этими-то попытками, произведенными въ дѣйствительно благопріятствовавшей имъ атмосферѣ всеобщей растерянности, за политическими забастовками того же іюля (Москва и др.), и неудачей выборгскаго воззванія, открывалась окончательно та полоса, что начала обнажаться послѣ девятаго вала въ октябрѣ 905 года и которую не замедлила занять реакція;—полоса утомленія. Первое время реакціонеры чувствовали себя еще не вполнѣ свободно; воздухъ сохранялъ еще ту чистоту, что принесли съ собой грозы минувшаго полугодія; поэтому возможно, что попытка къ компромиссу была искренней, и приглашеніе П. А. Столыпинымъ къ участію въ кабинетѣ такихъ дѣятелей, какъ гр. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ, кн. Г. Львовъ, А. Гучковъ и Н. Львовъ было сдѣлано bona fide. Наивность такого шага обнаружилась, конечно, немедленно; никакого примиренія не могло быть; люди, подписавшіе отвѣтный адресъ Гос. Думы, не могли войти въ

среду распустившаго ея кабинета безъ риска навсегда потерять свою политическую репутацію. Поэтому и слова правит. сообщенія, что «комбинація эта встрѣтила затрудненіе внѣ доброй воли правительства и самихъ общественныхъ дѣятелей» были сущей правдой и никакой оговорки въ нихъ не было. Дальше шло, впрочемъ, уже неосторожное подтвержденіе стремленій правительства «немедленно проводить» «въ предѣлахъ закона» «разумныя реформы». (Теперь, по истеченіи трехлѣтія, при наличности полной силы, подсчитать результаты этого и многихъ другихъ обѣщаній было бы нетруднымъ дѣломъ). Шиповъ, Гейденъ и Львовъ поспѣшили пролить свѣтъ на природу переговоровъ съ ними путемъ писемъ въ редакціи газетъ, и изоляція бюрократизма была такимъ образомъ завершена окончательно. Оно вступало во власть подъ дурнымъ знакомъ: 18-го іюля, въ Теріокахъ, наемные убійцы, члены покровительствуемаго «союза русскаго народа», совершили убійство бывшаго депутата г. Москвы, М. Я. Герценштейна, быть можетъ одного изъ самыхъ мирныхъ, честныхъ и трудоспособныхъ членовъ парламента. Въ московской рептиліи «Маякъ» объ этомъ убійствѣ было оповѣщено часовъ за шесть до его совершенія, и безнаказанность убійцъ, которыхъ и доселѣ не удается привлечь in corpore, была истолкована не въ пользу кабинета, объявлявшаго о недопустимости «неосторожныхъ» дѣйствій. По всей вѣроятности союзъ совершалъ этимъ гнуснымъ актомъ только первый опытъ; но общее возмущеніе, открытые протесты оффиціозной иностранной прессы и закулисныя представленія остановили на время эту безобразную дѣятельность; второй актъ, убійство Г. Б. Іоллоса, былъ уже провокаціей, за которую инициаторъ, Казанцевъ, и поплатился самосудомъ; стрѣлявшій въ Іоллоса рабочій Өедоровъ убилъ вскорѣ самого Казанцева; какъ извѣстно, Өедоровъ воображалъ, что въ лицѣ Іоллоса онъ уничтожаетъ измѣнника революціонному дѣлу. Тогда же начали сопоставлять эти черносотенныя убійства съ многочисленными случаями краснаго террора. Процессъ Половнева, Юскевича-Красковскаго и др., а также запросы третьей Думы по дѣлу Герценштейна до крайности обострили эти сопоставленія и въ нихъ истинная душа союза русскаго народа выступила безо всякихъ патріотическихъ прикрасъ. Здѣсь не мѣсто для разбора этихъ аналогій, тѣмъ болѣе, что полная несоизмѣримость должна быть ясна всякому непредубѣжденному уму. Судъ присяжныхъ зачастую выноситъ оправданіе убійцамъ, дѣйствовавшихъ въ состояніи запальчивости, и тяжко караетъ убійства предумышленныя и исполненныя твердой рукой прирожденнаго негодяя

Положеніе правительства было не изъ легкихъ. Невозможность начисто порвать съ началами октябрьскаго манифеста заставляла обращаться всегда на два фронта, и самая поворотливая голова должна бы-

ла утомиться и избрать болѣе постоянное положеніе; такимъ и было привычное направленіе въ сторону репрессіи. Наивность вѣры въ испытанные по негодности пріемы была бы трогательна, еслибъ пріемы эти не отзывались такъ тяжко на обывательскихъ плечахъ. Главными средствами оставались обыски, аресты, высылки, ссылка, тюрьма и казни; арсеналъ обогатился лишь военно-полевой юстиціей, положившей какъ бы несмываемый штемпель на кабинетъ П. Столыпина.

Обыски принимали всероссійскіе размѣры: роспускъ Думы, мятеж и выборгское воззваніе создали такой страхъ передъ всеобщимъ новымъ выступленіемъ противъ правительства, что не было, казалось, ни одного надежнаго угла, ни одного незаподозрѣннаго класса или профессіи. Крамолу искали въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, въ церквахъ, въ городск. и земскихъ, даже въ психіатрическихъ больницахъ, въ окружныхъ судахъ (обыскъ радомскаго окр. суда), въ высшихъ, среднихъ и начальныхъ школахъ; чинамъ полиціи, встрѣчаемымъ нерѣдко пальбой, помогали кое-гдѣ союзники и даже члены партіи «правового порядка»; производились облавы на цѣлые дома и кварталы (Варшава) и рѣшительно никто не былъ застрахованъ отъ непрошенныхъ гостей въ синихъ и черныхъ мундирахъ и штатскихъ платьяхъ; даже на улицахъ, при выходахъ съ собраній, публика рисковала быть обысканной, какъ то было на похоронахъ фонъ деръ-Лауница. Происходили и видимо добровольческія выемки въ родѣ того, что было продѣлано въ свое время сановнымъ Донъ-Жуаномъ у одного изъ иностранныхъ пословъ; такъ, у бывш. депутата Алкина, въ Казани, была похищена вся его переписка и стенограф. отчеты Думы. И т. д. Къ арестнымъ домамъ и тюрьмамъ тянулись по ночамъ вереницы экипажей и пѣшихъ группъ со всѣхъ концовъ городовъ, а на провинціальныхъ проселкахъ неумолчно звенѣли бубенцы подводъ съ тѣми же пассажирами. Все чаще наблюдались въ этой сферѣ тѣ самыя «неосторожности», отъ коихъ предостерегалъ П. Столыпинъ власть имущихъ. Арестовали группу лодзинскихъ фабрикантовъ въ девять душъ за уплату рабочимъ денегъ за забастовочные дни. Арестовывали гостей, собиравшихся у подозрительныхъ лицъ, въ родѣ почтеннаго старца, доктора Долженкова, въ Курскѣ, или пр. Бороздина въ Петербургѣ. Цѣлая комиссія въ Кинешмѣ, выбранная, съ вѣдома администраціи, по продовольственному вопросу, попала тоже подъ арестъ. Посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ инженеръ Скрябинъ, пожаловавшійся вологодскому губернатору на избіеніе союзниками за неснятіе имъ шапки передъ ихъ процессіей. Одинъ урядникъ ухитрился арестовать (въ самарской губ.) цѣлый санитарный отрядъ, выѣхавшій для оказанія помощи холерной больной: понятно, что больная, не дождавшись, умерла, но менѣе понятно, что санитарка Ледомская оказалась избитой плетью. Арестовывали сразу по-многу:

въ Вильнѣ—сходку въ 92 человѣка, въ Тифлисѣ сотнями, въ Лодзи тысячами; брали на дому и при случайныхъ визитахъ въ охранныя отдѣленія (Кранихфельдъ). Карался отказъ подать руку извѣстному ротмистру Будоговскому и быть можетъ нововременскій столпъ, Меньшиковъ, пожалѣлъ, что не носитъ защитнаго голубого мундира послѣ отказа священника Гр. Петрова пожать предательскую руку. Въ этой массѣ обысковъ и арестовъ, которую мы лишь намѣтили, совершенно тонули немногіе реальные результаты, когда удавалось захватить типографію, списки адресовъ, оружіе, бомбы или опасныхъ лицъ. Характернымъ признакомъ движенія была именно его отвлеченность, такъ сказать, духовность; оппозиція была всюду, ею словно насыщенъ былъ самый воздухъ, но болѣе страшныя внѣшнія проявленія ея, какъ теперь достаточно установлено, были столько же дѣломъ рукъ убѣжденныхъ революціонеровъ, сколько и агентовъ-провокаторовъ, въ родѣ Азефа, Ландезена и другихъ, всѣмъ извѣстныхъ лицъ, пока еще продолжающихъ свою разрушительную дѣятельность. Поэтому, нареканія на внѣшнюю полицію въ значительной степени преувеличены или невѣрны; выполняя несвойственныя ей функціи, она не можетъ выработать себѣ чистоты пріемовъ, отличающихъ жандармскія и охранныя отдѣленія; это сказывается и на жертвахъ террора; въ то время, какъ чины полиціи занимаютъ первое, послѣ непричастныхъ лицъ, мѣсто по числу убитыхъ, жандармы находятся въ самомъ концѣ списка, хотя общее число пострадавшихъ чиновъ этого корпуса также было не мало; но гибли они почти всегда не при исполненіи служебныхъ обязанностей, тогда какъ офицеры внѣшней полиціи рисковали жизнью при схваткахъ съ революціонерами лицомъ къ лицу. Политическій сыскъ есть спеціальность, которая не всѣмъ одинаково дается, и общественное мнѣніе издавна съ недовѣріемъ и брезгливостью относится къ извѣстнымъ полицейскимъ профессіямъ. Въ этомъ же кроется и причина традиціоннаго антагонизма между внѣшней и внутренней полиціями.

Высылки послѣ роспуска Думы также были усилены и соотвѣтственно съ этимъ возросло и число «неосторожностей», тѣмъ болѣе, что чрезвычайные законы давали въ руки мѣстныхъ властей дискреціонныя права; къ тому же большинство времен. ген.-губернаторовъ принадлежало къ военному сословію, которому гражданскія правоотношенія всегда остаются въ значительной мѣрѣ чуждыми. Иногда городу угрожала опасность лишиться врача-спеціалиста по бактеріологіи въ разгаръ эпидеміи (Одесса, высылка Діатроптова и Цвирко во время чумы; была пріостановлена); иногда легализація общества не мѣшала высылкѣ его бюро (Петербургъ, союзъ извозчиковъ). Высылались здоровые и больные, старцы и подростки,—система дѣйствовала съ без-

страстностью, не оставлявшей желать лучшаго, заползая все дальше, и мы встрѣчаемъ, наконецъ, приговоръ суда къ ссылкѣ за разсылку кандидатскихъ списковъ во время предвыборной агитаціи (приговоръ по дѣлу Моравскаго въ Лохвицахъ). Гражданская свобода неукоснительно вводилась въ «закономѣрное русло», обѣщанное правит. сообщеніемъ о неудачѣ комбинаціи съ общественными дѣятелями. По берегу этого русла высились все тѣ же красныя тюремныя стѣны и за ними скрывалась все та же многоактная драма, такая тихая и тяжелая. Несмотря на новыя ассигновки и приспособленіе подъ мѣста заключенія казармъ и полицейскихъ участковъ, мѣста не хватало, персонала также; и нота недовольства состояніемъ тюремъ звучала все рѣзче, фиксируя общественное вниманіе на этихъ домахъ скорби, занявшихъ въ русской жизни такое замѣтное мѣсто. Правительству, ступившему на путь репрессіи безъ опредѣленной задачи свернуть съ него для широкихъ реформъ и полнаго исполненія манифеста 17-го октября, не оставалось ничего иного, какъ завинчивать прессъ до конца; поэтому суровыя правила о содержаніи арестантовъ смѣнялись еще болѣе суровыми, а безпорядки карались съ жестокостью, не укладывавшеюся ни въ какія рамки и переходившею нерѣдко въ систематическія истязанія. Повторяемъ,—нельзя огуломъ обвинять тюремную администрацію: есть предѣлы нервному напряженію человѣка, и пусть всякій поставить себя на мѣсто надзирателя, изо дня въ день шагающаго по асфальтовому коридору, отвѣчающаго и за шумъ, и за побѣгъ, и за самоубійства арестантовъ, прежде чѣмъ сравнивать его со звѣремъ. Корень зла лежитъ далеко внѣ тюремныхъ стѣнъ. Но и здѣсь убиваютъ сидящихъ на окнахъ и наводящихъ осколкомъ стекла «зайчика» на часового, убиваютъ за ослушаніе приказа слѣзть, за брань убиваютъ мужчинъ и женщинъ (Семенова и др.), убиваютъ съ полнымъ хладнокровіемъ, какъ какихъ-нибудь совъ (дѣло Тарасова). Послѣдумскій періодъ принесъ болѣе двадцати случаевъ убійства арестантовъ. Это снаружи. А внутри бьютъ и истязуютъ за тѣ же проступки, а иногда пытаютъ и убиваютъ безо всякой причины, какъ въ астраханской, напр., тюрьмѣ. Въ Вильнѣ 26 уголовныхъ потребовали прокурора, которому заявили, что подвергаются всякимъ истязаніямъ. Въ заявленіи 20 крестьянъ тамб. губ. говорится о пыткахъ и истязаніяхъ, которымъ они подвергаются въ козловской тюрьмѣ; ихъ избивали нагайками и желѣзными прутьями до потери сознанія, послѣ чего обливали водой и снова били. Въ петербургской одиночной тюрьмѣ были избиты въ камерахъ арестанты за жалобу на надзирателя Орлова. Въ харьковской тюрьмѣ на шумѣвшихъ арестантовъ надѣли горячечныя рубашки и били кулаками и каблуками до крови; избито около 25 человѣкъ. Изъ вятской пришлось избитыхъ свезти въ больницу, одинъ

помѣшался. Въ севастопольской всѣ окна заколочены, за малѣйшие протесты сѣкутъ розгами. Въ акатуйской бьютъ политическихъ; при переодѣваніи 15 ссыльныхъ въ арестантское платье били прикладами, по приказу нач. тюрьмы Бородулина; потомъ онъ ввелъ въ тюрьму 60 солдатъ, приказавъ снова бить; полъ былъ залитъ кровью, били потерявшихъ уже сознаніе; 13 человѣкъ избиты основательно, двоихъ стащили за ноги и сбросили съ крыльца на камни. Бородулинъ просилъ разрѣшенія нач. каторги Метуса пороть политическихъ розгами. Нач. льговской тюрьмы совершаетъ насиліе надъ 16-лѣтней политической заключенной. Были извѣстія о пыткахъ въ Одессѣ, Кременчугѣ, Пинскѣ, Тамбовѣ, Казани, Вяткѣ, но все превзошли Рига и Астрахань. Въ Ригѣ 16 чел., изъ коихъ 10 было разстрѣляно, а трое сослано въ каторгу, подвергались до суда пыткамъ; били плетьми, посыпали рубцы солью, покрывали тряпками и снова били. Потомъ топтали ногами (за недачу показаній). Вырывали волосы изъ головы и бороды, выбивали зубы. Тушили о тѣло папиросы и сигары. За два-три дня до истязаній переставали давать хлѣбъ и воду, а кормили исключительно селедкой и селедочнымъ разсоломъ. Одному такъ повредили органы естественныхъ отправленій, что послѣднія не могли совершаться, и его нельзя было даже переправить въ тюрьму, — пришлось оставить въ сыскномъ отдѣленіи. Въ письмѣ къ роднымъ несчастный умоляетъ дать ему возможность покончить съ собой, такъ ужасны боли. Во время допроса ему заткнули ротъ прокламаціями, приговаривая: «почитай-ка теперь свои прокламаціи!» Товарищи не узнали одного изъ своихъ, такъ изуродовано было лицо. Подъ вліяніемъ пытокъ слабые оговаривали иногда невинныхъ. Въ астраханской тюрьмѣ били до смерти, исходя изъ того, что «однимъ стало меньше, надо ихъ сплавлять побольше». Врачъ покрылъ своимъ протоколомъ убійство, но виновные на этотъ разъ отправились на каторгу. Самоубійства въ тюрьмахъ все растутъ: Дорофеева давится косой, другіе сжигаютъ себя, обливая керосиномъ, а случается, что и жгутъ себя, и давятся одновременно (Христенко въ Елисаветградѣ). Въ московской тюрьмѣ Бердягинъ перервалъ себѣ горло отточенной чайной ложкой; когда пишущій эти строки отбывалъ заключеніе въ той же тюрьмѣ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, ложку чайную пришлось купить костяную, администрація опасалась теперь и ложекъ. По оффиціальнымъ даннымъ за періодъ 1906—1908 года было 126 случаевъ самоубійствъ и покушеній на нихъ; заслуживаетъ еще отмѣтки случай самоубійства 14 л. мальчика, подвергшагося насилію другого арестанта, оставленнаго безъ привлеченія къ суду (П.-Бургъ, «Кресты»). Понятно, что и случаи безпорядковъ, возмущеній въ тюрьмахъ также стали учащаться, равно какъ и побѣги; появляется въ нихъ и динамитъ, какъ по-

собіе побѣгу или орудіе мщенія начальству; въ Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Пензѣ, Тифлисѣ, Одессѣ, Иркутскѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Воронежѣ и Акатуѣ происходятъ наиболѣе выдающіеся бунты, подавляемые безпощадно (въ Ригѣ стрѣляли по запертымъ уже арестантамъ). Отношеніе администраціи къ явленіямъ тюремной жизни, здѣсь лишь бѣгло отмѣченнымъ, всегда почти одинаково: разслѣдованія выясняютъ вину арестантовъ, чины надзора дѣйствуютъ въ общемъ законно; исключеніе составляетъ рѣчь екатеринославскаго вице-губернатора въ камерѣ № 12 мѣстной тюрьмы въ декабрѣ 908 года: «Въ тюрьмѣ,— сказалъ онъ,—творятся странныя вещи. Я пріѣхалъ заявить вамъ, что впредь никакія избіенія и т. п. звѣрства въ тюрьмѣ допущены не будутъ. Вотъ онъ стоитъ здѣсь и слышитъ (виц.-губ. указалъ на нач. тюрьмы Федосова), и надзиратели слышатъ, что я говорю: повторенія звѣрствъ, которыя творились здѣсь, допущены мною не будутъ; у насъ слишкомъ много законныхъ средствъ противъ васъ, чтобы мы нуждались еще въ незаконныхъ и варварскихъ».

Нехватаетъ и военныхъ тюрьмъ (въ Московскомъ округѣ учреждается новая дисциплинарная рота), а про гражданскія и говорить нечего; одинъ изъ губернаторовъ, оффиціально благодаря начальника тюрьмы, въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ его заслуги по содержанію зданій, для характеристики которыхъ губернаторъ не жалѣетъ черныхъ красокъ, при этомъ видимо не задумываясь о мѣрахъ къ приведенію тюрьмы въ жилой видъ. Къ 1909 году сыпной и другіе виды тифа сдѣлались постоянными гостями русскихъ тюремъ, вмѣстѣ съ пауками и мокрицами; въ небольшой, сравнительно, калужской тюрьмѣ число тифозныхъ достигло одно время почти сотни; большая часть конвоя и надзирателей переболѣла и перемерла; больные долеживали въ камерахъ до потери сознанія, послѣ чего ихъ везли вповалку на дрогахъ въ земскую больницу; случалось даже, что вмѣсто конвойныхъ вели лошадей арестанты же, такъ какъ конвойные хворали. Въ кандалахъ умирали они, въ кандалахъ и хоронили сначала, потомъ стали сбивать съ мертвыхъ. Тифозные предстоятъ и суду, приходится откладывать дѣла, возлагая расходы на молчащую тюремную администрацію (Кіевъ). Къ сожалѣнію, ко всѣмъ этимъ тюремнымъ настроеніямъ примѣшивается и «политика»; уголовные арестанты, въ общемъ относящіеся къ политическимъ дружелюбно, подвергаются кое гдѣ пропагандѣ иныхъ взглядовъ, и случаи избіеній «политическихъ», даже убійствъ, зарегистрованы печатью; слухи о вліяніи въ данномъ случаѣ мѣстнаго тюремнаго начальства всегда сопутствуютъ отчетамъ объ избіеніяхъ, рѣдко, впрочемъ, принимая оффиціозный характеръ; только казанскіе уголовные вызвали своевременно прокурора и заявили ему, что пом. нач. тюрьмы Горемыкинъ и

ст. надзиратель предлагали имъ учинить насиліе надъ политическими заключенными женщинами, обѣщая безнаказанность. Принято думать, что уголовные арестанты сплошь состоятъ изъ человѣческаго отребья; и всякій такой, какъ въ Казани, случай долженъ былъ бы учитываться для выработки иного отношенія къ этимъ несчастнымъ *людямъ*, иныхъ способовъ ихъ исправленія. Едва ли, поэтому, можно признать совершенной мѣру глав. тюремн. управленія — изготовлять, *вопреки отклоненію* Госуд. Думой времен. закона о наручникахъ, наручники стараго образца и заказъ 3000 паръ кандаловъ и 2000 паръ наручней (цирк. 12-го іюня 1908 г.). Все унижающее человѣческое достоинство можетъ только вредить, усложнять и безъ того сложное пенитенціарное дѣло. Но, очевидно, крутая лѣстница репрессіи не позволяетъ остановиться на полдорогѣ внизъ, и скоро вступаемъ мы въ полосу казней и разстрѣловъ, послѣднюю, повидимому, ступень, возлѣ которой растетъ постепенно груда человѣческихъ тѣлъ съ высунутыми языками и остеклѣвшими глазами, вышедшими изъ орбитъ,—настоящая пирамида въ честь новаго русскаго строя.

Достаточно неестественная «комбинація» съ привлеченіемъ общественныхъ дѣятелей въ кабинетъ П. Столыпина вскорѣ замѣнена была совершенно естественной комбинаціей со строевыми офицерами, часть которыхъ стала временными губернаторами, а другая — военно-полевыми судами. Законъ о воен.-полевыхъ судахъ совершенно ясно указывалъ на категоріи преступленій, имъ подсудныхъ; но обычная практика стерла всѣ грани и привела къ тому, что даже и этотъ трибуналъ началъ выносить оправдательные приговоры, къ вящшему негодованію иныхъ представителей высшей мѣстной власти. Нерѣдки были, поэтому, случаи отмѣны постановленій суда, и ихъ исправленія единоличной властью ген.-губернаторовъ; нерѣдко гуманные судьи платились своимъ служебнымъ положеніемъ за промахи мимо висѣлицъ. Военно-полевая юстиція тяжкимъ кошмаромъ повисла надъ придушеннымъ обществомъ, пока оно къ этому не претерпѣлось. Нескончаемый потокъ казней привелъ къ тому, что и 80-лѣтній Левъ Толстой сталъ «мечтать», какъ о недосягаемомъ блаженствѣ, чтобъ и вокругъ его шеи захлеснулась мыльная веревка, лишь бы не жить въ этой странѣ, не читать про казни, не слыхать о добровольцахъ-палачахъ, этомъ новомъ институтѣ, лучше всего характеризующемъ эпоху разложенія нравовъ въ Россіи XX вѣка! Письмо это, за напечатаніе выдержекъ изъ котораго на газеты налагались трехтысячные штрафы, не замедлило попасть цѣликомъ и въ тюрьмы, и произвело среди заключенныхъ очень сильное впечатлѣніе. Послѣ этого письма являлся въ Петербургъ извѣстный м. Стэдъ, плачевно кончающій свою славную публицистическую дѣятельность наивными interview съ русскими вла-

стями. Его разспросы о числѣ смертныхъ приговоровъ и казней удовлетворили, насколько можно судить по англійской прессѣ, его одного. Разстрѣлы массовые производились попрежнему, преимущественно въ Балтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и Царствѣ Польскомъ, гдѣ броженіе питалось непрекращающимся военнымъ положеніемъ; внутри страны число разстрѣловъ было нѣсколько меньше, но зато военные суды дѣйствовали почти безпрерывно и персоналъ ихъ былъ заваленъ работой сверхъ всякой мѣры; вмѣстѣ съ тѣмъ суды были ограничены извѣстными сроками, что не замедлило сказаться на слѣдственной части; все чаще доходятъ до насъ вѣсти о невинно-казненныхъ, и главный недостатокъ института казней — непоправимость ошибки,—освѣщается обширнымъ матеріаломъ изъ русской практики. Такъ, повѣшенные 19 янв. 1907 г. въ Одессѣ четыре человѣка, выбѣжавшіе, вмѣстѣ съ другими жильцами, изъ обстрѣливаемаго полиціей дома, ничего общаго съ анархистами не имѣли; мать двоихъ изъ нихъ сошла съ ума и пыталась лишить себя жизни. Въ Ригѣ разстрѣляны 15-го ноября 1907 г. два человѣка, на приговоръ къ смерти которыхъ былъ поданъ протестъ *прокуроромъ*, такъ какъ они были невинны. Осталось у всѣхъ убѣжденіе въ невинности студента моск. университета Брюно, обвинявшагося въ экспропріаціи и казненнаго въ 1907 году. На судѣ разыгрывались настоящія трагедіи: рыдали защитники, посторонніе люди; съ притерпѣвшимися политическими адвокатами дѣлались обмороки; приговоры объявлялись подъ нечеловѣческій, дикій вой осужденныхъ и приходилось вводить усиленный конвой для успокоенія расходившихся нервовъ присутствующихъ. Всего ужаснѣе были казни малолѣтнихъ, вовлеченныхъ въ революціонный потокъ внѣ своей воли, какъ молодые побѣги травы, смываемые весенней грозой; среди повѣшенныхъ за экспропріацію въ магазинѣ стеколъ въ Москвѣ (сент. 906 г.) находился малолѣтній гимназистъ Морозовъ, пожелавшій видѣть священника; онъ приложился ко кресту, причастился, затѣмъ просилъ передать матери, что онъ гибнетъ по неопытности, молодости; передъ самой казнью несчастный ребенокъ, раненый тяжело еще при поимкѣ, лишился чувствъ и петля была надѣта на обморочнаго. Въ Батумѣ разстрѣляны той же осенью четыре несовершеннолѣтнихъ и т. д. Постепенно расширяется примѣненіе казни; вѣшали къ 1909 г., за кражу полбутылки водки (дѣло Винтина), за ограбленіе десятка рублей, за поджогъ стога сѣна изъ мести и т. под. Среди казненныхъ все чаще видимъ женщинъ,—Коноплянникову, убійцу ген. Мина, Венедиктову (по кронштадтскому дѣлу—попытка къ покушенію на судъ) и друг., при чемъ упорный слухъ о томъ, что Венедиктова казнена беременной (о чемъ она сама заявила на судѣ) остается неопровергнутымъ. Въ нескончаемой вере-

Рѣчь Императора Александра III къ старшинамъ въ Петровскомъ дворцѣ въ Москвѣ.

ницѣ висѣльниковъ утомленное вниманіе лишь изрѣдка останавливается на отдѣльныхъ лицахъ; вотъ Матюшенко, руководитель бунта на «Потемкинѣ», вернулся изъ Парижа, тоскуя по родинѣ, и попался немедленно; вотъ Мартянкинъ, надъ просьбой котораго о помилованіи плакали закоренѣлые злодѣи въ подвалѣ московской таганской тюрьмы; вотъ Качоровскій помилованъ на пути къ висѣлицѣ, при чемъ телеграмма изъ Петергофа о пріостановкѣ приходитъ часъ спустя послѣ телеграммы гл. воен. прокурора Павлова о приведеніи приговора въ исполненіе. Солдата казнятъ въ присутствіи полка, возстановляя публичную смерть; на бѣду солдатъ публично же заявляетъ о своей невинности, какъ до этого заявилъ священнику (въ Васильковѣ, рядовой Ткачевъ). Депутатъ парламента пишетъ изъ тюрьмы, являющейся какъ бы слѣдующей послѣ Думы страницей жизни современнаго народнаго представителя, что передъ его окномъ вѣшаютъ людей и бьютъ ихъ передъ этимъ; трехъ студентовъ въ Москвѣ вѣшаютъ въ одинъ часъ; въ Екатеринославѣ палачъ наступаетъ на горло сорвавшемуся съ петли осужденному, чтобы тотъ не кричалъ, и такъ издѣвается вообще надъ казнимыми, что прокуроръ долженъ вступиться за нихъ. И такъ далѣе, безъ конца, стоятъ висѣлицы, судятъ военные суды, наживаютъ деньги палачи и развращенный народъ уже не

...«молитъ, исполненъ боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни».

Въ виду того, что число преступленій не падало, приходилось признать, что казнь перестала кого бы то ни было устрашать; но выводъ этотъ не успокаивалъ, и въ лѣтописяхъ казней появляется новая рубрика—безсудныхъ казней. По единоличнымъ распоряженіямъ генералъ-губерноторовъ Гершельмана, Скалона и др. десятки людей были казнены безъ тѣни какого-либо слѣдствія и суда; общественное мнѣніе, Гос. Дума, Европа, наконецъ,—всѣ были столько же возмущены самыми случаями, сколько и ихъ безнаказанностью; дѣло восходило къ Сенату, который установилъ полнѣйшую законность такихъ казней, ибо извѣстный параграфъ исключительнаго положенія даетъ право главночальствующему лишать и жизни, лишь бы онъ доводилъ о томъ до свѣдѣнія Государя Императора; и т. к. было установлено, что послѣднее условіе соблюдалось этими генералами неукоснительно, то къ привлеченію ихъ за убійство къ тому же военному суду поводовъ не представлялось, а, наоборотъ, было достаточно поводовъ для награжденія усердія по службѣ.

Съ такимъ-то багажемъ вступило правительство послѣ роспуска первой Думы на путь обновленія строя. Мы приводили здѣсь и позднѣйшія свѣдѣнія; но ни кратковременная сессія второй Думы, ни тѣмъ болѣе робкая и послушная третья не служили уже помѣхами

къ торжественному шествію реакціи, и весь этотъ періодъ можетъ быть поставленъ подъ флагомъ «полноты власти». Къ началу 1908 года дѣло представлялось приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: комплектъ тюремныхъ мѣстъ былъ покрытъ вдвое, достигнувъ впослѣдствіи 200.000 человѣкъ. Число высланныхъ равнялось 74—75.000, изъ нихъ политическихъ 88%, при чемъ сюда не вошли ни слѣдовавшіе по этапамъ за время составленія свѣдѣній (м. вн. дѣлъ), ни ожидавшіе высылки по тюрьмамъ. Изъ этого числа около 40.000 было въ бѣгахъ, по указаннымъ раньше причинамъ. Бывали отдѣльные *мѣсяцы*, когда изъ одного Петербурга высылалось по 4000 душъ (1907 г.). Въ 1907 году по приговорамъ судовъ было больше предыдущаго сослано на 35%, а въ административномъ порядкѣ на 68%. Наибольшее число высланныхъ падаетъ на губерніи: Астраханскую, Архангельскую, Вологодскую и Тобольскую. Затѣмъ идутъ Нарымскій и Туруханскій края, Обдорскъ, Березовъ и др. Третье мѣсто занимаютъ поволжскія губерніи, а затѣмъ внутреннія, куда ссылаются преимущественно въ административномъ порядкѣ рабочіе и интеллигенты. Въ одномъ Нарымскомъ краѣ покончило съ собой за 1908 г. 26 ч. ссыльныхъ. За 1906 и 07 гг. приговорено къ смертной казни 2. 717 ч., казнено 1.780, въ томъ числѣ военно-полевыми приговорено и казнено 144. Къ каторгѣ приговорено 3.873, къ пожизненной ссылкѣ 502 человѣка. Къ заключенію въ тюрьму и аресту присуждено 5.751 ч., въ арестантскія отдѣленія 2.586, въ дисциплинарные баталіоны 1.538, въ крѣпость 1.307 человѣкъ. О печати мы будемъ еще говорить, но теперь же приведемъ данныя о репрессіяхъ и противъ нея, равно какъ и нѣкоторыя другія, чтобы уже не возвращаться къ обзору отдѣльныхъ проявленій реакціи. Итакъ, редакторовъ періодической печати привлечено было къ судебной отвѣтственности 1.114 ч. Газетъ и журналовъ пріостановлено администраціей и судебной властью 978 изд.; оштрафовано 174 органа на сумму 112.150 рублей. Изъ депутатовъ первой Гос. Думы привлечено по 129 ст. уг. ул. за выборгское воззваніе 180 лицъ, изъ коихъ 23 человѣка привлечено было по другимъ политическимъ дѣламъ на основаніи 129 и 132 ст. ст. Приговорены были изъ бывшихъ депутатовъ первой Думы къ ссылкѣ на поселеніе 1, къ заключенію въ крѣпости и къ аресту—5, къ штрафу—4, къ лишенію священническаго сана—2, къ тюрьмѣ—168 человѣкъ. Изъ депутатовъ второй Думы привлекалось по ст. ст. 102, 103, 129 и 132 всего 74 лица, приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ, отъ ареста до каторжныхъ работъ. Всего за два года приговорено 18.274 человѣка, въ среднемъ болѣе 25 человѣкъ въ день. За слѣдующіе полтора года всѣ эти цифры значительно возросли и только въ самое послѣднее время начинаетъ нѣсколько уменьшаться

число приводимыхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Не потому, конечно, что:

«Рука бойцовъ колоть устала»,

а потому, что всеобщее негодованіе и презрѣніе къ политикѣ репрессій начало сказываться на такихъ сторонахъ русскаго быта, регрессъ которыхъ грозилъ настоящимъ маразмомъ всему государственному организму.

Законъ объ отмѣнѣ смертной казни, проведенный въ первой Думѣ, и до сего времени остается въ области пожеланій. Въ развалъ доконституціонной реакціи, за послѣднюю четверть XIX вѣка было казнено всего, по приговорамъ судовъ всѣхъ видовъ, лишь 44 человѣка; военно-полевой судъ во время Японской войны приговорилъ къ смерти всего *одного* человѣка. Конституція 17-го октября, еще такая юная, слабая, едва дышащая подъ мѣшками съ кислородомъ— трехъ Думъ, стоила уже нѣсколькихъ тысячъ человѣческихъ жизней, не говоря о самоубійцахъ въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ и на каторгѣ, не говоря о тѣхъ тысячахъ слабыхъ людей, которыхъ влечетъ къ преждевременной могилѣ тупое отчаяніе, безнадежность грядущихъ дней, созерцаніе нечеловѣческихъ страданій родины, приниженность народа, разложеніе школы, семьи, общества. Самосудъ надъ собой спускается все глубже, чуть не въ дѣтскія комнаты домовъ, гдѣ при иныхъ условіяхъ царили бы бодрая вѣра въ себя, покойная и веселая работа всякаго надъ своимъ дѣломъ. Печальная эпоха для сильныхъ духомъ, трагическая для безвольныхъ.

Не слѣдуетъ, конечно, ни на минуту упускать изъ вида и того обстоятельства, что правительство подвергалось и само нападеніямъ отовсюду, особливо послѣ роспуска первой Думы, и что некоординированіе репрессіи съ вызвавшими ее причинами можетъ быть понято даже и наиболѣе прямолинейными оппозиціонными умами; и если понять это не значитъ—простить, то объяснить послѣдующее во всякомъ случаѣ можно. Неувѣренность въ себѣ, бросанье изъ стороны въ сторону, рѣзкія движенія, крайнія мѣры по ничтожнымъ поводамъ, склонность къ преувеличенію, сокрытіе истины, легкость отреченія отъ того, что недавно признавалось незыблемымъ, недовѣріе къ ближайшимъ спутникамъ и помощникамъ, — все это признаки дѣйствій людей, одержимыхъ плохо скрытой паникой, и эти признаки мы найдемъ въ цѣломъ рядѣ дѣйствій правительства въ 1906 году; позднѣе, подъ вліяніемъ внѣшней тишины, паника также быстро и также неосновательно смѣнилась самоувѣренностью, настойчивостью, убѣжденіемъ въ дѣйствительности репрессій, надеждой на долгое укрѣпленіе бюрократическаго режима, несклонностью даже къ малѣйшимъ реформамъ. И нужно было не мало времени для того, чтобы убѣдиться въ полной импотенціи этого режима,

опирающагося на такую же безсильную Думу. Еще и теперь не исчезло стремленіе отдѣлаться полумѣрами и даже повторить опытъ съ привлеченіемъ въ составъ высшаго органа свѣжихъ людей; еще и теперь способны утѣшаться осмотромъ хуторовъ, напоминающимъ извѣстное путешествіе Екатерины и аракчеевскіе смотры военныхъ поселеній,—съ жаренымъ поросенкомъ въ каждой избѣ,—и закрывать глаза на нарождающійся сельскій пролетаріатъ; способны не думать о причинахъ промышленнаго и финансоваго кризиса, о всеобщемъ недовольствѣ и оскудѣніи. Что же говорить о смутныхъ осеннихъ мѣсяцахъ 1906 г., когда повсюду трещали браунинги и взрывались бомбы террористовъ, когда грабежи приняли чисто гемерическіе размѣры, когда смерть гуляла по Руси, какъ пьяный по базару, задѣвая кого придется! Тогда-то мало кто зналъ, что за кулисой страшнѣйшихъ террористическихъ актовъ и экспропріацій стояли агенты правительства, въ родѣ Азефа и Ландезена и что страна была опутана большими и малыми провокаторами, какъ сѣтью, въ которой много входовъ и ни одного выхода, кромѣ насилія. Тогда и самые прогрессивные круги общества склонялись къ крутымъ мѣрамъ, хотя и ничего не было общаго между этимъ справедливымъ желаніемъ покоя и реакціей восьмидесятыхъ годовъ, порожденной смертью царя-освободителя крестьянъ, царя-творца судебныхъ уставовъ и органовъ самоуправленія. Здѣсь, на виду у всѣхъ, билось также оплетенное правительство противъ людей, среди которыхъ лишь небольшая часть объявила себя врагами всякаго строя, а огромное большинство стремилось къ созидательной работѣ, къ законному своему мѣсту у государственнаго руля. Печать, склонная просто смотрѣть на вещи и по возможности называть ихъ своими именами, говорила: «ясно, что примиренія между людьми, подписавшими отвѣтный адресъ первой Думы и ему сочувствующими, и тогдашнимъ правительствомъ не могло быть; исполненіе любого изъ пунктовъ намѣченной народными представителями программы равнозначуще смерти бюрократизма, и странно было бы ожидать добровольной сдачи его или самоубійства; ясно и то, что вообще безъ чиновничества долго еще не выработается никакого строя и что дѣло сводится къ немногочисленной группѣ стоящихъ во главѣ правительства лицъ, готовыхъ биться за прерогативы своей власти всѣми способами и до послѣдняго вздоха». Не менѣе очевидно, однако, что крайнія средства борьбы не только не помогаютъ оппозиціи, а ослабляютъ ее на всю ту сумму негодованія, которое возбуждаетъ всякое кровопролитіе и нарушеніе чужихъ правъ. Подобно тому, какъ правительство стоитъ на невѣрномъ пути бѣлаго террора, борящіеся съ нимъ тѣмъ же оружіемъ стоятъ въ той же трясинѣ, гдѣ легко загубить государство.

Въ призывахъ къ организаціи всѣхъ общественныхъ силъ, къ единенію, недостатка не было; но т. к. въ такомъ объединеніи скрывалась *наибольшая* опасность для правительства, то и наибольшее усиліе употреблено было на то, чтобы всячески воспрепятствовать концентраціи освободительной арміи. Раздробленіе ея, возстановленіе однихъ противъ другихъ, поощреніе взаимной вражды было, однако, политикой, подрывавшей и международное и внутреннее могущество имперіи. Поэтому наступало такое время, когда трудно было уклоняться отъ участія въ разрѣшеніи вѣковѣчнаго и всюду одинаковаго спора между самовластнымъ чиновничествомъ и народомъ, стремящимся къ самоуправленію. Обостренныя отношенія между политическими партіями, расколъ, проникшій даже въ семьи, разбросавшій родителей и дѣтей, ссорившій вчерашнихъ друзей,—все это тормозило оппозиціонное движеніе; но самое настроеніе замѣтно росло въ теченіе всего этого времени, проникая въ толщу населенія и плодя недовольныхъ. Явное сочувствіе къ народу и его представителямъ со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія укрѣпляло это настроеніе; дѣйствительно, начиная съ демонстраціи на междупарламентскомъ конгрессѣ 1906 года и кончая послѣднимъ путешествіемъ депутатовъ, цивилизованный міръ не скупился на выраженія горячей симпатіи тѣмъ стремленіямъ русскаго народа, которыя, будучи по существу мирными, обезпечивали и будущій европейскій миръ. Наконецъ и среди недавнихъ враговъ представительныхъ учрежденій начинаетъ какъ будто назрѣвать убѣжденіе, что мало имѣть фикціи парламента для водворенія попраннаго права на мѣсто грубой силы, а нуженъ настоящій парламентъ; полное безлюдье во всѣхъ отрасляхъ управленія само указывало на обязанность правительства выполнить волю Монарха, для котораго созерцаніе страны процвѣтающей, сильной и богатой, можетъ быть только вѣнцомъ царствованія и на котораго нельзя возлагать отвѣтственность за всякій шагъ его правителей. Къ образу такихъ шаговъ мы и возвращаемся, по возможности возстановляя и общую обстановку событій того времени.

Обстановка эта, если опредѣлить ее однимъ словомъ, была погромной; съ одной стороны разгрому подверглись вмѣстѣ съ Думой и всѣ организаціи, носившія сколько-нибудь прогрессивный характеръ, съ другой—настоящими погромами грозились со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ городахъ черты еврейской осѣдлости и внутри Россіи. Завѣреніямъ властей, что онѣ не допустятъ кровопролитія, никто не вѣрилъ послѣ того, что правительство не предотвратило бѣлостокскаго погрома, и больше всего не вѣрили имъ въ союзническихъ кругахъ и среди городского отребья, державшагося прежняго злополучнаго взгляда, что «крамольниковъ и жидовъ царь позволяетъ бить три дня»; тутъ ожи-

дали только сигнала въ родѣ того, какимъ уславливался въ своемъ обращеніи, уже нами цитированномъ, ротмистръ Будоговскій. Настроеніе оставалось тревожнымъ, а послѣ убійства Герценштейна оно ухудшилось опасеніями отдѣльныхъ убійствъ среди интеллигенціи. Правительство занято было ликвидаціей старыхъ дѣлъ революціи, готовились процессы Фидлера, о московскомъ вооруженномъ возстаніи, о кутаисскихъ дружинахъ, о захватѣ ст. Люботинъ, эзельской республикѣ и т. под., и хотя главные дѣятели были за предѣлами досягаемости, всюду чудились проявленія ихъ злой воли, всюду пахло революціоннымъ порохомъ. Наоборотъ, дѣла о погромахъ какъ-то затягивались, и хотя не было въ этомъ для правительства ничего, кромѣ вреда, и безвыгодно было выгораживать погромщиковъ, общество приписывало ему именно такія намѣренія. Общее отвращеніе къ этимъ подонкамъ населенія было таково, что нерѣдки бывали случаи отказа адвокатовъ отъ защиты ихъ на судѣ, и какъ-то само собой случилось, что среда повѣренныхъ выдѣлила изъ себя трехъ-четырехъ человѣкъ, уже постоянно и выступавшихъ по всѣмъ погромнымъ дѣламъ; выдѣлялись Шмаковъ, Борисъ Никольскій и Булацель; послѣдній особенно, какъ своимъ крикливымъ пафосомъ, такъ и грубостью пріемовъ, иногда и оскорбленіями самаго суда. Но ихъ практика была еще впереди; осень 906 г. принесла рядъ погромовъ, изъ которыхъ выдѣлились хроническіе погромы въ Одессѣ и короткій, но страшный сѣдлецкій погромъ. Стараніями одесскихъ союзниковъ городъ былъ совершенно терроризованъ; торговля начала падать, теченіе университетской жизни нарушилось и постепенно всѣ отношенія обострились настолько, что и высшая мѣстная власть затянута была въ борьбу; искусственный подборъ на профессорскихъ выборахъ, давленіе на органы самоуправленія, поддержка оффиціальными распоряженіями черносотенной прессы, безудержныя высылки, все это создало, наконецъ, такую невообразимую путаницу, что затревожились консулы иностранныхъ державъ, обязанные заботиться о соотечественникахъ; такъ, когда въ февралѣ 907 г. Одесса снова подверглась четырехдневному погрому, при чемъ пострадали и иностранцы, совѣщаніе генеральныхъ консуловъ установило, что власти, *вопреки* своимъ обѣщаніямъ, фактически не принимаютъ мѣръ, чтобы обезопасить жизнь и имущество иностранныхъ подданныхъ. Эту же резолюцію протелеграфировали они своимъ правительствамъ, прося защиты и воздѣйствія. Какъ ни странно, но это обстоятельство, равнявшее Россію съ какой-нибудь трущобой въ центрѣ Африки, гдѣ нѣтъ житья отъ чернокожихъ бандитовъ, не было обращено особаго вниманія; Одесса продолжала отъ времени до времени громиться, пока не начались взрывы коммерческихъ судовъ, портовыя забастовки и побоища, вконецъ подорвавшія былое

значеніе города. Конечно, у власти много было и безъ того заботъ. Помимо ряда такихъ же погромовъ въ Полоцкѣ, Томашполѣ, Семіоновкѣ (провокація установлена) и др. мѣстахъ, большого шума надѣлалъ Сѣдлецъ. Доселѣ точно не установлены причины поведенія расположеннаго въ Сѣдлецѣ гарнизона, но донесеніе мѣстнаго жандармскаго офицера Пѣтухова совершенно открыто устанавливаетъ иниціативу и вину начальника гарнизона, полк. Тихановскаго и др. офицеровъ.

Здѣсь не лишне привести выдержки изъ этого документа, указывающаго на наличность и въ корпусѣ жандармовъ добросовѣстныхъ слугъ. 11-го августа 1906 г... «Происходило совѣщаніе о болѣе раціональной охранѣ города и производствѣ въ Сѣдлецѣ повальныхъ обысковъ; послѣднее требовалось телеграммой главнаго начальника края. Подполковникъ Тихановскій тутъ же требовалъ указать ему нѣсколькихъ почтенныхъ гражданъ г. Сѣдлеца, которые, хотя сами и не принимаютъ активнаго участія въ революціонномъ движеніи, но такъ или иначе способствуютъ ему. Подп. Тихановскій высказалъ намѣреніе посадить этихъ лицъ въ тюрьму, считая ихъ заложниками, и хотѣлъ объявить имъ, что, въ случаѣ покушенія на кого-либо изъ служащихъ, они будутъ лишены жизни. Подп. Тихановскій заявилъ, что онъ все беретъ на себя. На вопросъ же, какимъ образомъ заложники будутъ лишены жизни, п. Тихановскій обратился къ полицеймейстеру съ вопросомъ, не найдется ли у него стражника, который, прикинувшись сумасшедшимъ, перестрѣляетъ заложниковъ въ тюрьмѣ, либо подсыплетъ имъ въ кушанье мышьяку. «На терроръ революціи мы должны отвѣтить еще болѣе сильнымъ терроромъ», добавилъ п. Тихановскій... Въ тотъ же день мы вновь собрались въ Губерн. Жанд. Управленіи... П. Тихановскій... потребовалъ, чтобы полицеймейстеромъ ко времени обысковъ была приготовлена пожарная команда, а всѣ доктора должны были къ этому времени собраться въ больницахъ. Съ своей стороны п. Т-кій обѣщалъ приготовить лазаретныя линейки. На вопросъ, къ чему всѣ эти приготовленія, п. Т-кій заявилъ, что могутъ быть и убитые, и раненые, т. к. пощады не будетъ, и употребленіе оружія будетъ поощрено: могутъ случиться и пожары. Такъ готовились мы къ производству мирныхъ обысковъ, а драгунскіе офицеры, какъ стало извѣстно затѣмъ уже, въ тотъ же вечеръ, будучи въ обществѣ, потирали руки и съ самодовольной улыбкой заявляли громогласно: «ужъ мы устроимъ имъ погромчикъ, пощады не будетъ!» О томъ же шли толки и среди солдатъ... Изучивъ настроеніе п. Т-каго и вообще офицеровъ драгунскаго полка (39-го Нарвскаго. В. О.) и нижнихъ чиновъ, мы рѣшили протестовать противъ обысковъ по плану п. Тих-го, ссылаясь на недостатокъ силъ, но онъ не унимался... Полк. Выргаличъ... 13-го авг. заболѣлъ и слегъ. Я же, бывая у губер-

натора, неоднократно обращалъ его вниманіе на настроеніе п. Тих-го и вообще войскъ гарнизона и совѣтовалъ не давать имъ воли, открыто заявляя, что это можетъ вызвать грабежъ и ненужное кровопролитіе, какъ это уже имѣло мѣсто 8-го августа послѣ убійства полицеймейстера кап. Гольцова. Губернаторъ, повидимому, внимательно прислушивался къ моимъ доводамъ, и, дѣлая замѣтки для памяти, обѣщалъ принять нужныя мѣры. (За три дня до погрома губернаторъ такъ же *заболѣлъ*. В. О.). Затѣмъ до 26-го августа я нѣсколько разъ видѣлся съ п. Т-мъ, онъ въ это время занимался составленіемъ инструкцій войскамъ по охранѣ города. Въ одной изъ инструкцій было сказано, между прочимъ, что съ наступленіемъ тревоги въ городѣ, телеграфъ прекращаетъ пріемъ частныхъ телеграммъ. На мой вопросъ о цѣли этого распоряженія, п. Тих-ій отвѣтилъ, что это распоряженіе онъ дѣлаетъ для того, чтобы жители не могли посылать телеграммъ о прекращеніи дѣйствія войскъ, когда послѣднія будутъ ихъ проучать. Хорошо характеризуютъ личность п. Тих-го и другіе факты. Такъ, напр., онъ говорилъ полицеймейстеру, все еще не оставляя мысли о повальныхъ обыскахъ: «пусть ротм. Пѣтуховъ и не думаетъ, что у насъ будутъ арестованные, а отмѣченные въ его спискѣ навѣрное среди арестованныхъ не окажутся», это является какъ бы отвѣтомъ на устройство во время обысковъ перевязочныхъ пунктовъ и на приготовленіе лазаретныхъ линеекъ. Затѣмъ, въ первую же ночь стрѣльбы въ Сѣдлецѣ, около 3 час. на 27-ое августа, п. Т-кій, съ цѣлью «поднятія духа войска», какъ потомъ самъ объяснилъ, вызвалъ изъ драгунскихъ казармъ хоръ трубачей, а когда ему въ этомъ было отказано, онъ собралъ пѣсенниковъ, и среди трескотни выстрѣловъ, кровопролитія, грабежа и пожаровъ въ городѣ раздавалось пѣніе... 26-го августа, около $8^1/_2$ ч. вечера, въ городѣ раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, въ отвѣтъ на которые немедленно открылась безпорядочная стрѣльба войскъ, не разбиравшихъ, стрѣляютъ изъ даннаго дома или нѣтъ. Въ первую же ночь пулями побиты стекла въ общежитіи при женской гимназіи, откуда уже навѣрное не стрѣляли. Побиты стекла и въ домѣ Губ. Жанд. Управленія. Войска безпощадно расправлялись съ мирными жителями; я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ приведено было въ полиц. управленіе нѣсколько человѣкъ, преимущественно пожилыхъ и старыхъ евреевъ, и какъ солдаты съ увлеченіемъ, на глазахъ п. Т-го пропускали ихъ сквозь строй прикладовъ. При мнѣ же стоявшій недалеко отъ полиціи драгунскій солдатъ безъ всякой причины стрѣлялъ въ окна квартиры члена окр. суда Мудрова. Я былъ также свидѣтелемъ, какъ драгунъ явился за патронами и п. Тих-кій сказалъ ему: «мало убитыхъ»... Остановить п. Т-го порывался (кромѣ жанд. офицеровъ Потоцкаго и Григо-

рьева. В. О.) и и. д. полиц-ра шт.-кап. Протопоповъ, но на всѣ доводы получалъ отвѣтъ: «Не ваше дѣло». Унт.-офицеровъ ввѣреннаго мнѣ управленія, живущихъ на Соколовскомъ шоссе, до разсвѣта 27-го авг. въ городъ не пускали воинскіе посты, заявивъ, что никого не велѣно пускать. Съ разсвѣтомъ они принимали участіе въ обыскахъ, но затѣмъ ими было доложено, что войска тамъ, гдѣ нѣтъ офицеровъ, и не производятъ обысковъ, а просто грабятъ и зря бьютъ людей. Одинъ изъ драгунъ, котораго хотѣлъ остановить унт.-оф. Ефимовъ, выхватилъ на него шашку. Стражниковъ въ одномъ мѣстѣ солдаты прогнали прикладами. Уже въ первую ночь драгуны обращались за керосиномъ для поджоговъ къ жанд. унт.-офицерамъ Андрейчуку и Зайцу, и на вопросъ, какъ они смѣютъ дѣлать это, солдаты отвѣтили: «такъ велѣно». Грабежи происходили также и въ первую ночь. 27-го авг., съ наступленіемъ сумерекъ, войска окончательно разнуздались; ими разбиты всѣ пивныя и нѣкоторые склады винъ; все растаскано и частью выпито, а частью просто побито. Во вторую ночь войска почти поголовно были пьяны. (Затѣмъ идетъ показаніе объ истязаніяхъ, грабежахъ и поджогахъ отдѣльныхъ лицъ и зданій. В. О.)... Фактъ грабежа солдатами во всякомъ случаѣ установленъ. ...Солдаты брали все, что могли, а другія вещи, какъ, напримѣръ, мебель, во многихъ случаяхъ уничтожали на мѣстѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ приказъ по сѣдлецкому гарнизону за № 77, съ надписью: «не подлежитъ оглашенію»... Мирные и самые благонамѣренные жители говорятъ: «Губернаторъ обѣщалъ, что пока онъ въ Сѣдлецѣ, то погромовъ не будетъ, а что вышло»: На солдатъ даже и русское общество не смотритъ уже какъ на защитниковъ, и появленіе на улицахъ конныхъ драгунъ производитъ на всѣхъ самое тревожное впечатлѣніе... Въ этомъ докладѣ я старался изложить не только личный взглядъ, но и то впечатлѣніе, какое вынесъ чиновникъ особыхъ порученій Губонинъ, который въ этомъ же духѣ представилъ докладъ министру.

27-го сент. 1906 г. Сѣдлецъ.

Ротм. *Пѣтуховъ*.

Одно время полагали, что судебное слѣдствіе установитъ, наконецъ, общую подкладку подобныхъ случаевъ, особливо въ связи съ приготовленіями въ Бѣлостокѣ, описанными въ анкетѣ Гос. Думы. Однако, одновременное съ назначеніемъ слѣдствія объявленіе благодарности Тихановскому въ приказѣ по войскамъ разбило эти надежды (какъ и благодарность ген. Бадеру въ Бѣлостокѣ) и смутило даже самыхъ неисправимыхъ оптимистовъ. Городъ былъ разгромленъ выстрѣлами пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и артиллерійскихъ частей; депутація гражданъ заявила губернатору, что револьверные выстрѣлы, вызывав-

шіе залпы, производились денщиками и запасными, съѣхавшимися какъ разъ въ это время передъ выѣздомъ на родину. Сѣдлецъ былъ отрѣзанъ отъ всего міра, и только зарево пожара и пушечные выстрѣлы указывали на длящуюся тамъ трагедію. Число убитыхъ и раненыхъ, преимущественно евреевъ, достигало нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но изъ войскъ *никто* не пострадалъ,—обычный результатъ всѣхъ вообще погромныхъ эпизодовъ. Печать безмолвствовала, въ то время уже утративъ черты свободы, и только заграничные органы, украдкой провозимые въ Россію, рисовали до краевъ страшную картину сѣдлецкихъ убійствъ, продырявленныхъ зданій и ограбленныхъ магазиновъ.

Какъ бы то ни было, на погромную дѣятельность извѣстныхъ лицъ обращено было вниманіе и правительства, которому предстояла новая и труднѣйшая задача лавировать между здравымъ государственнымъ смысломъ и высокимъ покровительствомъ, коимъ пользовались погромщики. Постепенно погромы фиксировались на одной Одессѣ. Начиналась ликвидація старыхъ дѣлъ. Процессы о Бѣлостокѣ пролили, несмотря на старанія затушевать дѣло, довольно свѣта на махинаціи, сопутствовавшія погромамъ и, наряду съ гомельскимъ и кишиневскимъ процессами, установили общій погромный планъ, въ главныхъ чертахъ совершенно отвѣчавшій прочно сложившемуся въ обществѣ представленію. Но самые процессы, возстановляя атмосферу погромовъ, проходили обычно при такомъ волненіи участниковъ, что нелицепріятности судей трудно было и требовать. Защита истцовъ сгущала краски обвинительнаго акта, предсѣдатели волновались, лишали адвокатовъ и свидѣтелей слова, одни демонстративно покидали залу суда, другіе начинали плакать и причитать. Слагалось убѣжденіе, что боятся *всей* правды, боятся касаться того вопроса, который такъ наивно былъ формулированъ однимъ изъ свидѣтелей по полоцкому дѣлу,—арестантомъ старообрядцемъ. «Видя изъ оконъ тюрьмы погромъ,—говорилъ онъ,—мы возмущались тѣмъ, что сами сидимъ за мелкую кражу, а тутъ громилы, по словамъ ихъ, съ разрѣшенія полиціи производятъ дневной разбой. *Мы передали начальству жалобу на такую несправедливость*» (к. н.).

Въ нерасположенныхъ къ правительству кругахъ начали отмѣчать даже, что составы судовъ, постановлявшіе суровые приговоры погромщикамъ, подвергались какъ бы опалѣ, предсѣдатели и прокуроры стѣснялись въ отправленіи обязанности; перемѣщавшимся или уходившимъ устраивались демонстраціи сочувствія. Политика, своеобразно понимаемая, вторглась въ безстрастные дотолѣ трибуналы, все чаще закрывавшіе свои двери передъ обществомъ, внося все новыя ограниченія въ завѣщанные императоромъ Александромъ II принципы. Впередъ уже предсказывали извѣстное отношеніе къ громиламъ; такъ,

когда судъ обвинилъ тверскихъ поджигателей, братьевъ Хвостовыхъ вліятельныхъ въ своей округѣ союзниковъ, судьба ихъ была тоже предсказана и осуществилась: арестантскія роты замѣнены были домашнимъ арестомъ съ возстановленіемъ во всѣхъ правахъ. Пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, всплывали на общественную поверхность темные элементы, обычно пребывающіе на днѣ жизни и, къ сожалѣнію, дѣйствовали иногда не безъ вѣдома власть имущихъ лицъ. Въ Ялтѣ одинъ эскадронный командиръ Крымскаго драгунскаго полка подалъ рапортъ начальству съ просьбой оградить нижнихъ чиновъ отъ попытокъ провокаторовъ втянуть ихъ въ погромъ. Три драгуна подверглись выстрѣламъ неизвѣстнаго, давшаго промахи; пойманный солдатами и доставленный въ участокъ, онъ оказался агентомъ охраннаго отдѣленія. Въ Калугѣ экспропріація въ магазинѣ была, какъ установлено судомъ, устроена агентомъ охраны. Предс. совѣта министровъ указалъ Гос. Думѣ, что правительсто не щадитъ такихъ лицъ, и что агентъ отданъ подъ судъ; но мѣстное общество ожидало отдачи подъ судъ не стрѣлочника, а начальника жандармской станціи, ротмистра Н-ва, равно какъ всѣ давно ожидаютъ привлеченія рот. Пономарева, провокатора и бывшаго нач. охраны Гос. Думы, а нынѣ орудующаго на Кавказѣ; ожидаютъ привлеченія и Комисарова, нынѣшняго нач. заграничнаго сыска, участіе котораго въ печатаніи треповскихъ прокламацій было установлено въ первой Гос. Думѣ. Характерно также, что при огульномъ гоненіи на евреевъ, агенты изъ ихъ среды пользуются особымъ покровительствомъ (Сосновъ въ Житомірѣ, Азефъ, Ландезенъ-Гакельманъ и др.); однако ни печать, ни адвокатура на судахъ не могутъ вполнѣ свободно говорить о широко раскинутой провокаціонной сѣти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта язва проникаетъ все дальше, разлагая нравы и внѣшней полиціи; такъ, въ Бахмутѣ (іюнь 1906 г.) во время крестнаго хода послышался традиціонный «выстрѣлъ по процессіи», началась паника, ибо другой исполнитель традиціи не замедлилъ крикнуть: «Заводскіе идутъ!» и т. д.; черезъ минуту былъ извлеченъ стрѣлокъ, *городовой*, котораго толпа благоразумно передала въ руки начальства. О мелкихъ случаяхъ и говорить не приходится: даже кражи охранниками вещей и денегъ и освобожденіе ихъ черезъ минуту послѣ ареста—стали заурядными явленіями. Отъ этихъ случаевъ до организаціи убійствъ министровъ и еще болѣе высокопоставленныхъ лицъ идетъ постепенная и связная лѣстница, на всѣхъ ступеняхъ которой стоятъ темные, окровавленные люди, маски которыхъ приподымаются изрѣдка для того, чтобы вызвать взрывъ негодованія и указать путь, по которому движутся иногда судьбы народовъ. Затѣмъ слѣдуетъ замѣна, перемѣщеніе, новыя маски, новые акты, и такъ до той поры, которую ждутъ всѣ честные люди, поры

исчезновенія политическихъ вампировъ изъ перестроеннаго зданія государства. На фонѣ этихъ сторонъ правленія, отдѣльныя «неосторожности» уже не могутъ рѣзать глазъ наблюдателя. Усердіе не по уму, проявляемое открыто, всегда лучше закулисныхъ ходовъ; огромный аппаратъ администраціи не можетъ быть безъ дефектовъ. Въ Одессѣ курсистка Гешелина, разносившая бюллетени демократическаго блока, была арестована; на слѣдующій день ее изъ участка перевезли въ безсознательномъ состояніи въ психіатрическую больницу, отказавъ родителямъ въ выдачѣ. Нѣкая Смирнова подверглась въ Петербургѣ истязаніямъ кавалергардскихъ солдатъ, но дѣло было замято. Бывшій симферопольскій городской голова Панкеевъ телеграфируетъ П. А. Столыпину (декабрь 906.): «Мелитопольская полиція и офицеръ драгунскаго полка, арестуя на рефератѣ реалистовъ, гимназистовъ и гимназистокъ, въ числѣ коихъ была и моя дочь, ученица 7 класса, звѣрски истязали ихъ, заставивъ, кромѣ того, бѣжать за лошадьми до самой тюрьмы»... Близъ Варшавы избитъ во время обыска б. членъ Думы Островскій, отправленный въ больницу и тамъ арестованный (сент. 06). 10-го апрѣля 907 г. во дворъ ткацкой фабрики Чешера, въ Петербургѣ, гдѣ собралось 1500 ч. рабочихъ, желавшихъ обсудить съ хозяиномъ вопросъ о больничномъ и адресномъ сборахъ, вошелъ полиц. офицеръ и потребовалъ прекращенія сходки; послѣ отказа рабочихъ во дворъ въѣхали и вошли городовые и черезъ минуту люди бросались, спасаясь отъ ударовъ, въ разбитыя окна, дворъ былъ залитъ кровью, беременныя рождали отъ страха; полсотни тяжело раненыхъ свезли въ больницу, столько же разбрелось по домамъ. Въ Тулѣ избита публика, въ Александровскѣ, Лебедкинѣ, Жирардовѣ, Одессѣ, въ Подольской и др. губерніяхъ, всюду безъ особой нужды даютъ волю рукамъ, плетямъ и ружьямъ, всюду легкомысленно проливаютъ кровь гражданъ, какъ бы разсчитывая на ней базировать будущій покой и забывая только, что на этой скользкой поверхности падали всегда и всюду насильники всѣхъ временъ и народовъ. Питая общее раздраженіе, запугивая только слабыхъ, всѣ эти эксцессы были тѣмъ досаднѣе, что происходили лишь отъ укоренившейся безотвѣтственности даже мелкихъ агентовъ правительства. Презумпція, что они не могутъ ошибаться и быть виновны, вѣчное противоположеніе ихъ народу, котораго они только слугами могли считаться, неразумное выгораживаніе высшими низшихъ,—въ этой затхлой атмосферѣ крохотные ростки гражданской свободы быстро чахли, и наступали времена, когда на уста обывателя невольно приходили слова: «Какое жъ сравненіе! При Плеве много лучше было!»

Высшему правительственному органу было не до этихъ «мелочей»: приближалось время выборовъ во вторую Гос. Думу, а тутъ еще при-

ходилось ликвидировать окраинную смуту, отзывать загостившиеся карательные отряды, объясняться на ихъ счетъ съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, возвращать на свои мѣста разоренныхъ помѣщиковъ, переселять часть крестьянъ, чтобы изъ оставшихся образовать кадръ послушныхъ сельско-хозяйств. рабочихъ. На Кавказѣ продолжалъ еще дѣйствовать полковн. Ве ернъ; въ Крыму улаженіе недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами сопровождалось кавказскими подробностями, т. к. дѣйствовалъ карат. отрядъ изъ ингушей; не щадили ни дѣтей, ни женщинъ, ни мужчинъ, тѣмъ болѣе, что ингуши были напоены (ѳеодосійскій и симфероп. уѣзды, августъ 06).

Въ Венденѣ, Лифляндск. губерніи, 6-го авг. 906 г. на глазахъ толпы былъ убитъ урядникъ Рейнвальдъ. Очевидцы единогласно утверждали, что убійца имъ незнакомъ. Явившійся карат. отрядъ арестовалъ 49 лицъ, которымъ угрожалъ разстрѣломъ, если не выдадутъ убійцы, но они и подъ страхомъ смерти не могли ничего придумать. 11-го августа у церкви были собраны всѣ мужчины волости, отъ 14 до 80 лѣтъ, всего съ тысячу душъ. Имъ было объявлено, что за это убійство будутъ разстрѣляны три человѣка (два старика и молодой); за слѣдующее—9, за третье—27 и т. д. въ той же прогрессіи. Троихъ обѣщанныхъ разстрѣляли и, быть можетъ, добросовѣстно думали, что насаждаютъ порядокъ. Былъ вполнѣ добросовѣстенъ и времен. курляндскій ген.-губернаторъ, объявлявшій 5-го сен. 906 г.: «Объявляю, что при первомъ случаѣ грабежа, насилія, разбоя, убійства и вообще преступнаго факта бунтовского характера, въ волостяхъ будутъ немедленно взяты подъ стражу всѣ лица, которыя уже раньше привлекались къ дознаніямъ, а также всѣ извѣстные полиціи своей неблагонадежностью, и таковые будутъ содержаться до тѣхъ поръ, пока не обнаружатся виновные». Вотъ чему и можно приписать, что революціонное броженіе не уменьшалось; такъ за одинъ октябрь 906 г. въ одной Лифляндской губ. итоги усмиренія были таковы: разстрѣляно или повѣшено по приговорамъ полевыхъ судовъ 49 ч., убито «во время попытокъ бѣжать»—17 ч., во время сопротивленія—4 ч., безъ указанія причинъ—40 ч., нечаянно—2, всего 112 душъ. И т. д. Секвестры крестьянскихъ дворовъ, за укрывательство и по другимъ поводамъ, въ счетъ не идутъ, хотя раздраженіе этимъ питалось не меньше. Но общественное вниманіе внутри страны было уже достаточно утомлено военными картинами; его интересовали болѣе мирные вопросы—какъ противостоять систематическимъ разгонамъ собраній въ виду приближенія выборовъ, какъ обезпечить неприкосновенность будущихъ депутатовъ въ виду печальныхъ прецедентовъ недавняго прошлаго, какъ согласовать лишеніе избират. правъ съ судимостью по 129 ст., когда судебный приговоръ не лишаетъ правъ; маниловскіе слу-

хи ходили о созывѣ стараго состава Думы, о пересмотрѣ основныхъ законовъ, всеобщемъ избирательномъ правѣ, кавказскомъ самоуправленіи, снятіи военныхъ положеній. Дѣйствительность же продолжала нести опроверженія, не нуждавшіяся въ правит. сообщеніяхъ. Политика и законъ все еще пребывали въ конфликтѣ, и представители послѣдняго все быстрѣе катились внизъ, къ принципу: «политикѣ— первое мѣсто!» Приходилось отбирать по нѣскольку подписокъ отъ служащихъ всѣхъ вѣдомствъ, чтобы отдѣлить овецъ отъ козлищъ и водворить единообразіе въ очищенномъ стадѣ; но увы, состоящее изъ однѣхъ овецъ, оно легко поддавалось паникѣ, кидалось въ стороны и топталось на мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы покойно слѣдовать по большой дорогѣ къ обѣщанному пристанищу въ новомъ строѣ. Приходилось немало заботиться и о томъ, чтобы хоть сколько-нибудь согласовать дѣйствія отдѣльныхъ ген.-губернаторовъ, очутившихся въ соблазнительныхъ роляхъ калифовъ и ведшихъ каждый свою политику; дошло до того, что при въѣздѣ въ русскій городъ учинялся чуть не таможенный досмотръ и визировка паспортовъ (Севастополь). Россія начинала перестраиваться чуть не въ федеративное государство, притомъ еще очень недружное. По ироніи судьбы противники автономнаго строя сами дѣлили Россію на части, децентрализуя, впрочемъ, не законъ, а произволъ и насаждая истинную анархію.

При такихъ условіяхъ и 87 ст. основныхъ законовъ, предоставляющая правительству право издавать въ промежутки между думскими сессіями неотложные законы, не могла помочь кабинету министровъ; другая статья другихъ законовъ (исключительныхъ) разрѣшала ген.-губернаторамъ издавать такіе законы и при наличности Думы. Слѣдуетъ замѣтить, что даже въ сенатѣ не было единомыслія по поводу согласованія исключительныхъ полномочій съ общими нормами дѣйствующаго закона; мало того, представители одного и того же министерства (вн. дѣлъ) защищали разныя точки зрѣнія на этотъ вопросъ; такъ, по дѣлу о неправильныхъ дѣйствіяхъ ген. Гершельмана (возникло по представленію министровъ финансовъ и юстиціи) оба иниціатора, Коковцевъ и Щегловитовъ, остались въ меньшинствѣ, а восторжествовало признаніе за ген.-губернаторами вполнѣ неограниченной власти. Правда, и самъ кабинетъ Столыпина склоненъ былъ толковать 87 ст. довольно своеобразно. Извѣстно напр., что непредставленіе въ Гос. Думу позже двухмѣсячнаго срока со дня ея созыва соотвѣтствующаго принятой по 87 ст. мѣры законопроекта, а равно его отклоненіе прекращали теченіе и дѣйствіе междудумской законодательной новеллы; поэтому, казалось бы, никакія мѣры, вызывающія новыя ассигнованія или создающія обязательственныя отношенія казны къ частнымъ лицамъ, въ порядкѣ указанной статьи,

приниматься не могли. На дѣлѣ было другое: такъ, 24-го дек. 906 г. состоялось положеніе совѣта министровъ о содержаніи срочнаго пароходства по р. Ленѣ, а 12-го февр. 907 г. о такомъ же пароходствѣ по р. Амуру и его притокамъ; по первому акту дано право заключенія договора на годъ, на сумму 94,9 т. рублей, по второму—на 250 тыс. Въ случаѣ неутвержденія этихъ положеній Гос. Думой, должна была создаться совершенная путаница правоотношеній; но что значили эти мелочи управленія передъ грандіознымъ аграрнымъ закономъ, однимъ почеркомъ пера ломавшимъ вѣковые устои русской деревни и проведеннымъ въ порядкѣ той же статьи! Судьбѣ угодно было быть такой ласковой къ авторамъ закона, что въ третьей Гос. Думѣ нѣкоторыя положенія его подверглись измѣненіямъ въ сторону еще болѣе «правую», а калужскій депутатъ Дмитрюковъ едва не стяжалъ себѣ вѣчную славу, какъ авторъ поправки, открыто и съ рѣдкимъ въ парламентскихъ лѣтописяхъ цинизмомъ устанавливавшей право захвата сильнымъ у слабаго (поправка впослѣдствіи была пересмотрѣна и отклонена Думой). Къ этому закону мы еще вернемся въ своемъ мѣстѣ.

Осень и зима 906 г. застаютъ насъ среди хаоса, начавшагося еще годъ назадъ и усложненнаго необычайно повысившеюся преступностью въ большихъ городахъ, съ переполненными тюрьмами и больницами; съ голодомъ и эпидеміями, самоубійствами, да еще массовыми, какъ было на Востокѣ съ однимъ кочевымъ племенемъ, у котораго вымерли олени и нечего стало ѣсть; съ полной неразберихой въ отношеніяхъ властей, сходившихся только на одномъ: гнать «кадетовъ» отовсюду, вытравлять самый духъ кадетскій, уничтожать ихъ прессу, литературу, организацію; этотъ лозунгъ, котораго нечего было и давать, т. к. онъ подсказывался самой конъюнктурой, объединялъ всѣхъ чиновъ, отъ велика до мала, и очистка будущей Думы отъ плевелъ, посѣянныхъ бывшей, была поставлена во главу всѣхъ усилій, всѣхъ распоряженій. Жизнь снова разрушила эти расчеты.

Намъ уже приходилось указывать на дѣйствія повѣрочныхъ комиссій при выборахъ въ первую Гос. Думу; неопытность министерства, молчаливое подчиненіе общему духу того времени, требовавшему возможнаго невмѣшательства правительства въ выборную кампанію (взглядъ, подчеркнутый гр. Витте), наличность еще среди судебнаго персонала лицъ, не скрывавшихъ своихъ политическихъ убѣжденій, все способствовало болѣе или менѣе правильному теченію кампаніи, приведшей въ парламентъ оппозиціонное большинство. Дефекты эти необходимо было устранить и за работу съ жаромъ принялись въ мин-ствѣ внутр. дѣлъ и сенатѣ. Сенатскія «разъясненія», по коимъ вычеркивались сотни тысячъ избирателей, сдѣлались крылатымъ сло-

вомъ: «Меня разъяснили»—стало значить исключеніе и изъ списковъ, и со службы, и откуда угодно. А. Каминка говоритъ по поводу этихъ разъясненій («Право» 906 г. № 48): «Для всѣхъ было совершенно очевидно, что вся эта дѣятельность сената является лишь однимъ изъ многочисленныхъ пріемовъ борьбы правительства, направленной къ совершенно очевидной цѣли,—избранія Думы, угодной правительству. ...Надо разъяснять населенію дѣйствительный характеръ, настоящую цѣль правительственной дѣятельности и это единственно доступный и лучшій способъ предвыборной агитаціи... Когда судъ стремится, вопреки тексту закона, уничтожить самый его духъ, онъ становится факторомъ реакціи, тѣмъ болѣе печальнымъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ не только вызываетъ къ жизни тѣ силы, съ которыми стремится бороться законодатель, но, компрометируя въ глазахъ населенія органы правосудія, колеблетъ самыя основы правового строя государства». Все къ этому и клонило, и отъ этихъ разъясненій перваго департамента сената до поведенія сен. Варварина на процессѣ Лопухина шелъ непрерывный покатый путь. Въ частности, разъясненія стремились къ ограниченію круга избирателей, тогда какъ указъ 11 декабря 1905 г., изданный въ измѣненіе положенія о выборахъ, былъ мотивированъ ссылкой на манифестъ 17-го октября, въ коемъ Государю Императору угодно было объявить, что «Мы возвѣстили о непреклонной волѣ Нашей, не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Гос. Думу, привлечь къ участію въ ней, въ мѣрѣ возможности, тѣ классы населенія, кои избирательными правами не пользовались». Ясно, что, ставъ на противозаконную точку зрѣнія (ибо Высочайшіе манифесты имѣютъ всю силу закона), правительство и не могло создать ничего законнаго въ дѣлѣ измѣненія выборной процедуры, а инструкція мин-ства вн. дѣлъ о печатаніи бюллетеней (только оффиціально) уже прямо направлена была къ тому, чтобы затруднить доступъ избирателей къ урнамъ. Очевидно также, что нарушеніе духа закона въ центрѣ сказывалось на периферіяхъ нарушеніями его формы. Довольно взять на выборъ любой день того времени: наряду съ оффиціальными призывами вступать въ ряды союза русскаго народа, читаемъ: «Въ Кіевѣ губернаторъ категорически запретилъ служащимъ городской управы производить фактическую провѣрку избирательныхъ правъ квартиронанимателей, заявивъ имъ, что «чѣмъ меньше будетъ избирателей, тѣмъ лучше». Подъ давленіемъ губернатора городской голова утвердилъ реакціонный и антисемитскій составъ избирательныхъ участковыхъ комиссій».—Въ Орлѣ включенъ въ списки кандидатъ черной сотни, еп. Серафимъ, живущій менѣе года.—Въ Смоленскѣ одинъ изъ приставовъ собралъ избирателей-евреевъ своего участка и сказалъ имъ рѣчь, въ стилистическомъ отношеніи не уступающую из-

Смотръ войскамъ Императоромъ Александромъ III на Дворцовой площади въ Петербургѣ.

вѣстнымъ растопчинскимъ афишамъ 1812 года: «Евреи, я даю вамъ хорошій совѣтъ. Знайте, что Смоленскъ находится внѣ черты еврейской осѣдлости. Вы имѣете передъ собою выборъ: или отказаться отъ выборовъ, или вы получаете выборный бюллетень и проходное свидѣтельство въ придачу: Выбирайте!»—Въ Одессѣ таможенные досмотрщики жалуются своему начальнику, что полиція отказываетъ имъ въ выдачѣ избирательныхъ удостовѣреній, требуя представленія членскихъ билетовъ союза русскаго народа.—Спускаемся въ уѣздные города: въ Ельцѣ предс. союза рус. народа Рудневъ, по порученію пол. пристава Длужневскаго, подсылалъ союзниковъ въ бюро партіи нар. свободы брать въ большомъ количествѣ литературу партіи для передачи приставу, который и уничтожалъ ее.—На 22-ое января въ Сумахъ были назначены выборы. Прогрессистами намѣчены были шесть человѣкъ, которые и были всѣ арестованы по распоряженію ген.-губернатора.—Въ Минскѣ полиція не доставила избирательныхъ записокъ болѣе чѣмъ 4000 избирателей. Въ Рыбинскѣ городскіе избиратели получили въ качествѣ безплатнаго приложенія къ избирательнымъ бланкамъ новое произведеніе ген. Богдановича о Гос. Думѣ.—Въ Кишиневѣ въ спискахъ городскихъ избирателей *вновь* фигурируютъ покойники.—И т. д. Мы взяли наудачу по одному образцу изъ разныхъ категорій давленія на выборы; что касается до арестовъ, высылокъ, то извѣстія о нихъ еще давно приходили десятками со всѣхъ концовъ Россіи. Арестованъ былъ даже бывшій членъ Гос. Совѣта, Быховскій. Зло усугублялось той волей, которая дана была во время выборовъ чернымъ сотнямъ; никто такъ не способствовалъ прохожденію въ Думу большого числа крайнихъ лѣвыхъ, какъ эти неумные союзники правительства, сѣявшіе раздраженіе и негодованіе на властей.

Итоги выборовъ были плачевны для П. А. Столыпина: центръ потерялъ нѣсколько десятковъ мѣстъ за счетъ усиленія лѣваго крыла, октябристы попрежнему были представлены ничтожно, на зато на крайней правой, гдѣ первая Дума видѣла такихъ людей, какъ гр. П. А. Гейденъ, кн. Н. Волконскій и М. Стаховичъ, засѣдали теперь союзники типа Маркова 2-го, цинично заявившаго о томъ, что десятирублевой діэты ему мало, и взявшаго у губернскаго земства синекуру, Крушевана, Пуришкевича и др. Однако разгулъ черносотенной оргіи былъ еще впереди. Вторая Дума собиралась при слишкомъ еще тяжелой обстановкѣ, которая давила нѣсколько и самыхъ крайнихъ скандалистовъ. Вѣра въ парламентъ была уже подорвана, но не исчезла вовсе. Всѣ взоры снова фиксировались на Таврическомъ дворцѣ и русская жизнь снова освѣтилась прожекторомъ, наведеннымъ на нее съ думской трибуны.

II.

Вторая Государственная Дума.

Народные представители, собравшіеся 20-го февраля 1907 г. въ Таврическій дворецъ безъ пріема въ Зимнемъ, нашли тамъ перемѣны, на первый взглядъ незамѣтныя, но многозначащія. Охрана была увеличена, а начальникъ ея получилъ такую власть надъ залой засѣданій, что предсѣдатель Думы, которымъ былъ избранъ Ѳ. А. Головинъ, не могъ уже единолично распоряжаться; публика, которой предлагалось инструкціей «хранить молчаніе и соблюдать благопристойность» (кстати сказать, въ первой Думѣ изъ трибунъ ни разу не раздалось ни одного звука и новая мѣра, вѣроятно, подсказывалась опасеніями рефлексовъ на предстоявшіе скандалы крайней правой), отдѣлялась наглухо отъ депутатовъ и живое общеніе парламента съ внѣшнимъ міромъ, характерное для лѣта 906 г., прекращалось. Обращеніе было, вообще, построже; свящ. Петрова, депутата, засадили въ монастырь, вопреки закону о Думѣ; въ кулуарахъ, куда публика не допускалась, бродили зато чины охраны, агенты департамента полиціи съ Азефомъ во главѣ, чиновники недружелюбно поглядывали на депутатовъ, было тоскливо и пустовато. Не успѣла собраться Дума, какъ уже слухи о скоромъ роспускѣ ея возникли и продолжали утверждаться съ каждымъ днемъ. Они были естественны, такъ какъ результаты выборовъ не отвѣчали желаніямъ правительства, полагавшаго, что воля народа и его нужды лучше извѣстны ему, нежели избранникамъ это-

го народа; къ тому же удачный опытъ съ роспускомъ первой Думы окрылялъ на его повторенiе; оставалось изобрѣсти поводъ, и для этого пригодился тотъ же Азефъ, провоцировавшiй представителей крайней лѣвой. Насколько неудаченъ былъ роспускъ одного парламента на земельномъ вопросѣ, настолько казалась заманчивой идея роспуска на основѣ политическаго преступленiя. Но это было еще впереди,—пока депутаты ожидали декларацiи кабинета. Не успѣли однако напечатать текста ея, какъ разразился скандалъ, въ лѣтописяхъ парламентовъ, какъ и многое другое у насъ, еще неслыханный: обвалъ потолка въ залѣ засѣданiй. На ремонтъ Таврическаго дворца было израсходовано столько денегъ, что новый стеклянный куполъ могъ бы войти въ сумму расхода очень небольшой величиной; еще въ первой Думѣ распорядительная комиссiя озабочена была потолкомъ, который откровенныя трещины бороздили, какъ преждевременныя морщины чело петербургскаго чиновника; но роспускъ не далъ времени для детальнаго изслѣдованiя. Квартира архитектора была прочна, красива и удобна, этого пока было достаточно, чтобы считать и остальной ремонтъ столь же добросовѣстнымъ.

Потолокъ обрушился надъ лѣвой частью зала, но, къ счастiю, не во время засѣданiя, и оппозицiя, которая должна была быть передавлена, могла вдоволь насладиться аналогiями между катастрофой и русской жизнью, вдоволь критиковать правительство, особой инструкцiей озаботившееся тѣмъ, чтобы «головные уборы» оставлялись въ передней, а самыя головы довѣрившее заботамъ придворнаго архитектора Брюлова. То ли, впрочемъ, видывали въ Россiи; поэтому, поговорили, поговорили и усѣлись въ тотъ же залъ, въ ожиданiи стекляннаго потолка и роспуска. Явился и кабинетъ со своей декларацiей; она указывала, что семь мѣсяцевъ самовластья не могли укрѣпить въ министрахъ пониманiя существа конституцiонализма, что особенно ярко сказалось въ гордомъ, но малозначащемъ практически заявленiи П. А. Столыпина о томъ, что «Гос. Думѣ не дано права выражать правительству неодобренiя, порицанiя или недовѣрiя»; въ первой Думѣ это недовѣрiе не только выслушивалось, но еще и сопровождалось министерскими ламентацiями (пренiя объ ассигновкѣ на продовольственное дѣло). Въ указанiяхъ на реформы было бы много прiемлемаго и способнаго послужить основой плодотворной работы Думы, еслибъ привычный скептицизмъ общества не открывалъ за словами декларацiи большого пустого мѣста, которое еще надлежало заполнить соотвѣтствующими законопроектами. Но гдѣ было правительству заготовлять такiе проекты, когда всѣ помыслы и силы его направлены были на ликвидацiю революцiи, на разгромъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя оно считало лежащими въ основѣ освободительнаго движенiя! Слѣдуетъ

признать, что и работоспособность второй Думы могла подвергаться тѣмъ же сомнѣніямъ. Крайніе лѣвые, вошедшіе сюда въ большомъ числѣ, но слабомъ качествѣ, пылали попрежнему неменьшей злобой и непримиримостью къ конституціоналистамъ центра, чѣмъ и само правительство, и правые. Узость политическаго мышленія, къ которой способна только наиболѣе неразвитая, темная часть каждой политической партіи, наклонность къ рѣзкимъ выраженіямъ вмѣсто доводовъ, легкое обращеніе съ истиной, а главное — боязнь отдѣлиться отъ доктрины и обезличиться — все гарантировало такія стычки въ новомъ парламентѣ, которыя могли быть только наруку правительству и привыкшимъ къ базарному жаргону крайнимъ правымъ. Съ этого и началось. По вопросу объ изслѣдованіи причинъ хроническаго голода и продовольственному дѣлу, лидеръ соц.-демократовъ, Алексинскій, достаточно ясно показалъ будущую позицію своей фракціи, на которой насущныя нужды Россіи занимали не большее мѣсто, чѣмъ въ министерской деклараціи, служа лишь занавѣсью, за которой собирались сводить личные счеты съ ненавистными либералами. Создавалась атмосфера злобности, раздраженія, такъ рѣзко отличавшая вторую Думу отъ первой, гдѣ до конца не исчезала та приподнятость, нѣкоторая торжественность настроенія, которая не повторится уже до тѣхъ поръ, пока не соберется парламентъ при аналогичныхъ съ 1906 г. условіяхъ. Внѣ Думы было не лучше: даже молебны по случаю ея созыва не допускались, при чемъ судьями въ этомъ случаѣ являлись иногда и жандармы: радоваться было нечему (Пенза). Иное дѣло—роспускъ; въ іюлѣ 906 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ велѣно было во всѣ колокола звонить, а благодарственныя молебствія, хотя и сопровождаемыя демонстраціями, нарушавшими благолѣпіе церковной службы, были почти во всѣхъ городахъ отслужены. Мѣстныя власти, которымъ еще при первой Думѣ предписано было дѣйствовать такъ, какъ если бы ея не было, не обращали уже ни малѣйшаго вниманія на существованіе парламента и вели обычную политику уловленія крамолы и поощренія черносотенныхъ организацій. Дума оставалась изолированной; народъ уже не возлагалъ на нее никакихъ надеждъ, и единственнымъ ощутимымъ признакомъ жизни этого учрежденія была возможность съ трибуны его говорить во всеуслышаніе такія вещи, которыя въ то время въ печати уже не допускались. Понятно, что всякому хотѣлось говорить погромче; поэтому, рѣчи даже по дѣловымъ вопросамъ принимали нѣсколько демагогическій характеръ, если обращались къ народу, и переходили въ крикливый неискренній пафосъ, при противоположномъ направленіи. Но и съ этимъ зломъ боролись довольно успѣшно; не говоря уже объ искаженіи отчетовъ въ правой прессѣ и даже оффиціозахъ, въ родѣ «Россіи», находились администраторы, прямо заявившіе мѣстнымъ ре-

дакторамъ, что перепечатка изъ стенографическихъ отчетовъ крамольныхъ рѣчей въ Думѣ повлечетъ за собой закрытіе газетъ (тифлисск. ген.-губернаторъ и др.). Впослѣдствіи пришлось суду разъяснить, что законъ не возбраняетъ печатать думскихъ отчетовъ. Отчеты эти несли въ себѣ рѣчи по аграрному вопросу, вновь вставшему передъ Думой, по бюджету, который соц.-дем. фракція хотѣла вовсе отклонить, все еще вѣруя въ силу прямолинейныхъ средствъ, все еще воображая себя въ безвоздушномъ пространствѣ, гдѣ удаются отвлеченные опыты. Начиналась новая серія запросовъ, при чемъ чуть ли не первымъ пошелъ запросъ объ избіеніи депутата (Сигова). Но если по вопросу о военно-полевыхъ судахъ П. Столыпинъ откровенно признался въ томъ, что «бываютъ минуты, когда государственная необходимость стоитъ выше права», то что значила опухоль съ яйцо отъ удара нагайки по депутатской головѣ, имѣвшей несчастіе жить въ теченіе этой длинной минуты! Приблизительно таковъ и былъ смыслъ объясненія министра юстиціи по дѣлу Сигова. О шероховатостяхъ, происходившихъ отъ неимѣнія наказа, нѣкоторой неопытности предсѣдателя и др. причинъ, можно не упоминать, эти тормазы всегда сильны при частыхъ роспускахъ парламентовъ; у насъ даже и болѣе прочное установленіе—Госуд. Совѣтъ,—долженъ чуть не ежегодно испытывать неудобства конституированія вслѣдствіе неудачнаго закона о выбытіи членовъ Совѣта отъ дворянства, торговли и земствъ. Гораздо болѣе мѣшало функціонированію нижней палаты нѣсколько необычное отношеніе къ внутреннимъ думскимъ распорядкамъ П. А. Столыпина; онъ запретилъ, напр., непосредственныя сношенія думскимъ комиссій съ органами самоуправленія и,—что было уже настоящимъ вторженіемъ въ компетенцію Гос. Думы,—лишилъ ея комиссіи права приглашать въ свои засѣданія для разъясненій спеціальныхъ вопросовъ свѣдущихъ лицъ; не говоря уже о серьезномъ неудобствѣ этого распоряженія для дѣятельности того же правительства, оно было и незаконно, противорѣча § 44 распубликованнаго наказа Госуд. Совѣта. Правительство ссылалось на мотивы, высказанные при учрежденіи законосовѣщательной, такъ называемой «булыгинской» Думы; но дѣло было проще: и въ этомъ вопросѣ продолжала, очевидно, превалировать надъ правомъ государственная необходимость;—эксперты не были допущены въ Думу. Мало того, случалось, что приглашенный въ комиссію, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей извѣстный общественный дѣятель кн. Г. Е. Львовъ не могъ попасть въ комиссію, задержанный охраной дворца. Такъ оберегались депутаты отъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Не допускались члены комиссій и къ ознакомленію съ подлинными производствами, особливо касавшимися бюджетныхъ вопросовъ, а отчетъ контроля и по сіе время остается тайной для народныхъ представителей. Сло-

вомъ сказать, въ колесахъ новой Думы палокъ было больше, чѣмъ спицъ, и глухое недовольство должно было переходить въ открытое, все болѣе обостряя отношенія ея съ правительствомъ. Въ поведеніи предсѣдателя Совѣта министровъ относительно Думы юридическій журналъ усматривалъ «несомнѣнное злоупотребленіе полномочіями, которое, принципіально, по крайней мѣрѣ, признавалось неправомѣрнымъ даже и при дѣйствіи самодержавнаго бюрократическаго строя» («Право», 1907 г. № 13). Столь же неправомѣрнымъ казалось и разосланное 27-го марта губернаторамъ распоряженіе, въ которомъ говорилось, что депутаты имѣютъ съ крестьянами переписку, прося ихъ на сходахъ и собраніяхъ обсуждать дѣла, а затѣмъ свои нужды имъ телеграфировать, для внесенія въ очередныя думскія дѣла. Въ виду этого П. А. Столыпинъ приказывалъ губернаторамъ и земскимъ начальникамъ предупреждать всякія сходки и собранія, а виновныхъ подвергать наказанію. Въ связи съ такими распоряженіями были и другіе акты: такъ, въ Екатеринодарѣ «неизвѣстно по чьему» распоряженію на телеграфѣ прекращенъ былъ пріемъ телеграммъ на имя Госуд. Думы; а въ петерб. глав. телегр. конторѣ депеши, поступавшія на имя лѣвыхъ членовъ Думы и отъ нихъ, передавались съ отмѣтками «На усмотрѣніе начальника» или же «на столъ старшаго». Всѣ вообще депеши на имя лѣвыхъ депутатовъ передавались въ цензуру. Если европейское мнѣніе возмущалось, въ іюлѣ 1909 г. военной цензурой въ Испаніи, которая вела войну съ кабилами въ Марокко и переживала революціонный взрывъ при распущенномъ парламентѣ, то можно себѣ представить, какъ должны были дѣйствовать подобныя распоряженія на адресатовъ и отправителей депешъ второй Думы, работавшей подъ ферулой «всей полноты» правительственной власти! Не нужно было быть особеннымъ пессимистомъ, чтобы предсказывать скорую кончину этого слабосильнаго новорожденнаго, да она и была не за горами; корректное отношеніе къ запросу о пыткахъ въ Ригѣ, о которыхъ мы уже упоминали, не должно было служить признакомъ готовности кабинета и въ другихъ случаяхъ итти навстрѣчу парламентскимъ требованіямъ. Такъ, военный министръ потребовалъ закрытаго засѣданія для обсужденія такого обычнаго вопроса, какъ укомплектованіе арміи, чѣмъ придалъ ему значеніе чуть ли не тайны, словно забывъ прекрасныя слова Бентама о томъ, что «тайна есть одинъ изъ способовъ заговора и нельзя возводить ея въ принципъ хорошаго управленія»; судьба жестоко посмѣялась надъ этимъ «тайнымъ» засѣданіемъ, потому что о немъ говорено было потомъ больше, чѣмъ объ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ, благодаря такъ наз. «Зурабовскому инциденту». Деп. Зурабовъ отозвался объ арміи оскорбительно, хотя опять же никто не могъ судить объ этомъ за отсутствіемъ отчета о засѣданіи, и шумъ,

поднятый правыми и правительствомъ, могъ казаться обществу преувеличеннымъ или вовсе ненужнымъ, такъ какъ случай былъ несомнѣнно третьестепенный; сама Дума свободно могла ликвидировать весь вопросъ, не вынося его такъ далеко, какъ это сдѣлалъ военный министръ, потребовавъ извиненія предсѣдателя Думы. Самой Думѣ наносились гораздо худшія оскорбленія, печатавшіяся еще на страницахъ «Прав. Вѣстника» и за нее никто оффиціально не заступался. Вообще, случай Зурабова только и могъ возникнуть на почвѣ обоюднаго озлобленія и желанія придраться къ любому поводу, чтобы обострить конфликтъ до предѣловъ роспуска. Тѣмъ болѣе считались съ дѣйствительными нарушеніями Думой правилъ своего распорядка; такъ, принятый ею спѣшно, въ послѣднихъ засѣданіяхъ передъ пасхальными каникулами, законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ не былъ разсмотрѣнъ Гос. Совѣтомъ по формальнымъ причинамъ, несмотря на очевидную необходимость покончить съ этимъ печальнымъ институтомъ; «Россія» даже усматривала въ несоблюденіи Думой обязательнаго для нея порядка разсмотрѣнія законопроектовъ нарушеніе основныхъ законовъ, но аргументація зависимой газеты, обязанной писать по распоряженію начальства, не могла никого убѣдить; Думѣ оставалось только считаться съ тѣмъ, что ей-то ужъ «всякое лыко въ строку» будетъ поставлено. Положеніе парламента было трагическимъ. Самыя вопіющія дѣла покрывались властью только потому, что были буквы временныхъ законовъ, за которыми она пряталась съ покойной совѣстью. Запросъ о Гершельманѣ, московск. ген.-губернаторѣ, отмѣнившемъ приговоръ военно-полевого суда, коимъ трое присуждались къ каторжнымъ работамъ вмѣсто казни (т. е. приказавшемъ казнить), выяснилъ полное безсиліе Думы внести въ дѣло управленія страной какой бы то ни было коррективъ. Министръ юстиціи не остановился передъ созданіемъ здѣсь же, на трибунѣ, какой-то новой юридической нормы—«неприведеніе приговора въ исполненіе»; военный и внутр. дѣлъ выгораживали своего подчиненнаго столь же убѣдительно. Деп. Маклаковъ, въ блестящей рѣчи обрушившійся на правительство, самъ предавался тому же отчаянію, которое охватывало русское общество въ эту печальную эпоху: «Я понимаю,—говорилъ онъ,—весь трагизмъ этого положенія (когда приговоръ, формально и по существу неправильный, все же исполняется. В. О.). Я понимаю, что законъ, по которому приговоры не отмѣняются,—ужасный законъ. Но вѣдь это вы его придумали!.. Я не сомнѣваюсь, что среди тѣхъ приговоровъ, которые постановилъ военно-полевой судъ, 90% ничего не стоятъ съ точки зрѣнія ихъ юридической формы. Судебное дѣло—трудное дѣло, и написать приговоръ не легко; когда же это дѣло поручаютъ строевымъ офицерамъ, когда умышленно устраняютъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣ-

етъ юридическій цензъ, то *сознательно* (к. н.) идутъ на то, что эти приговоры будутъ съ дефектами. Я думаю, что если бы какой-нибудь юристъ былъ подвергнутъ военно-полевому суду и былъ бы осужденъ на смертную казнь и если бы онъ ясно видѣлъ, что приговоръ постановленъ съ такими дефектами, что у юриста стали бы волосы дыбомъ, и если бы со всею страстностью, съ которой спорятъ о жизни и смерти, онъ сталъ бы на это указывать, то они бы сказали ему: «Жить вамъ остается ровно столько времени, сколько необходимо для приготовленія къ казни; вамъ нужно писать письма къ роднымъ, а не критиковать приговоръ. Жаловаться не къ кому и не о чемъ»,—вотъ что говорятъ осужденнымъ на смертную казнь».—Какъ бы то ни было, полевые суды прекратили свою дѣятельность и строевые офицеры вернулись къ обычнымъ обязанностямъ; зато для военныхъ судовъ было создано особое, упрощенное судопроизводство и установлены были сроки, исчислявшіеся часами; они приводили приговореннаго къ висѣлицѣ почти съ тою же быстротой, что и при полевомъ судѣ и почти съ тѣми же юридическими гарантіями, ибо кратковременность слѣдствія самымъ тягостнымъ образомъ отражалась на производствѣ его.

Тѣмъ временемъ около Думы готова была уже захлеснуться петля, въ которую такъ легко просунули свои головы крайніе лѣвые, втянутые Азефомъ и К° въ политическую авантюру, которой приданъ былъ видъ военнаго заговора. Въ квартирѣ деп. Озоля произведенъ былъ обыскъ (давшій поводъ къ запросу Думы), при коемъ была обнаружена компрометирующая часть депутатовъ переписка; слѣдствіе велось въ глубокой тайнѣ. Дума продолжала работать и даже болѣе производительно, хотя также увлеклась потокомъ запросовъ, какъ и первая: разница была въ той легкости и небрежности, съ какой относилось и къ работѣ Думы, и къ ея запросамъ правительство; въ этомъ отношеніи характерно было приказаніе св. Синода, перемѣнить къ 18-му мая лѣвымъ священникамъ свои убѣжденія или сложить санъ. «Полная свобода сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы» (слово закона), понималось весьма ограничительно за ея предѣлами и дѣлало работу части депутатовъ заранѣе ничтожной. Это сказалось особенно на третьей Думѣ, напоминавшей, по числу депутатовъ изъ духовенства, пріемную того же Синода. Дума все болѣ изолировалась отъ народа; извѣстія о ея работѣ проникали въ провинцію все съ большими перерывами вслѣдствіе постоянныхъ конфискацій газетъ, и отдѣльныхъ стенографическихъ оттисковъ; слухи, одинъ мрачнѣе другого, волновали городское населеніе; неудавшееся покушеніе на цѣлый рядъ высокопоставленныхъ лицъ, о которомъ сообщило правительство, способно было смутить многихъ; очевидно,—говорили,—революція длится, разъ терроръ такъ широкъ, и очевидно,

что «минута» превышенія государственной необходимости надъ правомъ должна быть продлена. Тогда мало кто подозрѣвалъ провокаторскую дѣятельность Азефа, Пономарева, Гакельмана и др. Только послѣ ихъ разоблаченія и обнаруженія Лопухинымъ истинной роли Азефа прекратился этотъ потокъ крови, и стали, наконецъ, возможными визиты международнаго характера, столь необходимые для упроченія Россіи въ семьѣ конституціонныхъ державъ. Но до этого надлежало и второй, и третьей Думамъ много поспорить о террорѣ и выраженіи ему негодованія. И какъ оказывается, правы были воздерживающіеся отъ этого порицанія депутаты, видѣвшіе непосредственную связь между терроромъ и политикой правительства, создавшаго департаментъ полиціи и ставшаго его рабомъ и жертвой!

По ироніи судьбы, съ открытіемъ провоцированнаго Азефомъ заговора и осужденіемъ вопроса о террорѣ, поднятымъ въ Гос. Думѣ, благодаря недосмотру предсѣдателя, представителемъ кабинета, совпалъ и законопроектъ объ амнистіи, столь волновавшій политическіе круги еще со времени первой Думы. Одни считали амнистію прерогативой Монарха, другіе отличали ее отъ института *помилованія*, на который никто и не посягалъ; впрочемъ и среди представителей большинства были сторонники перваго взгляда, въ томъ числѣ деп. Маклаковъ; но и онъ горячо протестововалъ противъ провокаціи правыхъ и министерства юстиціи, дѣлавшихъ изъ законопроекта посягательство на основные законы и тѣмъ самымъ снова и снова выдвигавшихъ возможность роспуска Думы. При обсужденіи вопроса о направленіи закона объ амнистіи произошла одна изъ тѣхъ бурныхъ сценъ, къ которымъ потомъ тамъ пріучила общество третья Дума, но которыя въ то время были еще рѣдки и каждый разъ вызывали болѣзненное чувство стыда и досады во всѣхъ сторонникахъ конституціонализма. Невольно закрадывалась мысль, что въ шумѣ правыхъ нѣтъ и признака искренняго негодованія, а лишь желаніе кому-то угодить скандаломъ, да можетъ быть провоцировать роспускъ, показавъ неспособность Думы къ законодательной работѣ. Между тѣмъ, само правительство мѣшало этой работѣ еще больше своимъ отношеніемъ къ комиссіямъ Думы; когда оно внесло законопроектъ о мѣстномъ судѣ (май 907 г.) и комиссія пожелала по этому вопросу выслушать такого авторитетнаго эксперта, какъ пр. Л. Петражицкій, автора блестящаго изслѣдованія объ обычномъ правѣ и европейскаго ученаго, то на просьбу ея къ министру нар. просвѣщенія, послѣдній отвѣтилъ: «такъ какъ проектъ возникъ не въ его вѣдомствѣ, то онъ затрудняется командировать проф. Петражицкаго»; на обращеніе къ Столыпину послѣдовало предложеніе организовать комиссію *при министерствѣ* и *туда* командировать членовъ Думы. Выведенный изъ себя

докладчикъ комиссіи заявилъ Думѣ: «несомнѣнно, эти отвѣты обнаруживаютъ большую находчивость со стороны нашей бюрократіи, но я, съ своей стороны, недостаточно находчивъ, чтобы найти парламентскія выраженія для того, чтобы въ соотвѣтствующей мѣрѣ оцѣнить эту находчивость!» Эти примѣры, взятые наудачу, довольно ясно рисуютъ передъ нами ту атмосферу, въ которой жила и работала вторая Дума. Въ обычной жизни непрерывныя семейныя распри такъ разрушаютъ нервную систему, что присяжные давно привыкли снисходительно относиться къ виновникамъ возникающихъ на этой почвѣ драмъ; возможно, что и нелицепріятные судьи исторіи первыхъ лѣтъ россійской конституціи найдутъ въ дѣйствіяхъ правительства Столыпина элементы для оказанія ему извѣстнаго снисхожденія, да и мы склоняемся къ тому же; но въ широкихъ общественныхъ кругахъ, гдѣ роспуска Думы ожидали со дня на день, не было склонности къ такой терпимости, и дѣло соц.-дем. депутатовъ, обвиненныхъ въ прикосновенности къ военному заговору, съ самаго начала не внушало къ себѣ довѣрія; способъ же, коимъ Дума была распущена, признавался столь же грубымъ нарушеніемъ конституціоннаго права, какъ и роспускъ первой Думы.

Въ самомъ концѣ мая 907 г., правительство внесло въ Государ. Думу требованіе временнаго устраненія отъ участія въ засѣданіяхъ *всѣхъ* членовъ соц.-демократической фракціи и о разрѣшеніи арестованія 16 человѣкъ изъ ихъ среды. Это необычайное даже для русскихъ нравовъ дѣло естественно вызвало желаніе Думы обстоятельно обсудить предложенный вопросъ, но для этого не дано было времени; просто и ясно указано было, что даже промедленіе вызоветъ роспускъ, а когда Дума все-таки рѣшила обсудить дѣло комиссіоннымъ путемъ, хотя бы въ теченіе 48-ми часовъ, то роспускъ и состоялся. То обстоятельство, что одновременно съ роспускомъ опубликованъ былъ и новый избирательный законъ (3-го іюня), сводившій къ нулю увѣренность въ прочности конституціоннаго строя, указывало, что правительство готовилось къ роспуску *независимо отъ ожидавшагося вотума Гос. Думы*. Первая могла не посылать аграрнаго сообщенія и была бы распущена, вторая могла выдать добрую часть своего состава незамедлительно и все равно не осталась бы жить. Въ трескѣ грома, какимъ былъ новый избирательный законъ, въ сущности, совершенно пропадало значеніе и всего дѣла о заговорѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ выяснилось впослѣдствіи, нити азефской интриги были очень непрочны; но муссировать дѣло было нетрудно, и если оффиціальный результатъ исторіи далеко не отвѣчалъ шуму, ее сопровождавшему, то главная цѣль была достигнута. Передъ правительствомъ не только открывалась новая полоса бездумья и законодательства въ порядкѣ

87 ст. основн. законовъ, но уже конкретный обликъ принимала и ожидавшаяся третья, дворянская, сѣрая, послушная, октябристско-союзническая Дума. На сей разъ ожиданія не могли быть обмануты жизнью; крестьяне, на которыхъ оказалось невозможнымъ расчитывать, лишались большей части своихъ мѣстъ, равно какъ и населеніе окраинъ; изъ черноземной Руси, изъ тѣхъ 130,000 помѣщиковъ, интересы которыхъ такъ оберегали кредитныя учрежденія государства, должны были появиться новые «богатыри», на которыхъ бюрократизмъ могъ положиться столь же прочно, какъ и на полицейскій строй государства; и нужно было много еще переслушать уроковъ жизни, чтобы, съ одной стороны—свернуть косное большинство третьей Думы въ сторону оппозиціи, а съ другой—разстаться, наконецъ, съ завѣтной мыслью о новомъ coup d'état и возстановленіи абсолютизма.

Манифестъ 3-го іюня, широко распространенный въ провинціи, на крестьянское населеніе которой произвелъ въ высшей степени тягостное впечатлѣніе, такъ какъ одновременно рушилъ надежды на рѣшеніе аграрной проблемы и волновалъ монархическія чувства, гласилъ, между прочимъ, слѣдующее: «...По повелѣнію и указаніямъ Нашимъ со времени роспуска Гос. Думы перваго созыва, Правительство Наше принимало послѣдовательный рядъ мѣръ къ успокоенію страны и установленію правильнаго теченія дѣлъ государственныхъ. Созванная Нами вторая Гос. Дума призвана была содѣйствовать, согласно Державной Волѣ Нашей, успокоенію Россіи: первѣе всего работою законодательной, безъ которой невозможны жизнь Государства и усовершенствованіе его строя, затѣмъ разсмотрѣніемъ росписи доходовъ и расходовъ, опредѣляющей правильность государственнаго хозяйства, и, наконецъ, разумнымъ осуществленіемъ права запросовъ Правительству, въ цѣляхъ укрѣпленія повсемѣстно правды и справедливости... Къ прискорбію Нашему, значительная часть состава второй Гос. Думы не оправдала ожиданій Нашихъ. Не съ чистымъ сердцемъ, не съ желаніемъ укрѣпить Россію и улучшить ея строй, приступили многія изъ присланныхъ отъ населенія лицъ къ работѣ, а съ явнымъ стремленіемъ увеличить смуту и способствовать разложенію Государства. Дѣятельность этихъ лицъ въ Гос. Думѣ послужила непреодолимымъ препятствіемъ къ плодотворной работѣ. Въ среду самой Думы внесенъ былъ духъ вражды, помѣшавшій сплотиться достаточному числу членовъ ея, желавшихъ работать на пользу родной земли. По этой причинѣ выработанныя Правительствомъ Нашимъ обширныя мѣропріятія Гос. Дума или не подвергала вовсе разсмотрѣнію, или замедляла обсужденіемъ, или отвергала, не остановившись даже передъ отклоненіемъ законовъ, каравшихъ открытое восхваленіе преступленій и сугубо наказывавшихъ сѣятелей смуты въ войскахъ. Уклонившись отъ осужденія убійствъ и

насилій, Гос. Дума не оказала въ дѣлѣ водворенія порядка нравственнаго содѣйствія Правительству, и Россія продолжаетъ переживать позоръ преступнаго лихолѣтія. Медлительное разсмотрѣніе Гос. Думою росписи государственной вызвало затрудненіе въ своевременномъ удовлетвореніи многихъ насущныхъ потребностей народныхъ. Право запросовъ Правительству значительная часть Думы превратила въ способъ борьбы съ Правительствомъ и возбужденія недовѣрія къ нему въ широкихъ слояхъ населенія. Наконецъ, свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Гос. Думы противъ Государства и Царской Власти. Когда же Правительство Наше потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ пятидесяти пяти членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то Гос. Дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допускавшаго никакого отлагательства. Все это побудило Насъ указомъ, даннымъ Правител. Сенату 3-го сего іюня, Гос. Думу второго созыва распустить, опредѣливъ срокъ созыва новой Думы на 1-е ноября сего 1907 года. Но, вѣря въ любовь къ Родинѣ и государственный разумъ народа Нашего, Мы усматриваемъ причину двукратнаго неуспѣха дѣятельности Гос. Думы въ томъ, что по новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона, законодательное учрежденіе это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ. Посему, оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ Нашимъ Манифестомъ 17-го октября 1905 г. и Основными Законами права, воспріяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Гос. Думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранниковъ.

Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго Госуд. Дума должна быть русской и по духу. Иныя народности, входящія въ составъ Державы Нашей, должны имѣть въ Гос. Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ. Въ тѣхъ же окраинахъ Государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Госуд. Думу должны быть временно пріостановлены. Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ черезъ ту Гос. Думу, составъ коей признанъ Нами неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства самаго способа избранія ея членовъ. Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ. Отъ Господа Бога вручена Намъ Власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ Престоломъ Его Мы

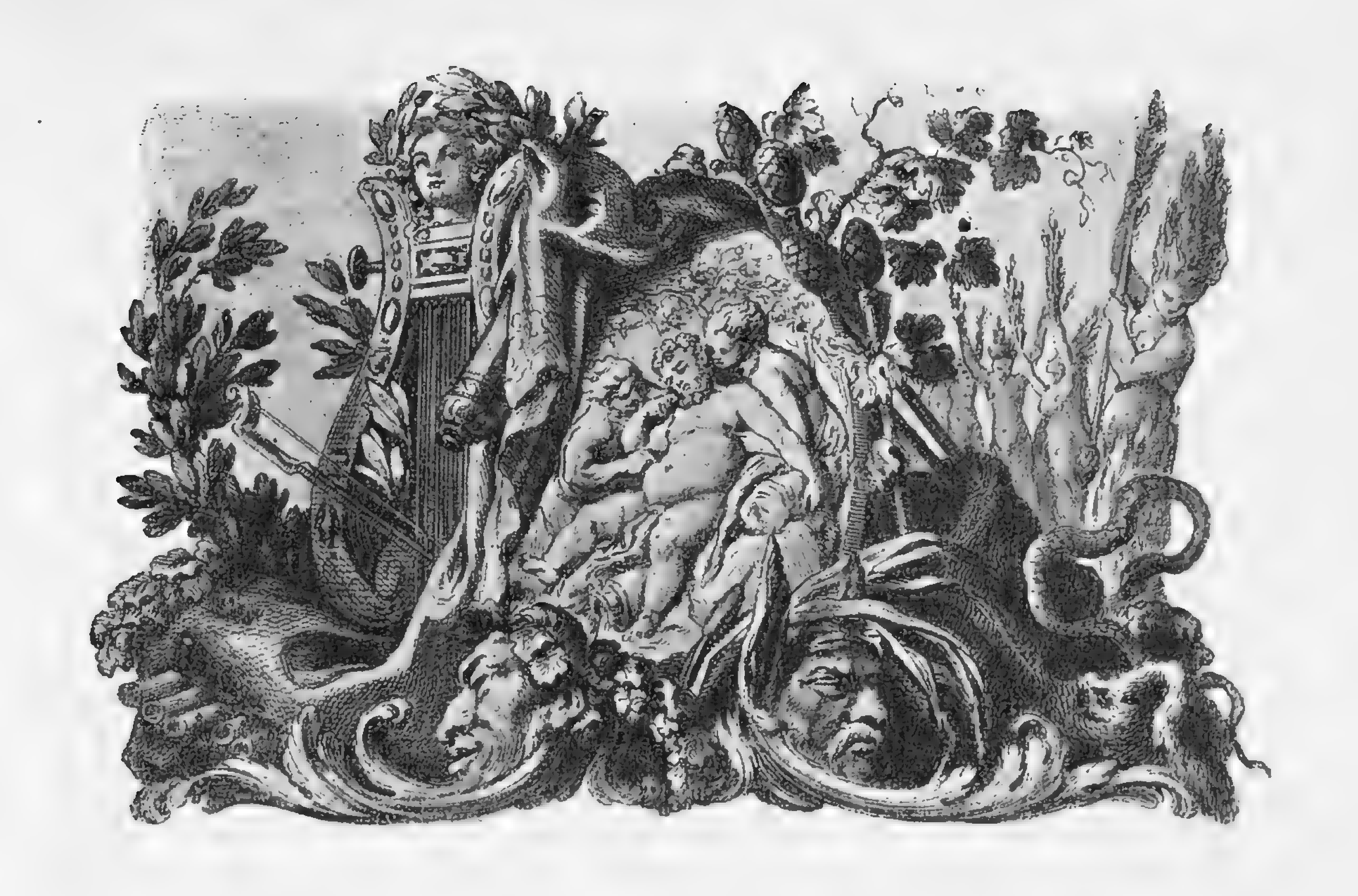
дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской. Въ сознаніи этомъ черпаемъ Мы твердую рѣшимость довести до конца начатое Нами великое дѣло преобразованія Россіи и даруемъ ей новый избирательный законъ, обнародовать который повелѣваемъ Прав. Сенату».

Россіи предстояли новые пять мѣсяцевъ безъ народнаго представительства, исполненіе неутвержденнаго бюджета, безконтрольныя дѣйствія властей, которымъ запросы уже не угрожали. Понятно поэтому, что, несмотря на тяжкое обвиненіе, возведенное на часть бывшей Гос. Думы, въ обществѣ не могло не возникать опасенія, что «успокоеніе страны и возстановленіе правильнаго теченія дѣлъ государственныхъ» откладываются вновь на неопредѣленное время и что новая Дума, какова бы ни была, застанетъ страну въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ она была 2-го іюня 1907 г. Опасенія эти въ значительной степени и оправдались; покой, выражавшійся въ молчаніи народа, принимали за кладбищенскій, правительственныя реформы, въ родѣ аграрной, почитали разорительными и колеблющими основы всего строя жизни; печать, рѣзко распавшаяся на рептильную и оппозиціонную, какъ въ зеркалѣ, отражала все ширившуюся пропасть между народомъ и чиновничествомъ, между правителями и управляемыми. При такихъ условіяхъ не могли исполняться благія намѣренія Монарха, снизошедшаго къ представленіямъ правительства о роспускѣ Думы и измѣненіи закона, дарованнаго въ 1905 г.; и, какъ ниже увидимъ, ревизіи многихъ отраслей управленія обрисовали тягостную картину глубокаго разложенія того бюрократическаго строя, которому Высочайшіе манифесты оказывали непрестанное и полное довѣріе. И такъ какъ ничто такъ легко не входитъ въ привычки человѣческія, какъ пренебреженіе закономъ и нарушеніе обѣщаній, то нельзя было и ожидать скораго признанія того, что пора *права* наступила и что государственная необходимость мощно диктуетъ подчиненіе ему *всякой силы*.

Итакъ, начиналось второе «бездумье». Мы не будемъ уже останавливаться на дѣйствіяхъ все еще остававшагося у власти правительства П. Столыпина, такъ какъ, съ одной стороны, характеръ ихъ не отличался отъ предыдущихъ, а съ другой, намъ придется еще коснуться многихъ отдѣльныхъ случаевъ при разсмотрѣніи соотношенія общественныхъ силъ страны. Равнымъ образомъ воздержимся пока отъ изложенія дѣятельности черныхъ сотенъ, съ роспускомъ второй Думы и избирательнымъ переворотомъ пріобрѣтавшихъ огромную силу, которой онѣ не могли воспользоваться лишь вслѣдствіе коренной идейной и матерьяльной импотенціи. Во всякомъ случаѣ положеніе народа и его лучшихъ интеллигентскихъ силъ предъ лицомъ открыто разинутой пасти самодовлѣющей реакціи было настолько незавидно

и опасно, что отчаяніе начало проникать въ самые дѣятельные круги; а жестокое напряженіе нервовъ, въ теченіе двухъ съ лишкомъ лѣтъ натягивавшихся все круче и круче, естественно должно было смѣниться періодомъ упадка энергіи; начавшись еще во время первой Думы, онъ достигалъ теперь наибольшаго развитія; и время открытія третьей Думы застаетъ русское общество какъ бы разгромленнымъ и тупо ожидающимъ новаго чуть не четверть-вѣкового реакціоннаго розмаха. Такимъ образомъ правительство вступало въ лучшую пору для проведенія реформъ и выполненія монаршей воли, указанной 17-го октября 1905 г. Какъ оно выполняло ее, мы сейчасъ и увидимъ. Вступленіе это сопровождалось молебнами въ отдѣлахъ «союза русскаго народа» и рѣчами губернаторовъ и архіереевъ, украшенныхъ значками этой политической организаціи, о «святой» роли ея. Въ Одессѣ роль эта, между прочимъ, понималась своеобразно, такъ какъ избіенія производились союзниками не только на улицахъ, но и въ купальняхъ. О грандіозныхъ арестахъ, по нѣскольку сотъ человѣкъ въ ночь, во всѣхъ большихъ городахъ, и упоминать не слѣдовало бы, равно какъ о массовомъ закрытіи газетъ,—къ тому обязывала «государственная необходимость». Нѣсколько попытокъ въ арміи и флотѣ вызвать рядъ мятежей (броненосцы «Синопъ» и «Три Святителя», саперы въ Кіевѣ), нѣкоторое увеличеніе числа террористическихъ актовъ,—вотъ все, чѣмъ ознаменовалось событіе 3-го іюня. Въ общемъ, народный океанъ продолжалъ лежать спокойно подъ ходившими надъ нимъ тучами, словно отдыхая отъ недавней бури и обманывая глазъ самоувѣренныхъ кормчихъ; обычный прибой разбивался о береговыя плотины и скрытая за ними жизнь горсти людей могла проходить въ привычныхъ рамкахъ, подъ обветшалыми, но теплыми покровами рутины, безотвѣтственности и презрѣнія къ праву.

III.

Третья Государственная Дума.

Проектъ избирательнаго закона 3-го іюня ходилъ по рукамъ еще за мѣсяцъ до роспуска второй Думы, когда и помина еще не было о привлеченіи крайнихъ лѣвыхъ по дѣлу о заговорѣ; тѣмъ не менѣе законъ составленъ былъ со столькими дефектами и, въ частности, опечатками, что потребовалось особое сообщеніе о нихъ въ «Правит. Вѣстникѣ». Что касается до нарушенія 86 ст. основныхъ законовъ, то развѣ въ первый разъ они нарушались? Общее мнѣніе было хорошо формулировано редакціей журнала «Право»: «Что бюрократія наша лишена всякой творческой силы, что она умѣла различать только симптомы и бороться съ ними, не пытаясь проникать въ основную причину, вызывавшую ихъ,—все это уже давно извѣстно и стало трюизмомъ. Но то, что представляетъ въ этомъ отношеніи новый избирательный законъ, превосходитъ всякое вѣроятіе и навсегда останется удивительнымъ памятникомъ. Когда слѣдишь за измѣненіями, внесенными новымъ закономъ, то иногда до смѣшного становится очевидно, къ какимъ незатѣйливымъ, примитивнымъ пріемамъ прибѣгали составители положенія, чтобы закрыть дверь Таврическаго дворца для тѣхъ или другихъ группъ населенія, а пожалуй и для отдѣльныхъ лицъ». Какъ бы то ни было, намѣченная цѣль была достигнута; въ узкую щель, оставленную въ этихъ дверяхъ, и могли только проникнуть въ большинствѣ представители наиболѣе узкихъ и безжизнен-

ныхъ группъ населенія. Въ ноябрьскую слякоть, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, къ мѣсту зарожденія, расцвѣта и гибели народныхъ надеждъ собрались «сливки», какъ ихъ назвалъ П. Столыпинъ, народа, прошедшія черезъ выборное горнило съ той же легкостью, съ какой недавно еще проходили любезные задолженному и приниженному дворянству предводители и земцы захолустныхъ уѣздовъ; и съ той же развязностью, что къ земскому и сословному дѣлу, приступали эти люди и къ великому строенію государства, выше всего ставя сведеніе счетовъ съ оппозиціей, нынѣ такой малочисленной и маломощной. Однако, общее положеніе было таково, что можно было все-таки надѣяться на образованіе конституціоннаго большинства и на крушеніе попытокъ возвратиться къ абсолютизму. Какъ оказалось, возлѣ этого именно вопроса и создался центръ думской жизни, и довольно долго шансы конституціи и абсолютизма уравновѣшивались настолько, что наихудшія опасенія подымались въ прогрессивныхъ общественныхъ кругахъ. Необычайная эластичность такъ наз. «партіи послѣдняго правительственнаго распоряженія» обезпечивала, съ одной стороны, правительству послушное большинство въ палатѣ, но зато съ другой, пришивало и само правительство къ знамени, на которомъ красовались слова октябрьскаго манифеста. Союзъ былъ во многихъ отношеніяхъ неудобенъ; и еслибъ только на сторонѣ правыхъ насчитывалось хоть сколько-нибудь способныхъ и умныхъ людей, трудно сказать, не свернулъ ли бы въ ихъ сторону кабинетъ, столько разъ явившій свою политическую неустойчивость и обслуживаемый преимущественно военными губернаторами, сплошь раздѣлявшими абсолюстистскія вожделѣнія внѣминистерскихъ сферъ. Борьба началась съ адреса, съ которымъ третья Дума обращалась къ Монарху и въ которомъ оппозиціи такъ хотѣлось упомянуть о конституціи; октябристы обошли этотъ щекотливый вопросъ, но правыхъ не удовлетворили; зато въ дѣлѣ выбора президіума они проявили столько предупредительности въ этомъ направленіи, что прочный союзъ центра съ думской черной сотней казался обезпеченнымъ; и опять же только крайняя тупость послѣдней разрушила устанавливавшіяся сердечныя отношенія. Оппозиція получила въ президіумѣ лишь второстепенныя мѣста и это не замедлило сказаться на веденіи засѣданій; общее впечатлѣніе получалось таково, что въ Таврическомъ дворцѣ собиралось ежедневно не законодательное, а мелкоуѣздное земское или дворянское собраніе. Трибуна величалась «эстрадой» и съ нея и на самомъ дѣлѣ неслись такія замѣчанія и дешевыя остроты, которымъ мѣсто было именно на эстрадѣ. Въ залѣ водворялись и соотвѣтственные обычаи; депутаты бродили съ мѣста на мѣсто, заглушали разговорами ораторовъ, дружно хохотали въ отвѣтъ на предсѣдательскія изощре-

ТРУБЕЦКОЙ. Памятникъ Императору Александру III на Знаменской площади въ Петербургѣ.

нія въ остроуміи и за-панибрата перекликались съ политическими друзьями; что касается до враговъ, то къ нимъ неслись обычныя площадныя ругательства, страннымъ образомъ не мѣшавшія кулуарнымъ бесѣдамъ и засѣданіямъ такъ наз. «senioren convent'a» (бюро старшинъ). Мало-по-малу крайніе правые выдѣлили особый, прочный кадръ «патріотовъ своего отечества», который и специализировался на организаціи думскихъ скандаловъ; кадръ этотъ одновременно входилъ въ центральный органъ союза русскаго народа; и только раскрытіе участія этого органа въ политическихъ убійствахъ поставило дѣятелей его на надлежащее мѣсто; въ теченіе же первыхъ трехъ сессій этой оригинальной Думы депутаты Марковъ 2, Пуришкевичъ, гр. Бобринскій и ихъ подручные не только занимали собой общественное вниманіе, но съ ними нѣкоторые склонны были серьезно считаться, особливо послѣ пріема Маркова въ Царскомъ Селѣ. Но безсиліе-то и сказывается всегда въ бурныхъ дѣйствіяхъ; сила покойна и величественна; движенія ея размѣрены и неторопливы; сила, наконецъ, умѣетъ ждать, и въ результатахъ приложенія умѣетъ не сомнѣваться.

Тѣмъ не менѣе, непрерывные скандалы, какъ потокъ изъ дырявой, прогнившей канализаціонной трубы, дѣлали свое дѣло, загрязняя позиціи парламента въ общественномъ представленіи. И если рѣзкія выраженія, направленныя въ первой Думѣ по адресу отдѣльныхъ представителей власти (Палачъ! Вонъ! Въ отставку! и т. под.) неумѣстностью своей подрывали вообще авторитетъ власти, какъ таковой, то грубая, привычная брань, висѣвшая зловонной тучей надъ третьей Думой, разрушала уваженіе народа къ самому себѣ, ибо, какъ ни какъ, бранились его же избранники. Здѣсь нѣтъ мѣста для перечисленія всѣхъ патріотическихъ выступленій г. г. Маркова, Пуришкевича и К°, равно какъ и повтореніе ихъ выраженій претитъ здоровому чувству мѣры; но, какъ всегда бываетъ, грязь рѣзче выдѣляется на приличной одеждѣ; поэтому, необычайная пошлость, которую позволилъ себѣ выкрикнуть членъ октябристской партіи Левъ Половцевъ, при упоминаніи оратора о насиліи надъ 70-лѣтней старухой (кавказскій запросъ), легла на союзѣ 17-го октября гораздо рельефнѣе, чѣмъ богатый марковскій лексиконъ на политическомъ рубищѣ монархическихъ организацій. Пребываніе женщинъ въ думскихъ трибунахъ дѣлалось послѣ этого рискованнымъ, а заботы инструкціи объ оставленіи твердыхъ предметовъ туалета въ прихожихъ—вполнѣ умѣстными. Такова, однако, сила принципа представительнаго правленія, что даже и въ скандальной третьей Думѣ не угасали ноты истинной гражданственности, и бывали случаи, когда, какъ въ дѣлѣ ассигновки на флотъ, эта разношерстная палата единогласными вотумами наносила бюрократизму не менѣе страшныя раны, чѣмъ сплоченная и

идеалистически настроенная первая. Что касается до ходоваго, такъ сказать, отношенія къ Думѣ, то оно, быть можетъ, лучше всего охарактеризовано было кіевскимъ цензоромъ, оповѣстившимъ редакторовъ повременныхъ изданій о томъ, что прокуроръ считаетъ Думу Государственнымъ установленіемъ и за нападки на нее будетъ привлекать къ отвѣтственности; въ этомъ отношеніи третья Дума была счастливѣй первой, которую безвозбранно оскорбляли въ оффиціальной даже печати. Вѣроятно, той же заботой объ огражденіи достоинства Думы было вызвано и предписаніе мин-ства внутр. дѣлъ губернаторамъ, начальникамъ полиціи и жандармскихъ управленій, а также и жел. дорожной полиціи имѣть строгое наблюденіе за проѣзжающими членами третьей Думы; предлагалось отнюдь не допускать на станціяхъ жел. дорогъ скопленія зрителей и провожающихъ и предупреждать возможныя демонстраціи, какого бы характера онѣ ни были. Депутатамъ начинало хорошо житься; такъ, когда городовой въ Петербургѣ, по старой привычкѣ, при конфликтѣ съ октябристскимъ представителемъ, объявившимъ свое званіе, неуважительно изрекъ: «Много васъ такихъ! Знаемъ!», или что-то въ родѣ этого, то депутату принесено было извиненіе, а городовому дано понять, что Дума уже не та, что раньше. Такъ, по мелочамъ, но неустанно укоренялся представительный принципъ, и факты совершенно отрицательнаго значенія служили, помимо чьей бы то ни было воли, къ его пользѣ и будущему расцвѣту. Зерно 17-го октября пало на «добрую» почву и плевелы послѣдующихъ посѣвовъ не смогли уже его заглушить.

Декларація кабинета, прочитанная Думѣ, не оставила въ сторонѣ и вопроса о конституціи; къ сожалѣнію, изъ объясненій предсѣдателя Совѣта министровъ и изъ текста деклараціи выносилось впечатлѣніе какъ бы преднамѣренной двойственности сужденія. Съ одной стороны конституція признавалась «иностраннымъ цвѣткомъ», а «свободная воля» русскихъ царей—лучшей гарантіей прочности державы; съ другой «новый, представительный строй» неоднократно упоминался въ числѣ «незыблемыхъ» основъ этой державы. Въ результатѣ никто не былъ доволенъ: одни опасались, а другіе надѣялись, что за этой двойственностью скрывалась калитка, которую кабинетъ окончательно пробивалъ на своемъ пути къ нарушенію основныхъ законовъ. Будущее не дало для этого поводовъ, а визиты 1909 года несомнѣнно способствовали тому, что если и была калитка, то снаружи ее кто-то вѣжливо, но крѣпко, притворилъ. Въ то время, впрочемъ, правая печать ликовала; по поводу въ высшей степени неумѣстной угрозы по адресу судей, «Новое Время» писало: «даже по адресу судейскихъ либераловъ декларація, правда, въ деликатной формѣ, намекнула, что и пресловутая несмѣняемость судей въ извѣстныхъ обстоятельствахъ мо-

жетъ быть пріостановлена». Со стороны органа, расшаркивающагося передъ всякимъ новымъ чиновникомъ, было естественно обозвать драгоцѣннѣйшій гражданскій институтъ «пресловутымъ»; но какое разлагающее вліяніе на суды оказала фактически уже «пріостановленная» несмѣняемость, объ этомъ ярко свидѣтельствуютъ процессы послѣднихъ лѣтъ; все меньше остается у своего дѣла нелицепріятныхъ судей, все больше пополняются ряды адвокатуры бѣженцами изъ нѣкогда прекраснаго чертога, воздвигнутаго 24-го ноября 1864 года. Надѣяться на то, чтобы правительство, столь легко разрушающее эти сооруженія, хотѣло и могло тотчасъ же возобновить ихъ, было неосторожно; въ такомъ случаѣ дѣйствія кабинета носили бы на себѣ черты безумія, чего, конечно, не наблюдалось. Искорененіе шло по опредѣленному плану, согласованному въ общихъ чертахъ съ завѣтами союза рус. народа; что такимъ образомъ рылась глубокая яма этимъ же завѣтамъ, рьяно пилился сукъ, поддерживавшій бюрократическую машину надъ струями Леты, объ этомъ видимо не загадывали. Среди наблюдавшагося утомленія недавнихъ дѣятелей освобожденія странное впечатлѣніе производили дружныя усилія повалить стѣну, отдѣлявшую народъ отъ власти, только съ другой стороны; неосторожное обращеніе съ подпорками грозило сооруженію не меньше, чѣмъ подкопы.

Конецъ сессіи третьей Думы приближался, когда начался процессъ первой по дѣлу о выборгскомъ воззваніи. Ниже мы еще вернемся къ нему; здѣсь довольно отмѣтить, что общее вниманіе немедленно перенесено было на бывшихъ депутатовъ, которыхъ общество и народъ склонны были попрежнему считать своими «лучшими» людьми; газеты снова пошли широкимъ потокомъ въ деревню, съ живымъ вниманіемъ слѣдившую за процессомъ, а въ чинной и холодной столицѣ было указано участникамъ процесса слишкомъ много теплаго участія, чтобы не быть замѣченнымъ въ высшихъ сферахъ правленія. Стоило собраться вмѣстѣ членамъ перваго парламента, какъ сама собой возсоздавалась былая атмосфера бодрости, вѣры въ будущее Россіи, искренности стремленій къ насажденію парламентаризма на мѣстѣ несовершенной существующей конституціи. «Всякому понятно,—писала редакція «Права»,—что для членовъ Думы, сѣвшихъ на скамью подсудимыхъ, эта скамья была прежде всего трибуной, съ которой они давали странѣ объясненія и отчетъ въ своемъ поведеніи. Для нихъ и самый процессъ имѣлъ преимущественно политическое значеніе... Для широкой публики равнымъ образомъ на первомъ планѣ здѣсь стояла политика». Политика вообще окрашивала съ 1905 г. и будетъ уже всегда окрашивать дѣйствія всякихъ организацій—земства, сословій, профессіональныхъ союзовъ и т. под.,—въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго или вреднаго для государственнаго прогресса; рѣшеніе слож-

ныхъ вопросовъ общественнаго хозяйства всегда согласуется съ извѣстными политическими принципами; и ни одни уже земскіе, городскіе, или сословные выборы не будутъ проходить на безличной платформѣ недавняго прошлаго; вредъ приноситъ лишь *политиканство*, къ которому склоняются отдѣльныя политическія группы, и отъ котораго не свободна ни одна изъ фракцій третьей Гос. Думы; сомнительный лозунгъ «беречь» Думу и не могъ, понятно, удержать ихъ на той высотѣ, гдѣ протекала дѣятельность перваго парламента, но отсюда до систематическихъ скандаловъ и шатанія центра нужно было совершить не малый путь по наклонной плоскости. Эти хроническія перемѣщенія думскаго центра придавали и политикѣ правительства какой-то колеблющійся характеръ; оригинальная позиція, занятая кабинетомъ по отношенію къ самодержавію и конституціи, доминировала надо всѣми дальнѣйшими шагами его, и можно безъ преувеличенія сказать, что вопросъ этотъ сдѣлался одно время кореннымъ вопросомъ всей русской жизни, всей судьбы государства. По мѣрѣ фиксированія на немъ общественнаго вниманія и самые размѣры абсолютистскаго фантома начинали казаться все большими, пугая однихъ и вызывая дикую радость другихъ; это самовнушеніе отравляло существованіе, тяжко сказывалось въ самыхъ реальныхъ областяхъ жизни, какъ, напримѣръ, на биржѣ, и начинаетъ проходить только теперь, въ 1909 году, когда цѣлый рядъ факторовъ международнаго значенія вплелся въ обособленную русскую дѣйствительность, придавъ ей нѣсколько болѣе устойчивый характеръ. Возвращаемся, однако, въ Думу. Здѣсь заботы объ устойчивости были взяты на себя преимущественно крайней правой. Ея вниманіе привлекали теперь окраины. Финляндія, мнилось союзникамъ, готова отложиться отъ имперіи и не потому лишь, что сепаратизмъ растворенъ въ крови всякаго не «истинно русскаго» человѣка, а и вслѣдствіе преступнаго попустительства представителей высшей мѣстной власти, ген.-губернаторовъ, не слѣдующихъ мудрымъ завѣтамъ бобриковскаго режима. Необходимо было предъявить правительству запросъ и нашлось 63 депутата, его подписавшихъ. Сущность заключалась въ слѣдующемъ: «дѣйствительно ли финляндскіе ген.-губернаторъ и министръ статсъ-секретарь не подчиняются требованіямъ Высочайшаго указа 19-го окт. 1905 г. въ отношеніи порядка всеподданнѣйшихъ докладовъ, въ рѣдкихъ случаяхъ сообщая таковые доклады свои на предварительное разсмотрѣніе предсѣдателя Совѣта министровъ, и принимались ли мѣры къ устраненію сего безпорядка»? Напраснымъ трудомъ было бы убѣждать этихъ глубокихъ политиковъ въ томъ, что созданіе подъ бокомъ у столицы революціоннаго гнѣзда безсмысленно и опасно и что лойяльныя отношенія окраинъ пріобрѣтаются не тѣми мѣрами, что были у нихъ на умѣ. Но такъ какъ и въ

высшихъ сферахъ снова возобладало теченіе въ пользу репрессій и руссификаціи Финляндіи во что бы то ни стало, то запросъ крайнихъ правыхъ былъ кстати и дѣло кончилось-таки отставкой ген.-губ. Герардта; ему пришлось даже привлечь «Нов. Время» за клевету на него. Вскорѣ начался рядъ конфликтовъ; разграничить общеимперскіе интересы отъ чисто финляндскихъ оказалось столь трудно, что и вопросъ о выпасѣ финскихъ быковъ пріобрѣлъ общеимперское значеніе и прошелъ черезъ русскую инстанцію. Финляндскій сеймъ распускался, населеніе вновь присылало то же большинство и дѣло шло мѣсяцъ отъ мѣсяца хуже. Нѣсколько времени спустя съ той же ретивостью набросились на Кавказъ, и снова «Нов. Время» шло во главѣ травли престарѣлаго намѣстника, гр. Воронцова-Дашкова; опять кончилось дѣло привлеченіемъ за клевету на этотъ разъ уже депутата, извѣстнаго Пуришкевича; депутатская неприкосновенность оставила пом. намѣстника, Петерсона, въ оригинальномъ положеніи—быть оклеветаннымъ во взяточничествѣ на всю Россію и не найти расправы на клеветника. Наряду съ такими выступленіями, въ Думѣ совершалась, впрочемъ, и законодательная работа. 4-го марта 1908 г. былъ принятъ принципіально законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Казалось, что правительство идетъ на ослабленіе репрессіи, изъ устъ министра юстиціи лились гуманныя слова о «лучѣ свѣта», который внесетъ новый институтъ въ тюремные порядки, и т. д., но подкладка проекта была слишкомъ плохо прикрыта риторикой: отъ перваго же напоминанія деп. Маркова 2-го, что «народъ желаетъ усиленія строгости уголовныхъ каръ», разлетѣлась въ пухъ аргументація г. Щегловитова, обнаживъ трезвое стремленіе поосвободить переполненныя тюрьмы для новыхъ кадровъ политическихъ враговъ кабинета. Вообще, внесеніе законопроектовъ гуманнаго характера оказалось опаснымъ для репутаціи министра юстиціи, какъ реакціонера; такъ, и проектъ объ условномъ осужденіи, внесенный въ Думу почти одновременно съ вышеупомянутымъ, остается пока безъ движенія; думское большинство не склонно къ ослабленію пресса, и если деп. Андрейчукъ собирался внести законопроектъ о вѣшаніи конокрадовъ, то и при обсужденіи проекта объ условномъ обсужденіи можно было ожидать поправокъ въ томъ же родѣ. На очереди стояли болѣе неотложные вопросы; впервые народные представители приступали къ разсмотрѣнію государственной росписи, этому краеугольному камню зданія конституціи. Немудрено, поэтому, что около вопроса о росписи возникли пренія весьма опаснаго для Думы характера. Дѣло въ томъ, что, по закону, роспись разсматривается *сначала* Думой, *потомъ* Гос. Совѣтомъ, которому и отводится для сего неполный мѣсяцъ декабрь и, *наконецъ*, въ случаѣ разногласій, согласительной комиссіей, состоящей изъ представителей

обѣихъ законодательныхъ палатъ. Такимъ образомъ право Думы на главенство при разсмотрѣніи росписи, установлено, какъ и въ другихъ конституціяхъ, самимъ законодателемъ. Однако Гос. Совѣтъ, недовольный какъ своей второстепенной ролью, такъ и спѣшностью работы, предназначаемой на всякій декабрь мѣсяцъ, поспѣшилъ нарушить законъ, «въ видахъ цѣлесообразности», и не только приступилъ къ одновременному съ Думой разсмотрѣнію бюджета, но и предложилъ составить согласительную комиссію для того, чтобы немедленно сдавать ей спорныя части росписи. Дума, въ которой чувства робости и послушанія были гипертрофированы, охотно пошла навстрѣчу прецеденту, въ значительной степени умалявшему права народа на критику и одобреніе государственнаго хозяйства; мало того, и въ самой Думѣ роспись начали разсматривать *по частямъ*, вопреки опять же порядку сужденія о всѣхъ законопроектахъ правительства; по этому порядку постатейному разбору предшествуетъ сужденіе о законопроектѣ въ его цѣломъ видѣ; правительство избавлялось, такимъ образомъ, отъ общей критики своихъ дѣйствій, всегда связываемой съ первымъ чтеніемъ проекта росписи. Вообще, въ теченіе сессій третьей Думы неоднократно обнаруживалась не только тенденція Гос. Совѣта ограничить ея компетенцію, но и ея самоурѣзываніе Думой; получались курьезныя коллизіи, когда правительство должно было указывать Думѣ ея права, отъ которыхъ послѣдняя, въ порывѣ усердія, отказывалась. Все это не могло способствовать укрѣпленію авторитета Думы въ высшихъ сферахъ, и къ ней замѣтно начинали относиться съ тѣмъ пренебреженіемъ, къ которому располагаютъ неуважаемые люди или учрежденія. Но, повторяемъ, нельзя было никакими мѣрами угасить того духа, который присущъ народному представительству, въ какихъ бы формахъ оно ни осуществлялось; стоило Думѣ коснуться какого-нибудь наболѣвшаго вопроса, какъ то же робкое большинство выдѣляло изъ себя людей, безпощадно обрушивавшихся на правительство, и постановленіями своими наносило удары, отъ которыхъ можно было оправляться только въ порядкѣ 87 статьи или простого самоуправства. Однимъ изъ такихъ вопросовъ былъ бюджетъ военнаго и морского министерствъ. Деп. Гучковъ, лидеръ октябристовъ, въ обоихъ случаяхъ обсужденія (1907 и 1908 гг.) произнесъ рѣчи, которыя во всякомъ другомъ государствѣ были бы постановленіемъ парламента отпечатаны для расклейки по всѣмъ селеніямъ. Въ рѣчахъ этихъ указывалось на невозможность правильнаго развитія арміи и флота, доколѣ во главѣ отдѣльныхъ частей и управленій будутъ стоять безотвѣтственные начальники, возлѣ которыхъ обычно и группируются всѣ хищники этихъ вѣдомствъ, пользующіеся неосвѣдомленностью и неопытностью своихъ шефовъ; ораторъ попросту приглашалъ послѣднихъ къ отставкѣ. Послѣ

каждой такой рѣчи съ новой силой вспыхивало недовольство Думой въ задѣтыхъ сферахъ, и т. к. камарилья состояла на три четверти изъ военныхъ, то недовольство могло имѣть и роковыя для Думы послѣдствія. Тогда вступались П. А. Столыпинъ и близкіе ему члены кабинета министровъ, судьба которыхъ поневолѣ связывалась съ третьей Думой, и гроза обычно проносилась стороной. Отвергнутые Думой кредиты на постройку броненосцевъ возстановляли въ иномъ порядкѣ, мало заботясь о законности, дѣлали небольшія перемѣщенія въ составѣ высшаго управленія злополучныхъ министерствъ, переименовывали кое-какія должности,—и «коренныя реформы» вновь представлялись Думѣ, чтобы вновь получить отказъ въ деньгахъ. Непріятно правительству было и обсужденіе въ третій разъ со времени созыва Думъ вопроса о смертной казни; каждый такой случай вербовалъ новыхъ сторонниковъ ея отмѣны и изолировалъ бюрократизмъ въ его приверженности этому мрачному пережитку средневѣковья; каждый разъ, что путемъ запросовъ устанавливался новый фактъ казней безъ суда (приказами ген.-губернаторовъ), сгущалось общественное негодованіе на поведеніе власти, утверждавшей, что успокоеніе наступило, и ведшей себя такъ, какъ если бы государство продолжало находиться въ состояніи необходимой самообороны. Дальше, однако, были періоды, когда Дума снова «теряла лицо свое» и выполняла все, что угодно было требовать министерству, особливо, если дѣло касалось выдачи членовъ оппозиціи; такъ были устранены изъ Думы депутаты Колюбакинъ и Косоротовъ, при чемъ дѣло Колюбакина особенно долго занимало и Думу, и общество; депутатъ Петербурга былъ привлеченъ къ суду за рѣчь въ провинціальномъ городѣ, въ которой представитель власти, бывшій на собраніи, не нашелъ ничего преступнаго; производство дѣла страдало такими формальными и существенными дефектами, что ни одинъ членъ оппозиціи не могъ съ этого времени чувствовать себя въ безопасности, т. к. всякаго можно привлечь съ такими же основаніями, посадить въ тюрьму и исключить изъ Думы. Раздражаніе оппозиціи питалось, такимъ образомъ, самимъ правительствомъ, главѣ котораго и пришлось выслушать въ Думѣ тяжкія слова деп. Родичева, вспомнившаго о «муравьевскомъ воротникѣ», слова, едва не вызвавшія дикой кулачной расправы съ нимъ крайнихъ правыхъ. Сло́ва, однако, не вернешь назадъ, и лексиконъ русскихъ «крылатыхъ» выраженій обогатился еще однимъ, увѣковѣчившимъ имя полновластнаго министра крѣпче всѣхъ его дѣлъ. Ораторъ пожалѣлъ, конечно, первый о вырвавшемся крикѣ души,—личности должны быть неприкосновенны,—но атмосфера негодованія порождала такія выступленія, какъ осень—туманы, въ силу психологическаго закона, столь же точнаго, какъ и другіе законы природы.

Такъ протекала жизнь третьей Гос. Думы, колеблясь, какъ пламя восковой свѣчи, вынесенной изъ храма на улицу, то ярко вспыхивая и освѣщая ея убогость и грязь, кидая блики на притаившихся въ углахъ чиновныхъ воровъ и хулигановъ, то замирая въ кончикѣ фитиля голубымъ огонькомъ такъ, что и лица несущаго свѣтъ нельзя было разсмотрѣть. И какъ часто случается, порывы вѣтра, валящаго дубы, пролетали надъ слабымъ источникомъ свѣта безъ вреда для него, и губы озорниковъ, протянутыя къ свѣчѣ, чтобы потушить ее, каждый разъ встрѣчали ладонь, готовую ударить по нимъ...

Мы не предполагаемъ касаться здѣсь событій послѣдняго, текущаго года; для нихъ нѣтъ и той короткой перспективы, въ которой рисуются намъ предшествовавшіе; къ тому же каждый новый мѣсяцъ можетъ принести измѣненія, при свѣтѣ коихъ факты и сужденія, казавшіеся столь ясными, потеряютъ силу и формы.

Такъ, кто могъ, въ годы убійства Плеве и в. к. Сергѣя Александровича, покушеній на ад. Дубасова и т. под., внести въ эти акты «поправку на Азефа»? Кто могъ думать, что при посѣщеніяхъ императоромъ сосѣднихъ дворовъ полиція послѣднихъ пуще всего слѣдила за высокопоставленными агентами русскаго политическаго сыска, всегда грозившими провокаціей? Кто могъ предполагать, что и самъ полномочный министръ, В. Плеве, какъ явствуетъ изъ мемуаровъ жандармскаго генерала Новицкаго, совсѣмъ, совсѣмъ близко стоялъ къ тому безконечному ряду террористическихъ актовъ, жертвой котораго сдѣлался самъ, отогрѣвъ на груди своей ужалившую его потомъ змѣю. И, разбуженная рядомъ сенсаціонныхъ разоблаченій, мысль русскаго человѣка все съ растущей тревогой всматривается въ грядущее время, не зная, когда же кончится ночь, въ которую погрузили прекрасную страну люди, идейно связанные съ Судейкиными, Азефами и Гартингами? Мудрено ли склоняться къ тому, что и актъ 1-го марта 1881 года совершенъ былъ лишь руками террористовъ, а руководившіе ими головы были тогда, какъ и сейчасъ, «внѣ предѣловъ досягаемости». Въ этой пропасти, все еще не засыпанной и не освѣщенной парламентарнымъ строемъ, копошатся и подымаются кверху прозрачныя тѣни сотенъ людей, вся вина коихъ состояла, быть можетъ, въ томъ, что они жили и работали въ темнотѣ, гдѣ трудно отличить праваго отъ виноватаго, а если и отличишь, то некуда вести этого виноватаго, не на кого надѣяться. Безправіе и угнетеніе не воспитываютъ, а разлагаютъ нравы; въ этихъ условіяхъ пышно цвѣтутъ только ядовитыя растенія, оплетающія здоровыхъ, поселяя недовѣріе ко всему, даже къ самой способности своей выпутаться изъ дьявольскихъ сѣтей...

Правительство легко добилось отъ третьей Думы того, чего не могло

получить отъ ея предшественницъ: осужденія террора. Нужно ли говорить о томъ, что подавляющее большинство бывшихъ депутатовъ отрицательно относилось къ кровопролитію? Могло ли ихъ порицаніе отразиться хотя бы слабымъ образомъ на террорѣ? Оно могло бы лишь укрѣпить правительство въ его политикѣ бѣлаго террора и было бы на руку охранѣ, создающей черезъ своихъ агентовъ смуту. Лучшее тому доказательство,—что только послѣ выдачи Лопухинымъ Азефа и разоблаченія истиннаго имени Ландезена можно считать организацію террора распавшейся. Отнынѣ правительству предстоитъ бороться противъ отдѣльныхъ анархическихъ актовъ, отъ которыхъ не застрахована ни одна страна, ни одна власть. Для этого нужно сдѣлать и очень мало, и очень много: нужно отказаться, искренне и навсегда, отъ пріемовъ, питающихъ абсолютизмъ, нужно признать, что реформы уже запоздали и что каждый новый день промедленія ведетъ страну къ новымъ катастрофамъ; нужно отдать народу ему принадлежащее и узурпированное чиновничествомъ и стать на единственно довлѣющую правительству позицію—отвѣтственныхъ слугъ народа, а не его фактическихъ господъ. Простой по конструкціи, но сложный по выполненію, этотъ процессъ возстановленія правъ народа, создавшаго государство, нигдѣ не совершался быстро и безъ потрясеній; уроки исторіи забываются обыкновенно очень легко, но все же не совсѣмъ; наконецъ и «времена измѣнчивы», и упирающагося среди толпы упрямца поталкиваютъ теперь и такія силы, о которыхъ раньше и помина не было; словомъ, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что нынѣшнее еще поколѣніе людей увидитъ Россію дѣйствительно обновленной, хотя *покойной* можетъ быть и не увидитъ. Во всякомъ случаѣ, затяжной терроръ, развѣтвившійся и пустившій корни при участіи правительственныхъ агентовъ, долженъ пойти на убыль; изо всѣхъ элементовъ, питающихъ реакцію, терроръ пока остается единственнымъ, переходящимъ навсегда въ прошлое; способы борьбы измѣняются и всеобщее отвращеніе къ войнѣ постепенно распространяется и на всякое кровопролитіе.

Перечисляя здѣсь отдѣльные случаи террора, мы кончаемъ самую тяжелую страницу; и представляя читателю въ дальнѣйшемъ изложеніи элементы для сужденія о реальномъ отношеніи общественныхъ силъ, уже не будемъ имѣть въ виду явленія, въ свое время на этомъ соотношеніи сказавшагося самымъ пагубнымъ образомъ.

Изготовленіе бомбъ, принявшее одно время чуть не всероссійскіе размѣры и также находившееся подъ покровительствомъ Азефа и Гакельмана-Ландезена, начало падать еще въ 1907 году; трудно судить, насколько способствовали этому репрессіи; вѣрнѣе—измѣнялась, разрѣжалась самая политическая атмосфера.

Изъ Севастополя, по распоряженію адмирала Вирена, высланы были, напр., всѣ квартиранты дома, въ которомъ взорвалась бомба,—казалось бы сурово; а позднѣе читаемъ, что въ этомъ же городѣ найдены снова во многихъ мѣстахъ разрывные снаряды, въ томъ числѣ и «бомба-monstre», т. сказать, вѣсомъ около трехъ пудовъ! Попрежнему, бомбами орудуютъ и дѣти (въ Баку—гимназистъ, застрѣленный на мѣстѣ покушенія на полицеймейстера), попадаются и союзническіе снаряды; такъ, въ Москвѣ задержанъ прибывшій изъ того же Севастополя союзникъ Рознатовскій, съ корзиной револьверовъ и бомбъ (сент. 906). Для одесскихъ союзниковъ всякій взрывъ былъ какъ бы сигналомъ къ избіенію мирныхъ жителей, преимущественно евреевъ; а такіе случаи, какъ убійство пристава Панасика (май 907), вызывали настоящіе погромы, съ массовыми избіеніями и большимъ числомъ жертвъ. Указывали при этомъ на отсутствіе полиціи; создавалось досадное представленіе о попустительствѣ властей, о реальномъ союзѣ ихъ съ черносотенцами, представленіе, и доселѣ въ Одессѣ не разсѣянное. Наконецъ, происходили вовсе печальные случаи: въ Лодзи, раненый взрывомъ бомбы нѣкто Клобовскій сознался, что бомба, которая найдена была за недѣлю передъ тѣмъ въ одной изъ кофеенъ, изготовлена и подложена имъ, чтобы получить вознагражденіе *отъ полиціи;* въ виду того, что Клобовскій былъ раненъ тяжело и вскорѣ умеръ, нѣтъ основаній думать о безсмысленномъ оговорѣ. За полтора года отмѣчено однихъ только массовыхъ нахожденій бомбъ болѣе сотни; по мелочамъ же попадались онѣ почти ежедневно. Обратили на себя вниманіе особенно взрывы пароходовъ Рус. Об-ства, на которыхъ бастовавшіе матросы замѣнены были одно время союзниками (Одесса). 17-го дек. 906 г. взорванъ былъ пароходъ «Айдагъ», на пароходѣ «Николай Второй» найдена адская машина; позднѣе произошла попытка взорвать огромный пароходъ «Гр. Меркъ», случайно предотвращенная. Союзники, впрочемъ, оказались плохими мореплавателями и надѣлали обществу убытковъ еще больше, чѣмъ бомбисты, посадивъ и спаливъ по неосторожности нѣсколько довѣренныхъ имъ судовъ. Динамитъ, порохъ и т. под. вещества частію получались изъ-за границы, частію экспропріировались изъ казенныхъ и частныхъ складовъ; остальныя принадлежности довольно легко изготовлялись мастерскими, о которыхъ мы уже говорили выше. Установленный извѣстнымъ ученымъ статистикомъ-соціологомъ Майо-Смитомъ законъ о вліяніи на преступленія временъ года сказывался и на русскомъ террорѣ: приготовленія къ взрывамъ, фабрикація бомбъ, организація покушеній падаютъ на зимніе мѣсяцы, самыя покушенія и убійства на лѣтніе; русская зима загоняла въ дома и «аграрниковъ», и террористовъ, дѣйствовавшихъ на улицахъ; зато наиболѣе дерзкіе акты совершены были именно зимой (Рейнботъ, Лау-

ницъ и др.). Говоря о постепенномъ паденіи числа преступленій подобнаго рода, мы должны быть все же осторожны; общее число оставалось ужаснымъ; такъ, любопытно взять наудачу нѣсколько оффиціальныхъ итоговъ; *іюль* 1907 года: убито должностныхъ лицъ—54, изъ нихъ ген.-губернаторовъ—2, приставовъ—3, пом. пристава—2, командиръ полка—1, пом. нач. тюрьмы—1, членъ суда—1, священниковъ—2 и т. д., всего больше городовыхъ и стражниковъ (19); ранено—47, тѣхъ же, приблизительно, категорій. Кромѣ того—7 покушеній на разныхъ администраторовъ. *Частныхъ* лицъ убито 95. Нападеній, всего больше на почты и винныя лавки—92. Ограблено около 400 тыс. рублей, изъ нихъ казенныхъ—270 т. *Январь* 908 года (16—31): убито 20, ранено 47 должностныхъ лицъ. Частныхъ—убито 48, ранено—47, грабежей на 52,7 тыс. рублей.—Сопоставленіе съ бѣлымъ терроромъ указало бы на оригинальное явленіе: развалъ репрессіи не совпадаетъ, а значительно запаздываетъ послѣ развала краснаго террора; другими словами, происходило не только подавленіе, къ которому правительство было обязано, но и устрашеніе, мщеніе, приносившее, разумѣется, вредъ и особенно сплачивавшее оппозицію.

Было вполнѣ естественно, что роспускъ первой Гос. Думы вызвалъ повышеніе террористической волны; общая нервность, всегда усиливающаяся къ периферіи, побуждала къ эксцессамъ, а крайнія революціонныя организаціи соединяли съ моментомъ замѣшательства свои надежды на переворотъ. Въ Варшавѣ, гдѣ военное положеніе давно питало терроръ, онъ проявлялся въ массовыхъ формахъ, такъ что одно время не только пришлось убрать съ постовъ всю полицію и замѣнить ее патрулями, но и телеграфировать въ министерство внутр. дѣлъ о повальномъ бѣгствѣ изъ полиціи и неотложности новыхъ наградъ и прибавокъ къ содержанію.

Съ этимъ же періодомъ совпадаетъ неслыханное по смѣлости выполненія и числу невинныхъ жертвъ покушеніе на жизнь П. А. Столыпина посредствомъ взрыва занимаемой имъ казенной дачи. 12-го августа въ переднюю дачи вошли трое людей, одѣтыхъ жандармами и послѣ неудачной попытки проникнуть въ пріемную, бросили здѣсь же разрывной снарядъ, заключенный въ портфелѣ. Силой взрыва была разворочена деревянная дача, убиты десятки и ранены столько же случайно бывшихъ въ дачѣ лицъ, въ томъ числѣ дѣти министра. Соціалреволюціонеры поспѣшили отклонить отъ себя инициативу этого покушенія, и здѣсь впервые общество узнало о возникновеніи новой организаціи—максималистовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, палка репрессій наростала съ обоихъ концовъ одновременно. Всеобщее сочувствіе къ несчастному министру - отцу семейства совпало съ опасеніемъ, что къ политикѣ государственнаго дѣятеля невольно примѣшается и

элементъ личнаго раздраженія, психологически законный и оправдываемый, но для страны вредный. Дѣйствительно, П. А. Столыпинъ остался у власти, переѣхалъ въ Зимній дворецъ и былъ окруженъ такой цѣпью охраны, какой не было ни возлѣ Плеве, ни возлѣ императора Александра II. Отсюда, изъ кабинета, невиднаго Россіи и изъ котораго, конечно, и Россіи не было видно, и исходили уже всѣ мѣры къ успокоенію и тѣ реформы, въ родѣ аграрной, о колоссальномъ значеніи коихъ судить еще рано, но которыя успѣли уже отразиться на складѣ народной жизни, ухудшивъ и безъ того бѣдственное положеніе крестьянъ. 13-го августа былъ убитъ ком. семеновскаго полка, Минъ, 14-го—врем. ген.-губернаторъ Варшавы, Вонлярлярскій. Въ такихъ обстоятельствахъ крутыя мѣры диктовались сами собой и борьба переходила къ крайнимъ пріемамъ съ обѣихъ сторонъ. Висѣлицы покрывали разлагающей ржавчиной русскую жизнь и военные трибуналы засѣдали денно и нощно, въ свою очередь подвергаясь нападеніямъ; такъ, покушались на кронштадтскій и варшавскій суды, а отдѣльные чины военно-судебнаго вѣдомства убивались и преслѣдовались не меньше другихъ слугъ правительства; въ короткое время пострадали предсѣдатели военныхъ судовъ: Дорошевскій, Волковъ, Уссаковскій и др. Перечислимъ, наконецъ, важнѣйшіе акты, придерживаясь простой хронологіи:

1906 г. (іюль—декабрь). *Покушенія:* на Мартынова, тиф. полицеймейстера, потомъ застрѣлившагося; на Грина, варшавскаго сыщика и провокатора; на ген. Соллогуба, нач. карательныхъ войскъ Прибалтійскаго края; на моск. градоначальника Рейнбота; бомба разорвалась въ снѣгу, генералъ стрѣлялъ въ голову преступника, получилъ много привѣтствій, въ томъ числѣ отъ П. Столыпина, что «такіе слуги Государю нужны»; ревизія Гарина обнаружила передъ министромъ только то, что Москвѣ было извѣстно задолго до покушенія; Москва не полагала, чтобы такіе слуги нужны были кому-нибудь, кромѣ враговъ Россіи; равно и подобные ф.-д. Лауницу—терроризовавшему цѣлую губернію и промышлявшему комиссіей черезъ крестьянскій банкъ; но голосъ столицъ, какъ и голосъ Россіи, не звучалъ тогда достаточно громко и властно. Далѣе, на эрзерумскаго губернатора, на варшавскаго ген.-губернатора Скалона, счастливо уцѣлѣвшаго подъ настоящимъ градомъ (9) бомбъ; на гофмейстера Жедринскаго (малолѣтній ученикъ, былъ казненъ); на плоцкаго ген.-губернатора; на главу одесскихъ союзниковъ, Коновницына (подозрѣвалась симуляція); на полк. Давыдова, рыцарски ходатайствовавшаго о сохраненіи жизни виновному; на в. к. Николая Николаевича; на ад. Дубасова,—второе покушеніе: плохо вооруженные мальчики, которыхъ дряхлый адмиралъ перехваталъ своими руками (были казнены); на ген. Ренненкампфа, нач. си-

бирской карательной экспедиціи; ген. Каульбарса, въ Одессѣ; казанскаго вице-губ. Кобеко; извѣстнаго ялтинскаго ген. Думбадзе,—одно изъ многихъ покушеній, послѣ которыхъ генералъ обыкновенно писалъ письма въ редакціи, грозился, впадалъ въ совершенно несоотвѣтствовавшійся ни случаямъ, ни положенію полемическій и бранный тонъ и многимъ казался человѣкомъ безъ разсудка; на ген.-губ. Ступина. *Убійства:* Ген. Николаева; ген. Маркграфскаго, ген. Мина; директора уч. семинаріи, Остроумова (Пенза); предс. окружн. суда Ремезова (склонны были видѣть месть за веденіе аграрныхъ дѣлъ въ суровомъ тонѣ); гр. А. П. Игнатьева, который многими считался вдохновителемъ реакціи и полновластнымъ главой придворной камарильи, потерявшей съ нимъ и часть былого вліянія; убійца не былъ казненъ. Ген. Голощапова, нач. карательнаго отряда на Кавказѣ, спеціально дѣйствовавшаго противъ армянскихъ селеній; несчастнаго, незлобиваго самарскаго губернатора Блока (приписывали полному равнодушію къ его охранѣ мѣстной полиціи); петерб. градоначальника фонъ деръ-Лауница, убитаго во время освященія благотворительнаго учрежденія; убійца, самъ павшій подъ сабельными ударами и пулями на мѣстѣ преступленія, былъ неизвѣстенъ; поэтому голову его замариновали и выставили напоказъ; фотографіи этой страшной головы были помѣщены въ свое время въ журналахъ. Послѣ смерти Лауница быстро раскрылось и его прошлое. Акмолинскаго губернатора, ген. Литвинова; ген. Полковникова; жандарма, полк. фонъ-Плотто (сына воспитателя пишущаго эти строки, добраго и благороднаго человѣка, мечтавшаго объ иной карьерѣ сына); охранника, доктора Михайлова, дѣятеля типа Азефа; офицеровъ московск. гарнизона—Дзянковскаго и др., участвовавшихъ въ карательныхъ дѣйствіяхъ на улицахъ Москвы,—убійства, чрезвычайно раздражившія офицеровъ гарнизона; ген. Старынкевича, симбирскаго губернатора и массы другихъ, болѣе незамѣтныхъ агентовъ правительства.

1907 годъ. Покушенія: на ген. Покотилло, воен. губернатора Мартелана; моск. ген.-губ. Гершельмана, спасшагося случайно; яросл. губернатора Римскаго-Корсакова, собственноручно обезоружившаго покушавшагося студента, затѣмъ казненнаго; на завѣдующаго петерб. адмиралтействомъ; на адмирала Греве; на ген. Неплюева, второе по счету; на вятскаго губернатора Горчакова; одесскаго полицеймейстера фонъ-Гесберга (спасся случайно); на бѣлостокскаго ген.-губернатора Богаевскаго (отголоскомъ іюньскаго погрома); второе покушеніе на Думбадзе, доставившее этому администратору особую славу: по его приказу было сожжено нѣсколько дачъ возлѣ мѣста покушенія, что угрожало пожаромъ городу, и, что всего оригинальнѣе, казнено нѣсколько нѣмыхъ свидѣтелей случая—вырублены городскія деревья, обрамлявшія

улицу; правительство признало, что генераломъ обнаружено было полнѣйшее самоуправство; но, не допустивъ гражданскихъ исковъ и удовлетворивъ пожженныхъ дачниковъ изъ секретнаго фонда, оно самопрочно основалось на той же позиціи. Эта удивительная свѣтобоязнь начала проходитъ только съ раскрытіемъ интендантскихъ и полицейскихъ хищеній, съ отставкой Рейнбота, переводомъ Гершельмана и т. под. событій, ничего кромѣ добра правительству не принесшихъ. Далѣе, на извѣстнаго жандарма, полк. Легата, грозу пассажировъ финляндской ж. д., настоящая террористическая облава; на взрывъ цѣлаго охраннаго отдѣленія въ Петербургѣ; в. кн. Николая Николаевича; второе покушеніе на Рейнбота; на вице-губ. Таскина. *Убійства:* нач. бакинскаго порта Михайлова; полк. Добровольскаго (убійца—сосланный матросъ съ бунтовавшаго броненосца); нач. петерб. тюрьмы «Крестовъ» Иванова, по общимъ отзывамъ, человѣка хорошаго; коменданта бѣлостокской станціи, полк. Шреттера,—прямое слѣдствіе бѣлостокскаго погрома, возлѣ станціи принявшаго особый характеръ; ген. Карангозова, бывш. одесскаго ген.-губернатора, извѣстнаго своими рѣзкими и оригинальными дѣйствіями противъ печати и всѣхъ вообще прогрессивныхъ организацій и отдѣльныхъ гражданъ; нач. тюрьмы, Гудимы; провокатора Казанцева (въ выдачѣ убійцы его, Ѳедорова, франц. правительствомъ отказано); нач. одесской тюрьмы, нач. гл. тюр. управленія, Максимовскаго (убійца—Рагозинникова, была обмотана снарядомъ, способнымъ взорвать все зданіе гл. тюр. управленія; не взорвался случайно); коменданта гор. Красноярска; союзника Савирки, передъ этимъ безнаказанно убившаго рабочаго (Бендеры); пристава одесск. полиціи, Дельфинскаго, при грандіозной облавѣ на конспиративное собраніе; ген. Ульянина, нач. Средне-азіатской ж. дороги; жандарма, ротм. Пышкина, иниціатора вологодской бойни 1-го мая 1906 г.; пом. ком. севастоп. порта; ген. Алиханова, кавказскаго администратора; крайне своеобразное убійство политическаго Короткова, помилованнаго по ходатайству деп. Пергамента и переведеннаго въ одесскую тюрьму; 25-го апрѣля 907 г. уголовные, во время прогулки, убили Короткова, объясняя убійство местью за организацію Коротковымъ въ 906 г. въ г. Николаевѣ ряда митинговъ, постановившихъ преслѣдовать воровъ и хулигановъ. И т. д.

1908 годъ. Покушенія: на предс. петерб. суд. палаты, Крашенинникова; на воронежскаго губернатора, убійство Свиридова, земскаго дѣятеля (убитъ братомъ Рагозинниковой) и немного другихъ актовъ; такъ рѣзко палъ красный терроръ въ то время, какъ кривая бѣлаго продолжала повышаться и повышаться. Въ конечномъ счетѣ слѣдуетъ признать, что и это повышеніе репрессіи послѣ того, что въ ней не оставалось надобности, лишь отчасти зависѣло отъ доброй воли пра-

вительства; репрессія, какъ и всякое движеніе, разъ начавшись, подвергается закону инерціи и развалъ ея всегда запаздывалъ въ аналогичныхъ случаяхъ. Но сила, употребленная на развитіе извѣстнаго движенія, должна быть приложена и къ его остановкѣ, иначе она перестаетъ быть сознательной силой государственной власти; ее быстро замѣняютъ въ такомъ случаѣ уродливыя, анархическія, некоординированныя, злыя силы отдѣльныхъ группъ и даже личностей и страна переходитъ въ стадію затяжной смуты, безвластія—при перепроизводствѣ властей, нищетѣ—при растущемъ бюджетѣ, международному ничтожеству—при огромной арміи. Всѣ эти бѣды переживаются нашей родиной, и не въ замалчиваніи, укрывательствѣ ихъ причины лежитъ обязанность всякаго гражданина. Съ тяжелымъ чувствомъ перебирали мы здѣсь небольшую часть событій недалекаго прошлаго, и съ тѣмъ же чувствомъ переходимъ теперь къ наброску соотношенія общественныхъ силъ; разбродъ, взаимоистребленіе, недовѣріе, разложеніе правительственныхъ и политическихъ организацій, безотрадное положеніе отдѣльныхъ классовъ, торжество темныхъ силъ,—вотъ что ожидаетъ насъ при бѣгломъ обзорѣ, болѣе котораго не позволяетъ дать здѣсь ни время, ни мѣсто.

IV. Соотношеніе общественныхъ силъ.

1. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Призывая, послѣ октябрьскихъ погромовъ, къ объединенію всѣ оппозиціонные слои общества, будущій членъ Гос. Думы В. Набоковъ писалъ: «Пока элементы реакціи остаются еще на мѣстахъ, мы полагаемъ, что въ настоящую минуту болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо сохраненіе энергіи и поднятіе мощи освободительнаго движенія, усиленіе оппозиціоннаго настроенія, мобилизація всѣхъ оппозиціонныхъ силъ». И далѣе: «Расколъ между нами (к.-д.) и стоящими влѣво мы бы считали, поэтому, не только политической ошибкой, но и историческимъ преступленіемъ». («Право» 1905. № 41). Независимо отъ того, кто и что были причиной такого раскола, слѣдуетъ признать, что «историческое преступленіе» совершено и послѣдствія его сказались на судьбахъ Россіи весьма тяжко. Мы, однако, не предполагаемъ здѣсь анализировать отношенія партій, намѣчая лишь въ общихъ чертахъ ихъ дѣятельность и эволюцію. Октябрь 905 г. вызвалъ огромный подъемъ политической энергіи въ прогрессивной части общества; воззванія новообразовавшихся организацій и избирательныхъ въ Гос. Думу комитетовъ выходили десятками ежедневно, разсылались безвозбранно по всей странѣ, будили дремавшіе медвѣжьи углы и прививали взгляды, въ общемъ совпадавшіе съ программой к.-д. партіи; учреди-

П. А. СТОЛЫПИНЪ.

тельный съѣздъ послѣдней опубликовалъ также постановленіе, «напередъ» отождествляя свою программу съ народными требованіями. Еще ранѣе этого, именно 19-го октября, делегаты земскихъ съѣздовъ Ѳ. А. Головинъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и кн. Г. Е. Львовъ, посѣтили гр. Витте съ цѣлью ознакомленія съ дальнѣйшими намѣреніями правительства и въ свою очередь—изложенія ему предположеній и требованій общества; изъ отчета этихъ лицъ видимъ, что гр. Витте, какъ это было и при бесѣдахъ его съ представителями печати и совѣта рабочихъ депутатовъ, стоялъ еще въ то время на почвѣ манифеста и видимо нащупывалъ въ общественной средѣ союзниковъ себѣ въ его осуществленіи. Но погромная недѣля настолько дискредитировала въ глазахъ народа какъ правительство въ общемъ, такъ и самого гр. Витте, что о союзѣ нечего было и мечтать. Д. Н. Шиповъ и кн. Е. Трубецкой въ оглашенныхъ въ печати письмахъ къ С. Витте опредѣлили въ точныхъ, дипломатическихъ выраженіяхъ бездну, отдѣляющую правительство, допустившее контръ-революцію, отъ мирныхъ слоевъ общества, способныхъ поддержать только искреннюю, честную и разумную власть. Все это не могло способствовать умиротворенію взбаломученной страны, и политическія страсти естественно должны были разгораться день ото дня сильнѣе. Думать въ такое время о единодушіи въ оцѣнкѣ тактическихъ пріемовъ борьбы съ реакціей было бы наивно, а именно тактическіе вопросы и раскололи силы оппозиціи въ самый нужный моментъ, приведя однихъ къ выборамъ въ Гос. Думу и программѣ—minimum, а другихъ къ бойкоту Думы, вооруженному возстанію и требованію демократической республики. Признаки раскола появились уже на ноябрьскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, по вопросу о союзѣ съ соц.-демократіей и особенно объ учредительномъ собраніи,—когда противъ послѣдняго высказались такіе видные дѣятели, какъ проф. М. Ковалевскій, гр. П. Гейденъ и др. Однако, даже будущій лидеръ октябристовъ, А. И. Гучковъ, признавалъ, что въ ученіи лѣвыхъ партій много разумнаго и цѣлесообразнаго и что только непріемлемы способы его осуществленія; такимъ образомъ, даже наиболѣе умѣренно настроенные политическіе круги стояли тогда, въ програмномъ отношеніи, на открыто враждебной правительству позиціи, окончательно изолировали его и тѣмъ отчасти помогли замкнуться объятіямъ съ черными сотнями; при новыхъ условіяхъ и старое правительство чувствовало потребность въ общественной поддержкѣ; не найдя ея на «чистой половинѣ», оно естественно попало на задворки, гдѣ окончательно и застряло въ невылазной союзнической грязи. Выставивъ единство Россіи и неприкосновенность частной собственности, какъ щитъ противъ конституціоналистовъ (ни того, ни другого, кстати, не отвергавшихъ), оставалось только перейти

къ внѣшнимъ проявленіямъ реакціи—репрессіямъ налѣво и авансамъ направо. Такое положеніе не обѣщало ничего добраго идеѣ объединенія оппозиціи и она съ перекрестка 17-го октября начала расходиться по разнымъ тропамъ, смѣшавъ двѣ разнородныхъ задачи: поиски политическаго идеала и разрушеніе крѣпости на пути къ нему. Програмныя различія были пристегнуты къ этому основному спору о задачѣ момента искусственно, и раздѣленіе соц.-демократіи на большевистскую и меньшевистскую группы указало на то, что въ извѣстныя эпохи вопросы тактики доминируютъ надъ доктриной и дѣлаютъ озлобленными, несправедливыми и дѣятельными врагами людей одного лагеря, одной семьи. Въ одномъ сходились всѣ соц.-дем. фракціи—въ необходимости бойкотировать Гос. Думу и выборы въ нее. Нечего и говорить, какъ это скороспѣлое и необоснованное рѣшеніе было на руку правительству, хорошо учитывавшему силы русскихъ соціалистовъ и опасавшемуся только вліянія конст. демократическаго общественнаго большинства, нейтральные взгляды котораго распространялись съ эпидемическою скоростью. Слѣва у правительства находился такимъ образомъ неожиданный и мощный по своей организованности союзникъ, готовый обрушиться на будущую «кадетскую» Думу со всей злостью, которую вызываетъ успѣхъ политическаго врага. Въ ожиданіи этого боя организаціи «лѣвѣе кадетъ» нарождались параллельно съ ростомъ партіи «нар. свободы». Крестьянство склонялось къ соц.-революціонерамъ, интеллигентскій пролетаріатъ къ соц.-демократіи. Почти одновременно возникли совѣтъ рабочихъ депутатовъ, крестьянскій союзъ, почтово-телеграфный, союзъ равноправія евреевъ, союзы чиновниковъ, учителей, врачей и т. д. Чувствуя, однако, что разрозненность имѣетъ предѣлы, за которыми отдѣльная группа теряетъ всякую силу, часть ихъ объединилась на федеральныхъ началахъ въ «союзъ союзовъ», отъ имени котораго появился рядъ воззваній, частію имѣвшихъ програмный, частію тактическій характеръ (призывъ противостоять погромамъ и т. п.), а иногда бывшихъ лишь платоническими протестами противъ отдѣльныхъ правительственныхъ актовъ, какъ напр. противъ введенія военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ и т. п. Союзъ союзовъ не оставлялъ безъ вниманія и отдѣльныхъ проявленій реакціи и не останавливался передъ разслѣдованіемъ и оглашеніемъ дѣйствій властей (Ченстоховъ и др.), называя имена и возлагая вину на тѣхъ или другихъ представителей мѣстной администраціи. Въ одномъ изъ выпусковъ нашей «Лѣтописи революціи» (т. III, вып. IV) мы сдѣлали попытку нанесенія на карту извѣстныхъ изъ печати мѣстъ нахожденія группъ, входившихъ въ составъ «с. союзовъ»; по ней видно, что въ короткое время вся страна покрылась сѣтью этой организаціи, которая начинала тревожить правительство;

но т. к. вниманіе его отвлекалось въ это время приготовленіями къ вооруженнымъ возстаніямъ и ликвидаціей повторныхъ всеобщихъ забастовокъ, то развитію союзовъ особыхъ препятствій не чинилось и они могли не только утѣшаться вѣрой въ свою дѣйствительную силу, но и учитывать будущее ея примѣненіе въ моментъ созыва учредительнаго собранія. Соединенное засѣданіе союза союзовъ 20-го ноября единодушно вынесло резолюцію о созывѣ учред. собранія для выработки основного закона и, по поводу предложенія польскихъ делегатовъ, высказалось въ томъ смыслѣ, что «созывъ учредительнаго собранія не исключаетъ созыва отдѣльныхъ учредительныхъ собраній для выработки основныхъ положеній автономіи Царства Польскаго и другихъ отдѣльныхъ національныхъ единицъ, *при сохраненіи государственнаго единства Россіи.* Такимъ образомъ и эта крайняя политическая группа не стояла на платформѣ «раздѣла Россіи», чѣмъ такъ старалось правительство напугать избирателей. Изъ чисто политическихъ партій въ союзъ союзовъ входила только «радикальная» вскорѣ, впрочемъ, распавшаяся по трудовой, народно-соціалистической и соц.-демократической партіямъ. Какъ бы то ни было, союзъ союзовъ жилъ и дѣйствовалъ, получалъ донесенія и телеграммы, издавалъ воззванія и агитаціонную литературу, вербовалъ новыхъ сочленовъ (союзъ сценическихъ дѣятелей и т. под.) и не помышлялъ о репрессіяхъ и побѣдѣ надъ собой врага. Напротивъ, отдѣльные члены, въ родѣ почт.-телегр. союза, вели войну съ правительствомъ совершенно открыто, обмѣнивались рѣзкими депешами съ гр. Витте, опровергали правит. сообщенія (приказъ Дурново) и вообще бились съ большой смѣлостью, хотя противникъ и начиналъ уже кое-гдѣ показывать свои настоящіе когти. Такъ, бюро крестьянскаго союза было еще въ ноябрѣ разгромлено и изъ тюрьмы взывало къ обществу, открытымъ письмомъ въ «Вечерней Почтѣ», дабы оно способствовало развитію союза. Въ воззваніи этомъ было, между прочимъ, и слѣдующее характерное мѣсто: «19-го ноября (съ пропускомъ установленнаго закономъ суточнаго срока) слѣдователь постановилъ освободить насъ изъ-подъ стражи, въ виду того, что не нашелъ въ нашей дѣятельности состава преступленія, но въ то же время, въ виду отношенія деп. полиціи... другимъ постановленіемъ... распорядился перечислить насъ въ число «содержащихся за москов. градоначальникомъ въ пор. 21 ст. охраны». Здѣсь какъ разъ мы наблюдаемъ одинъ изъ переломовъ въ направленіи реакціи: съ одной стороны судебныя гарантіи не отмѣнялись, съ другой—судьи уже входили въ русло административной власти, постепенно отстранявшей ихъ отъ жизни, пока не водворились окончательно исключительныя положенія. Въ союзѣ адвокатовъ арестъ бюро крест. союза вызвалъ большое негодованіе, въ виду того, что

представители этой корпораціи входили въ составъ крест. бюро. Московская группа союза постановила выразить негодованіе по поводу ареста своего товарища, Стааля, но отъ дальнѣйшихъ выступленій воздержалась. Интересно сопоставить моментъ этотъ съ послѣдовавшимъ въ 1909 году дѣломъ о бюро крест. союза, эмиграціей Стааля и молчаніемъ самого обезсиленнаго реакціоннымъ духомъ адвокатскаго союза. Такъ эволюціонировали, въ сущности, и другія политическія организаціи; однѣ держались на поверхности дольше, другіе меньше; одни съ трескомъ взрывались на воздухъ, другіе уходили въ подполье. Тогда въ ноябрѣ 905 г. мало кто задумывался о «реальномъ соотношеніи силъ»; однако въ характерныхъ явленіяхъ для подсчета ихъ недостатка не было; такъ, какъ разъ на другой день послѣ описаннаго адвокатскаго протеста, прив.-доцентъ Б. Никольскій посѣтилъ праздникъ семеновскаго полка, разсыпался въ похвалахъ полку за дѣйствія его 18-го октября, держалъ большую политическую рѣчь, знакомилъ солдатъ со своей біографіей и научной дѣятельностью, давалъ себя качать и т. д... По близости полка и его командира, Мина, къ высшимъ правящимъ кругамъ, демонстрація 22-го ноября должна была бы учитываться, какъ симптомъ такого укрѣпленія реакціоннаго теченія, которое угрожало уже тогда смыть большую часть освободительныхъ силъ, если онѣ не пойдутъ къ объединенію и не остановятся на одной тактикѣ. Къ сожалѣнію, этого и не случилось. Декабрьское возстаніе разбросало оппозиціи, какъ взрывъ динамита соломенныя лачуги,—безъ надежды на возсозданіе даже и того незначительнаго объединенія, какое наблюдалось въ октябрѣ. (Здѣсь мы говоримъ лишь о практическомъ, договорномъ, т. сказать, объединеніи; морально же оппозиція не только не распадалась, но укрѣплялась, и только этому можно приписать уцѣленіе той свободы печатнаго слова, которая такъ сказалась въ развалъ реакціи на дѣлахъ Азефа, Гартинга, Гапона, Дубровина и др.). При всякихъ другихъ обстоятельствахъ, крупные тактическіе промахи на лѣвомъ флангѣ движенія заставили бы центръ сплотиться еще сильнѣй; но разногласіе по поводу принудительнаго отчужденія земель и автономизма вырыли и на его правомъ флангѣ не менѣе глубокій ровъ, по ту сторону котораго размѣстились октябристы и цѣлый рядъ мелкихъ политическихъ группъ въ родѣ «п. прав. порядка», служившихъ цементомъ между этими quasi-конституціонными партіями и откровенной черной сотней. Вначалѣ, впрочемъ, во главѣ «союза 17-го октяб.» стало было нѣсколько выдающихся полит. дѣятелей,—Д. Н. Шиповъ, гр. П. Гейденъ, М. Стаховичъ и др., разошедшіеся въ частностяхъ съ центромъ к.-демократовъ; но опыта первой Думы оказалось вполнѣ достаточно, чтобы раскрыть предъ этими дѣятелями, съ одной стороны, невозмож-

ность совмѣстной работы съ представителями стараго строя, съ другой—безсиліе октябристской партіи, заранѣе готовой итти на поводу у кабинета Столыпина. Послѣ ухода этихъ лицъ, союзъ 17-го октября совершенно обезцвѣтился, а позднѣйшая его судьба указываетъ и на то, что пребываніе во главѣ его А. И. Гучкова есть такой же nonsens, какъ раньше Шипова и др. Что касается до черной сотни, то она переживала въ то время переходное состояніе; опытъ погромной октябрьской недѣли, вслѣдствіе его откровенности, настолько выяснилъ составъ будущихъ монархическихъ союзовъ, что найти идеологовъ абсолютизма не представлялось никакой возможности; лишь долго спустя, вслѣдствіе настойчиваго стремленія извѣстныхъ сферъ опереться на черную сотню, образовался у нея опредѣленный центръ, во главѣ котораго стали докторъ Дубровинъ, Майковъ,—сынъ поэта и придворный чинъ, Булацель, и нѣсколько другихъ лицъ, нынѣ изобличаемыхъ въ подстрекательствѣ къ убійствамъ. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули члены второй Думы типа Маркова 2-го и Пуришкевича и съ этого, собственно, момента и начинается расцвѣтъ черносотенной дѣятельности, къ обзору которой мы вскорѣ вернемся.

Итакъ, къ декабрю 1905 г. составились, конституировались и начали дѣйствовать партіи трехъ главныхъ оттѣнковъ—республиканскаго, конституціонно-монархическаго и абсолютистскаго. Взвѣсить силы ихъ и вліяніе на жизнь было бы трудно, еслибъ не было масштаба, позволяющаго сдѣлать такой опытъ. Это именно—отношеніе къ этимъ группамъ самого правительства, у котораго въ рукахъ находилась вся власть и которое обрушивалось съ наибольшей настойчивостью на то, что казалось ему наиболѣе опаснымъ. Разумѣется, оно пожелало, прежде всего, заключить въ уголъ своего зрѣнія всю внѣшнюю дѣятельность полит. партій; для этого были изданы и правила 12-го октября 1905 г. и, главное, «врем. правила объ обществахъ, собраніяхъ и союзахъ» 4-го марта 1906 года. Не говоря о томъ, что отказъ въ регистраціи давалъ въ руки администраціи возможность не допускать никакую, нежелательную правительству, партію къ открытой работѣ, загоняя ее, тѣмъ самымъ, въ подполье и дѣлая «противоправительственной», но и тѣ-то немногія организаціи, что получали свидѣтельство о крещеніи, находились въ постоянномъ наблюденіи и полной зависимости отъ мѣстной власти. Такимъ образомъ, ничто лѣвѣе союза 17-го октября и досслѣ не легализовано. Съ другой стороны, по разрѣшеніямъ «правыхъ» организацій можно прослѣдить и тотъ предѣлъ, до котораго доходятъ «виды» отдѣльныхъ лицъ; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія (не говоря о союзѣ русскаго народа, боевая дружина котораго производила политическія убійства) легализація такъ наз. партіи «активной борьбы съ революціей», со-

стоявшей почти исключительно изъ вооруженныхъ хулигановъ, дѣйствовавшихъ въ рабочихъ кварталахъ, и получившихъ тамъ сокращенную кличку «активуевъ». Такимъ образомъ позиціи вырисовывались на политическомъ горизонтѣ вполнѣ отчетливо, характеръ битвы заранѣе опредѣлялся; съ одной стороны на поверхности земли оставались, и одно время пытались наступать, партіи, группировавшіяся идейно возлѣ к.-демократической; съ другой—послѣ небольшой паники за стѣнами сооруженій долговременной фортификаціи («правила», «основные законы» и т. д.), оправились и сдѣлали отчаянную вылазку отряды стараго строя, въ открытомъ союзѣ съ бандами политическихъ разбойниковъ и авантюристовъ. Въ то же время подъ землей велись минные ходы съ обѣихъ сторонъ, и притомъ такъ успѣшно, что перепутались; въ мѣстѣ встрѣчи ходовъ работали въ дружескомъ согласіи Гершуни и Азефъ, подготовляя одну изъ тѣхъ реакціонныхъ побѣдъ, послѣ которыхъ долго не оправляются народы. Нужно было случиться ряду проваловъ, въ которые проникъ свѣтъ и открылъ темныя махинаціи гарнизона, чтобы во-время остановилась дѣятельность Азефовъ, Гакельмановъ, Пономаревыхъ и имъ подобнымъ. Тѣмъ не менѣе, силы продолжали оставаться неравными; и хотя еще императрица Екатерина II понимала, что съ идеями пушками нельзя бороться, съ ними боролись двѣсти лѣтъ спустя не лучшими средствами. Идеи оставались неуязвимыми, укоренялись и росли вверхъ, но носители ихъ уничтожались съ безпощадностью, лучше всего свидѣтельствовавшей объ ихъ опасности. И если бы поле битвы было отгорожено отъ внѣшняго міра непроницаемой стѣной, то кто знаетъ,—въ Россіи могъ бы на новое 25-лѣтіе водвориться тотъ абсолютный покой, что наступилъ съ воцареніемъ Николая I. Къ счастію, такихъ стѣнъ уже нѣтъ между народами; жизнь міра сплелась въ узлѣ, котораго никакой Гордій реакціи разрубить не въ состояніи; его мечъ будетъ скользить по поверхности, рвать нити, къ ней прилегающія, но внутрь узла не проникнетъ. Такими верхними, уязвимыми нитями были открыто дѣйствовавшія политическія организаціи, и прежде всего—партія народной свободы. Начиная съ учредительнаго съѣзда 1905 года и кончая послѣднимъ имперскимъ съѣздомъ въ Финляндіи, партія не переставала стремиться именно къ *открытой* дѣятельности, принося одну за другой жертвы людьми ради торжества и распространенія своей программы, своего символа вѣры. Выборы въ первую и вторую Думы достаточно ясно указали на распространенность к.-д.-скихъ взглядовъ въ средѣ городского населенія, давшаго большую часть к.-д. центра обѣихъ Думъ; а полнота и осуществимость аграрной части программы привлекли въ ряды к.-демократовъ и депутатовъ-крестьянъ, т. к. разногласія между трудовой группой и «кадетами» никогда не

были коренными; только лѣвый якорь тормозилъ немного сліяніе этихъ партій, продолжающихъ и теперь работать въ одной области, не враждуя.

Довольно легко разгромивъ центральные органы соц.-демократовъ и соц.-революціонеровъ, по крайней мѣрѣ тѣ, что дѣйствовали открыто, какъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, правительство перешло къ планомѣрной борьбѣ съ «кадетами»; здѣсь не годились привычные пріемы—шпіонство и провокація; партія дѣйствовала, несмотря на отказы въ легализаціи, на виду, и хотя число такъ наз. «тайныхъ кадетъ» все росло, по мѣрѣ ошибокъ кабинета и уклоненія его отъ манифеста 17-го октября, численность *зарегистрованныхъ* членовъ, конечно, должна была упасть, т. к. простая осторожность не позволяла заносить въ партійные списки состоящихъ на государственной и общественной службѣ крестьянъ и т. под. зависимыхъ отъ произвола властей лицъ. Оставшіеся на виду принимали на себя, зато, всѣ удары реакціи. Не говоря о систематическихъ обыскахъ к.-д.-скихъ бюро (Москва, Воронежъ, Саратовъ и др.), обыскахъ всегда безрезультатныхъ, ибо нелегальной литературы «кадеты» не распространяютъ, а партійные списки содержатъ теперь въ себѣ только нейтральныхъ лицъ, преслѣдованіе имѣло въ виду, главнымъ образомъ матеріальную сторону жизни членовъ к.-д. партіи. Правительство морило ихъ, т. сказать, голодомъ, изгоняя изо всѣхъ учрежденій, и все болѣе суживая кругъ заработка. Изгонялись земскіе служащіе, особенно врачи (Ярославская, Костромская, Московская и многія др. губерніи), предводители дворянства (Вологодская, Костромская и др.), при чемъ не утверждали въ земск. должностяхъ и такихъ лицъ, какъ членъ Госуд. совѣта Юмашевъ; объ отставкѣ безъ прошенія ген.-губернатора Субботича мы уже говорили; высылали изъ губерній (Иваницкій, Садыринъ, Родіоновъ, Крюковъ и др.), не оставляя въ покоѣ и въ новыхъ мѣстахъ жительства; привлекали по 129 ст. и членовъ Госуд. совѣта—кадетовъ (кн. Кугушевъ и др.) и т. д... О бывшихъ депутатахъ первой и второй Думъ и говорить бы не стоило: всѣ они лишились своихъ прежнихъ мѣстъ и многіе принуждены жить за счетъ общественной благотворительности, у насъ по необходимости весьма скудной. Конституціонализмъ искоренялся и тамъ, гдѣ проявлялся въ наиболѣе умѣренныхъ формахъ; такъ, общее вниманіе привлекло къ себѣ удаленіе изъ Вильны архіепископа барона Роопа, члена первой Думы и основателя конст.-католической партіи; его умѣренность далеко выходила за предѣлы *правой* фракціи думскаго большинства, но тѣмъ сильнѣе было вліяніе въ епархіи, захватывавшей всю Литву, гдѣ руссификація давно свила себѣ большое, хотя и непрочное гнѣздо. Иного способа правительство и не могло примѣнить

къ высшему представителю католической iерархiи, т. к. въ его рукахъ никогда и не бывало единственно допустимаго орудiя борьбы — идейнаго влiянiя на окраинное населенiе, влiянiя, основаннаго на демократизацiи и самоуправленiи. Уважаемаго и почтеннаго товарища нашего по Думѣ, бар. Роопа, должны были до извѣстной степени ободрить тѣ нескончаемые знаки общественной симпатiи, которая далеко вышла за границы Литвы и всей Россiи. Но вернуть епископа къ его паствѣ не удалось, несмотря на явное нарушенiе договора съ папой, котораго правительство наше признаетъ «державнымъ» и при дворѣ котораго держитъ министра-резидента. Враждебное отношенiе къ «кадетамъ», нашедшее себѣ одобренiе на страницахъ оффицiальной газеты еще во время первой Думы, наблюдалось и въ придворныхъ сферахъ; чины придворнаго вѣдомства, изобличенные въ склонности къ конституцiонализму, исключались изъ придворнаго званiя, несмотря на связи и заслуги; такъ въ короткое время были исключены: черниговскiй губ. предводитель дворянства Мухановъ, предс. черниговск. губ. зем. управы Свѣчинъ, кн. Пав. Долгоруковъ, кам.-юнкеръ Сабуровъ и другiя лица. Словомъ, кадеты изгонялись изо всѣхъ этажей государственнаго зданiя; итти въ подземелье они не захотѣли, предпочитая оставаться подъ открытымъ небомъ; здѣсь хотя репрессiи были еще чувствительнѣй, но зато влiянiе партiи увеличивалось на всю сумму общественныхъ симпатiй, достигшихъ особаго развитiя къ моменту так. наз. «выборгскаго процесса».

Собравшись, послѣ роспуска Думы, въ г. Выборгѣ бывшiе депутаты обратились къ народу въ воззванiемъ, въ которомъ рекомендовали пассивное сопротивленiе правительству въ цѣляхъ скорѣйшаго созыва народныхъ представителей и возстановленiя конституцiонныхъ гарантiй, роспускомъ Гос. Думы нарушенныхъ. Слѣдуетъ считать установленнымъ, что воззванiе не имѣло успѣха и что составители его заблуждались относительно степени политической зрѣлости своихъ избирателей. Какъ ни печальна была такая ошибка со стороны бывшаго думскаго большинства, она балансировалась все-таки той искренностью и готовностью понести отвѣтственность, которыя были очевидны и которыя мирили съ депутатами даже ихъ недруговъ слѣва. Тѣмъ болѣе неловокъ, неуменъ былъ шагъ правительства, привлекшаго составителей воззванiя по 129 ст. Во-первыхъ, самый строгiй юридическiй анализъ не обнаруживалъ въ поступкѣ бывшей Думы состава преступленiя и нужно было много маневрировать, чтобы найти судей, не раздѣлявшихъ этого почти общаго въ судебныхъ сферахъ взгляда. Во-вторыхъ, создавать ореолъ страданiя вокругъ впавшихъ въ непростительную ошибку людей было неблагоразумно и даже вредно для того же правительства; оно само дѣлало ту же ошибку, со-

вершало политическую безтактность, которая ровно ничѣмъ, кромѣ ряда дальнѣйшихъ проваловъ, не могла кончиться. Такъ и вышло. Публичность судебныхъ засѣданій, противъ которой нельзя было безъ риска для престижа власти ничего предпринять, позволила депутатамъ, въ лицѣ трехъ ораторовъ, И. Петрункевича, Ѳ. Кокошкина и В. Набокова, дать народу столь исчерпывающее объясненіе причинъ своего поведенія въ Выборгѣ, послѣ котораго всякій намекъ недовольства ими долженъ былъ среди избирателей исчезнуть. Съ другой стороны, судъ, орудовавшій безъ corpus delicti—подлиннаго воззванія и опиравшійся только на добровольное сознаніе обвиняемыхъ, становился въ очень неудобное для себя положеніе: не было ни состава преступленія, ни фактическихъ его признаковъ; при такихъ условіяхъ рѣчь обвинителя могла быть только наборомъ плохо подогнанныхъ аргументовъ, расцвѣтить коихъ не былъ бы въ состояніи никакой патріотическій тонъ. Мало того, составить вопросы для постановленія приговора тоже было трудно, и лѣтописи русской юстиціи обогатились, въ этомъ дѣлѣ, небывалымъ случаемъ *троекратнаго* пересоставленія вопросовъ, притомъ по дѣлу, къ которому судъ готовился *два года* и по которому судебное слѣдствіе не могло дать ни одного лишняго штриха. Получалось и высоко комическое и печальное впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ сыпались на правительство нападки и ему оставалось только откровенно ввести и въ суды принципы политической борьбы, фильтруя судей сквозь сито программы союза русскаго народа. Бывшіе депутаты, признанные съ высоты престола за «лучшихъ людей» страны, приговоромъ суда должны были стать лишенными политическихъ правъ общественными отбросами; общество, впрочемъ, держалось иного мнѣнія, и когда, еще полгода спустя, мы отбывали свой трехмѣсячный срокъ по россійскимъ тюрьмамъ, то явленное намъ со всѣхъ сторонъ сочувствіе достаточно ясно подчеркнуло, что народъ не измѣнилъ своего отношенія къ первымъ представителямъ. Противъ демонстрацій сочувствія приняты были обширныя мѣры, а пытавшіеся произвести ихъ жестоко пострадали отъ административныхъ репрессій (встрѣча Набокова и др.). Ликовали однѣ черныя сотни; для нихъ наступалъ апогей вліянія, и т. к. оно питалось только искусственно и не имѣло въ народѣ никакихъ корней, то и самая исторія возникновенія, расцвѣта и распада черносотенства является простой, ясной и ограниченной среди движенія послѣднихъ лѣтъ.

2. ЧЕРНЫЯ СОТНИ.

Когда, въ началѣ русско-японской войны, исторія съ нападеніемъ японскихъ миноносцевъ на портъ-артурскій рейдъ и потопленіемъ «Варяга» у Чемульпо не была еще детально извѣстна, общественное

настроеніе было благопріятно для муссированія того патріотизма, который обычно выражается шумными демонстраціями, надеждами «закидать шапками» и предложеніями «заложить женъ и дѣтей». Для истинныхъ патріотовъ дѣло и тогда уже представлялось безнадежнымъ, и ничего подобнаго тому движенію, что предшествовало послѣдней турецкой кампаніи, когда во главѣ его стояли такіе люди, какъ Аксаковъ, не наблюдалось. Вотъ тогда-то, какъ всякій припомнитъ, по многимъ городамъ съ гомономъ и воплями носились толпы неорганизованныхъ рабочихъ, мелкихъ лавочниковъ и просто хулигановъ, среди которыхъ часть всегда бывала пьяна, при чемъ во главѣ толпы неслись флаги и другія національныя эмблемы, портреты адмирала Алексѣева, ген. Стесселя и т. под. «героевъ». Банды эти врывались въ театры и др. общественныя мѣста, нарушали порядокъ, требовали пѣнія гимна и криковъ «ура» и подъ конецъ начали пугать безобразіемъ поведенія само организовавшее все начальство. Тогда едва ли кому приходило въ голову, что (съ умысломъ или нѣтъ), но произведена была, такъ сказать, генеральная репетиція тѣхъ самыхъ «патріотическихъ манифестацій», которыя въ октябрѣ 905 г. кончились погромами. Успѣхъ второго выступленія превзошелъ самыя смѣлыя мечты: двѣсти разгромленныхъ городовъ и мѣстечекъ, десять тысячъ (приблизительно) раненыхъ и убитыхъ, сотня милліоновъ убытковъ, — передъ этимъ жертвы революціоннаго движенія блѣднѣли, какъ луна передъ солнцемъ. И на самомъ дѣлѣ, солнце черносотенцевъ восходило здѣсь, среди приготовленій къ выборамъ въ Государственную Думу. Несмотря на октроированную 17 октября конституцію, несмотря на высочайшую резолюцію на докладѣ о балашовскихъ безпорядкахъ, что... «не должны дозволяться самоуправныя дѣйствія толпы», безнаказанно совершился рядъ «самоуправныхъ дѣйствій» во славу неограниченнаго самодержавія; — словомъ, произошла вспышка контръ-революціи. Между этими погромными днями и концомъ ноября, т.-е. въ теченіе одного мѣсяца, успѣли не только сорганизоваться, но и испросить на 1 декабря высочайшую аудіенцію слѣдующія черносотенныя партіи: «союзъ русскихъ людей», «монархическая» партія, «союзъ землевладѣльцевъ» и общество «добровольной охраны», слившееся съ хоругвеносцами, кланявшимися Стесселю въ ноги послѣ его подвига. Принимая адресъ союза, поднесенный кн. Щербатовымъ, Государь Императоръ изволилъ, между прочимъ, сказать: «не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному, какъ только по предначертанному Мною пути... Манифестъ, данный Мною 17 октября, есть полное и убѣжденное выраженіе Моей непреклонной и непреложной воли и актъ, не подлежащій измѣненію». Затѣмъ Государю угодно было добавить, говоря объ осуществленіи манифеста: «Въ этой задачѣ

вы должны дружнымъ содѣйствіемъ на мѣстахъ помочь поставленнымъ Мною властямъ и Мнѣ». Что эти высокія слова будутъ поняты «русскими» людьми весьма ограничительно,—можно было предвидѣть, т. к. самый составъ будущаго союза—некультурная масса, руководимая авантюристами и политическими убійцами,—ручался за примѣненіе грубой силы при содѣйствіи властямъ; но что власти принимали именно такой видъ помощи, и тѣмъ самымъ становились на одну съ союзниками моральную позицію, это едва ли входило въ программу обновленія стараго строя. Съ этого именно времени начинаются постоянныя стремленія заправилъ союза русск. народа къ полученію высочайшихъ аудіенцій и главное—произвольное толкованіе монаршихъ словъ, толкованіе, которое, къ общему удивленію, какъ бы раздѣлялось отдѣльными представителями администраціи, въ мѣстныхъ оффиціозахъ допускавшихъ статьи, явно натравливавшія части населенія однѣ противъ другихъ. Такъ, «Московск. Вѣдомости», органъ московскаго отдѣла союза русск. народа, сообщили о пріемѣ 23 декабря 1905 г. въ царскосельскомъ дворцѣ делегаціи союза изъ 23 человѣкъ, подъ предводительствомъ Дубровина, нынѣ привлекаемаго за подстрекательство къ убійству: по выслушаніи адреса союза, Государь просилъ передать царское спасибо подписавшимъ. Затѣмъ Дубровинъ поднесъ Царю два знака союза для Него и для Наслѣдника. «Хорошо,—отвѣчалъ Государь,—благодарю васъ». По выслушаніи слѣдующаго адреса, Майкова (также замѣшанъ въ дѣлѣ Герценштейна), Государь сказалъ: «Возложенное на Меня въ кремлѣ московскомъ бремя власти Я буду нести Самъ, и увѣренъ, что русскій народъ поможетъ Мнѣ. Во власти Я отдамъ отчетъ передъ Богомъ». На послѣдовавшую затѣмъ рѣчь Майкова, Государь сказалъ: «Благодарю васъ за искреннія чувства. Я вѣрю русскому народу». Въ отвѣтъ на адресъ отъ ярославскаго отдѣла союза и рѣчь Тришатнаго, Государь отвѣтилъ: «Поблагодарите всѣхъ русскихъ людей, примкнувшихъ къ союзу русскаго народа. Скоро, скоро возсіяетъ солнце правды надъ землею русской, и тогда всѣ сомнѣнія исчезнутъ. Передайте Мою благодарность ярославцамъ и вологодскимъ крестьянамъ». Въ отвѣтъ на рѣчь Булацеля (изобличаемаго въ прикосновенности по тому же дѣлу), умолявшаго не вѣрить «тому, кого выдвигаютъ масоны (вотъ когда въ первый разъ, кажется, произнесено было это слово) и кто опирается только на инородцевъ» и увѣрявшаго, что народъ «творитъ молитву за своего самодержавнаго Царя и что эта молитва дороже всякихъ похвалъ заграничныхъ газетъ и банкировъ» и закончившаго словами: «обопритесь на русскихъ людей, — и никакія врата ада не одолѣютъ Русскаго Государя, окруженнаго своимъ народомъ», — Государь, поблагодаривъ, изволилъ сказать: «Да, Я вѣрю, что съ вашей помощью Мнѣ и русскому

народу удастся побѣдить враговъ Россіи». На рѣчь Баранова, который увѣрялъ, между прочимъ, что «евреи въ члены союза безусловно не принимаются, хотя бы и исповѣдывали православную вѣру» (кстати сказать, оба органа печати, обслуживавшіе союзъ,— «Моск. Вѣдомости» и «Россія» руководились въ то время лицами еврейскаго происхожденія), что «настоящая смута на святой Руси—дѣло ихъ рукъ», и умолялъ «не давать имъ равноправія съ нами, иначе они будутъ владычествовать надъ нами»,—Государь отвѣтилъ: «Я подумаю». Затѣмъ Государь, выслушавъ рабочаго Кузьмина, отвѣтилъ: «Объединяйтесь, русскіе люди, Я расчитываю на васъ». Послѣ рѣчи Борисова Государь сказалъ: «Благодарю и передайте Мою благодарность всѣмъ единомышленникамъ». Затѣмъ Государь спросилъ: «Кто вы?» Борисовъ отвѣтилъ, что онъ держитъ извозчичій дворъ и что извозопромышленники употребили всѣ старанія удержать извозчиковъ отъ забастовки. На это Государь спросилъ: «И удалось?» Борисовъ отвѣтилъ: «Удалось» (извозчики находятся въ тяжкой, почти кабальной зависимости отъ хозяевъ и принадлежатъ къ числу наименѣе организованныхъ рабочихъ; когда же професс. союзъ ихъ былъ легализованъ, бюро подверглось административной высылкѣ. В. О.). На это Его Величество опять сказалъ: «Передайте извозчикамъ Мою благодарность; объединяйтесь и старайтесь». (М. В. 1906 № 12).

Эта аудіенція имѣла для союза рѣшающее значеніе, и слова Государя были поставлены девизомъ ихъ органа «Русск. Знамени», не замедлившаго открыть жестокую травлю противъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ страны. Отвѣтственность за допускъ во дворецъ такихъ лицъ, какъ Дубровинъ, Борисовъ и Булацель, лежитъ всецѣло на вѣдомствѣ, этими дѣлами занимающемся, но опять же, повторяемъ, откровенный и тѣсный союзъ между ними и общими властями трудно было предвидѣть даже и во все выносящей русской обстановкѣ. Несмотря на очевидную невозможность партійной дѣятельности для чиновъ м ства внутр. дѣлъ и военнаго, а также монашествующаго духовенства, именно въ этихъ сферахъ она и развилась. Губернаторы, архіереи и войсковые начальники украсили себя значками союза, присутствовали на открытіяхъ отдѣловъ, чайныхъ и на всякихъ союзническихъ собраніяхъ, давали часто средства для ихъ поддержки, рекомендовали литературу, разсылали ее по земскимъ начальникамъ и довели дѣло до того, что союзъ занялъ мѣсто какого-то новаго органа власти; онъ не замедлилъ завести форменные бланки, на которыхъ разсылалъ свои «предложенія» по губернаторамъ, землеустроительнымъ комиссіямъ и судебнымъ мѣстамъ; и, къ стыду имперскихъ установленій, бывали случаи, что губернаторы отвѣчали вѣжливыми бумагами на наглыя требованія, комиссіи начинали дѣла по заявленіямъ союза,

и увы! правительство спѣшило съ «разъясненіями» оффиціальнаго характера на дикія телеграммы какого-нибудь уѣзднаго «отдѣла» союза, состоявшаго, сплошь и рядомъ, изъ пары, другой забулдыгъ, въ винѣ потопившихъ всякій смыслъ и чувство мѣры. Что всего хуже, эти мелкіе органы партіи, ставшей могущественной только вслѣдствіе оказываемаго ей покровительства, осмѣливались непосредственно обращаться къ Монарху, при томъ по всякимъ поводамъ. Обращенія эти доставлялись, отвѣты на нихъ распубликовывались въ союзнической печати съ комментаріями, противъ которыхъ никто не возставалъ, и мало-по-малу союзъ пріобрѣталъ чуть не рѣшающее значеніе въ судьбахъ народа. Смѣщались мѣстныя власти, неугодныя союзу, даже министры; агитаторы союза, все тѣ же Половневы и К°, убійцы и провокаторы, принимались губернаторами съ подобострастіемъ, съ ними считались. Пуришкевичъ, неприличнѣйшій изъ членовъ крайней думской правой, дѣлалъ дерзкія помѣтки на губернаторскихъ «представленіяхъ» и возвращалъ ихъ обратно. Получалась совершенно постыдная картина безсилія вѣкового бюрократическаго механизма передъ кучкой наглецовъ, припущенныхъ къ дѣйствительной власти. Несчастная мысль опереться, помимо интеллигенціи и крестьянства на городскіе низы, приносила результаты, кажется, и для самого правительства неожиданные. Союзъ продолжалъ добиваться пріемовъ во дворцѣ и не уставалъ, подъ чьимъ-то мощнымъ давленіемъ, вести антиконституціонную пропаганду, играя на словѣ «самодержавіе». Въ томъ, что титулъ россійскихъ государей оставался послѣ манифеста 17 окт. неизмѣненнымъ, не было ничего противорѣчащаго новой формѣ правленія, равно какъ и упоминаніе о томъ, что Государь есть «норвежскій наслѣдникъ», отнюдь не грозило цѣлости Норвегіи; ограничивая себя въ пользу народа, Монархъ возвращалъ лишь часть той власти, которая *этимъ же народомъ* была возложена на его предковъ. Противникамъ конституціи, за то, сохраненіе эпитета «самодержавный» давало широкую канву для вышиванія патріотическихъ узоровъ, и имъ удалось даже создать изъ этого историческаго пережитка коренной пунктъ современной реакціи. «Конституція или самодержавіе», вотъ о чемъ спорятъ и думаютъ, что прикладываютъ къ каждому новому шагу правительства, старающагося доселѣ итти между этими двумя колеями, *нигдѣ* не сходящимися. Съ этой стороны роль союза оказалась большой и вліятельной и замалчивать ее не приходится. Лишь въ самое послѣднее время дѣла его начинаютъ клониться къ упадку вслѣдствіе разоблаченій самихъ членовъ его и, главное—вслѣдствіе раскрытія обстоятельствъ убійства Герценштейна и покушенія на гр. Витте. О другихъ уголовныхъ страницахъ жизни союзническихъ заправилъ было бы лишне говорить; за Шмидомъ, Дезобри и многими

другими числятся болѣе или менѣе тяжкіе грѣхи по этой части, и суду еще предстоитъ разобраться въ прошломъ этихъ столповъ отечества.

Итакъ, черныя сотни становились активнымъ элементомъ реакціи, принимавшей ясно выраженный антиконституціонный характеръ. Дѣйствія властей дѣлались понятнѣе и проще: «активуи» легализуются, мирнообновленцы—нѣтъ; разыскать убійцъ Герценштейна, служащихъ въ Петербургѣ и не скрывающихъ своихъ адресовъ—нельзя, а аресты производить по спискамъ, составленнымъ союзниками, можно (Борзна и др.). Союзники вооружаются при прямомъ содѣйствіи властей; такъ, ген. Каульбарсъ обѣщаетъ предс. елисаветградскаго отдѣла продать 20 винтовокъ; жалобу союзника, что ему изъ артилл. склада соглашаются дать только десятокъ ружей, переправляетъ въ гл. артилл. управленіе; тотъ же генералъ отказываетъ профессорамъ одесскаго университета въ разоруженіи союзниковъ, говоря, что это «невозможно и можетъ даже вызвать погромъ» и т. д. Союзъ сооружаетъ знамена, и архіереи даютъ разрѣшеніе держать ихъ въ церквахъ. Союзъ получаетъ пособія, т. к. притокъ частныхъ средствъ начинаетъ изсякать по мѣрѣ раскрытія истинныхъ его намѣреній. На эти пособія поддерживаются и основываются «подотдѣлы и отдѣлы»—«числомъ поболѣе, цѣною подешевле», и создается видимость мощной организаціи, которая выдаетъ себя только тѣмъ, что литература черносотенная никуда не идетъ и продается по станціямъ ж. д. за макулатуру, и что широкія приготовленія къ демонстраціямъ кончаются неизмѣнно неудачами и безлюдьемъ. Напрасно разъѣзжаютъ по городамъ Дубровинъ, Коновницынъ и ихъ ставленники; напрасно засѣданія начинаются съ архіерейскихъ молебновъ и гимновъ; конецъ ихъ всегда—призывъ къ контръ-революціи, но призывъ тщетный,—аудиторія малочисленна и пригодна только къ погромамъ; но мода на нихъ послѣ сѣдлецкаго опыта начинаетъ проходить и единственное примѣненіе черносотенной энергіи становится ненужнымъ.

Мало мудренаго, что союзъ не хотѣлъ примириться съ неизбѣжнымъ упадкомъ и обрушился съ рѣзкой бранью на то самое правительство, которое его отогрѣло на своей груди. Инсинуаціи и простая площадная ругань по адресу министровъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ на столбцахъ черносотенной прессы, особливо послѣ прекращенія денежныхъ подачекъ. Чего не изобрѣталось для подновленія меркнувшаго вліянія! То симулировалось нелѣпое истязаніе (Одесса), съ попутнымъ разгромомъ какого-нибудь крамольнаго учрежденія (біологической станціи, напр.), то посылались дерзкія телеграммы иностраннымъ государямъ; губернаторамъ-союзникамъ устраивались громкіе проводы, дѣятелямъ нашумѣвшей «лидваліады» (Гурко, Лидваль, Фредериксъ и К°—поставка хлѣба голодающимъ крестьянамъ съ мил-

ліоннымъ убыткомъ для казны)—демонстраціи съ пѣніемъ священныхъ молитвъ. Настойчивыя домогательства наверху достигали иногда цѣли, и тогда торжеству союза не было конца. Такъ, когда Дубровинъ обратился къ Государю Императору съ телеграммой по поводу роспуска второй Госуд. Думы, Его Величеству угодно было осчастливить Дубровина слѣдующимъ отвѣтомъ: «Передайте всѣмъ предсѣдателямъ отдѣловъ и всѣмъ членамъ союза русскаго народа, приславшимъ мнѣ изъявленія одушевляющихъ ихъ чувствъ, Мою сердечную благодарность за ихъ преданность и готовность служить престолу и благу дорогой родины. Увѣренъ, что теперь всѣ истинно вѣрные и русскіе беззавѣтно любящіе свое отечество сыны сплотятся еще тѣснѣе и, постоянно умножая свои ряды, помогутъ мнѣ достичь мирнаго обновленія нашей святой и великой Россіи и усовершенствованія быта великаго ея народа. Да будетъ же мнѣ союзъ русскаго народа надежной опорой, служа для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка. *Николай*». Нужно ли говорить, что милостивыя слова эти были поняты столь же превратно, какъ и произнесенныя раньше, и что союзъ органически не могъ перейти къ той «законности», къ которой призывалъ Монархъ? Попрежнему на столбцахъ «Рус. Знамени», «Вѣча» и особенно «Почаевскихъ листковъ» (изданіе Почаевской лавры, руководимое изступленнымъ черносотенцемъ Виталіемъ, унять котораго и Синоду не подъ силу), призывали къ погромамъ и убійствамъ; появились какіе-то подозрительные сигналы въ видѣ крестовъ и мертвыхъ головъ, и всякій новый случай террора приписывался к.-д-тамъ. Поведеніе черносотенцевъ было тѣмъ болѣе преступно и дерзко, что Государю угодно было не разъ оказывать поддержку мирному переходу къ новому строю путемъ помилованія лицъ, затянутыхъ черносотенцами въ погромы. По представленіямъ министровъ и ходатайствамъ союзниковъ были помилованы, начиная съ 1906 г., 426 человѣкъ, осужденныхъ за убійства, грабежи и разбои во время погромовъ; изъ нихъ обращали на себя вниманіе: приставъ Ермоловъ, убившій беззащитнаго врача, въ его же собственной квартирѣ, притомъ выстрѣломъ въ спину; Михалинъ—воръ-рецидивистъ, убійца Баумана, на похоронахъ котораго произошла одна изъ грандіознѣйшихъ демонстрацій *мирной* оппозиціи; купецъ Шевалевъ, убившій въ Казани прис. повѣреннаго Двинскаго; бывшій офицеръ Боборыкинъ, исключенный въ свое время изъ полка; человѣкъ этотъ въ публичномъ мѣстѣ поносилъ членовъ первой Думы и выстрѣлилъ въ заступившагося за нихъ чиновника Жилинскаго; корнетъ Бурчакъ-Абрамовичъ, перестрѣлявшій лично не мало народа въ мирномъ уже селѣ, и др.; остальные принадлежали къ темной городской массѣ и конечно не вѣдали, что творили. Если принять во вниманіе, что всего осуждено было въ 86 погромныхъ процессахъ 1075 человѣкъ, то число

помилованныхъ составитъ 39,5% всѣхъ осужденныхъ; участвовали: они въ погромахъ, отъ которыхъ пострадало 14,288 семействъ (преимущественно еврейскихъ), съ составомъ въ 125.572 лица, при чемъ убито было 740, ранено 908 чел. и убытковъ причинено на 23,5 милліона рублей. Высокое милосердіе, разумѣется, не было оцѣнено союзниками и они, въ лицѣ херсонскаго отдѣла, возбудили ходатайство: «дабы въ будущемъ въ аналогичныхъ процессахъ не было надобности безпокоить особу Его Величества ходатайствами о помилованіи, повелѣть Сенату разсмотрѣть вопросъ, примѣнима ли вообще къ октябрьскимъ событіямъ, именуемымъ еврейскими погромами, 269 ст. уложенія, возможно ли признать въ этомъ движеніи племенную вражду». «Рус. Богатство» писало по этому поводу такъ: «законъ и судъ оказываются какъ бы безсильными по отношенію къ ряду дѣйствій, которыя даже съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства являются самыми подлинными преступленіями. И если, съ одной стороны, власть, въ цѣляхъ «успокоенія» страны, всѣмъ, въ комъ только она заподозрѣваетъ своихъ противниковъ, «противопоставляетъ силу», выраженную въ формѣ административныхъ каръ или «быстраго судебнаго возмездія», то, съ другой стороны, та же власть и въ тѣхъ же цѣляхъ успокоенія считаетъ нужнымъ останавливать карающую руку закона надъ убійцами-погромщиками, разъ послѣдніе заявляютъ себя ревностными слугами контръ-революціи».

Въ 1908 году состоялся имперскій съѣздъ союза рус. народа подъ предсѣдательствомъ гр. Коновницына, еще по прежней службѣ своей не особенно ладившаго съ законами; съѣздъ обратился къ Государю Императору съ телеграммой, въ которой союзъ достаточно ясно формулировалъ свои стремленія и хотя выставлялъ свои силы въ ложномъ свѣтѣ и не могъ никого обмануть, все же надѣялся еще на дальнѣйшій успѣхъ. Въ этомъ наборѣ трескучихъ и явно лживыхъ фразъ, который мы даемъ себѣ трудъ привести здѣсь для полноты картины убожества черныхъ сотенъ, можно только оцѣнить ту заносчивость и дерзость, къ которымъ располагаютъ безнаказанность преступленій и незаслуженныя льготы, расточаемыя на некультурныя массы. «Мы,—гласитъ телеграмма,—уполномоченные с. р. н., представители милліоновъ вѣрныхъ Твоихъ подданныхъ (никто не уполномочивалъ ихъ. В. О.), повергаемъ къ стопамъ Твоимъ жизнь и достояніе наше для славы Твоего царствованія и величія дорогой родины (союзъ всегда пользовался подачками и ни одной копейки не могъ принести къ стопамъ Государя; жизни его членовъ опасности ни откуда не угрожало, совсѣмъ наоборотъ. В. О.). Настаетъ теперь время, когда внѣшніе враги, убѣжденные во внутреннемъ нестроеніи нашемъ, дерзко мыслятъ посягнуть на цѣлость Державы Твоей (на это никто

Тюрьма «Кресты» въ Петербургѣ.

не посягалъ, а что «нестроеніе» было съ лихвой учтено традиціонными друзьями, Германіей и Австріей, на Балканахъ, то это вѣрно. В. О.), а покоренные инородцы мечтаютъ объ отдѣленіи отъ Россіи и созданіи своей политической независимости (никто не вѣритъ этимъ бреднямъ по причинамъ международнаго значенія). Вѣрь, Государь, могуча и сильна еще Русь православная. Смѣло встрѣчай натискъ враговъ внѣшнихъ, выставивъ противъ нихъ всѣ силы воинства Твоего, до послѣдняго солдата (увы! исторія съ аннексіей Босніи и Герцеговины подвела печальный итогъ численности воинства, способнаго къ «выставленію» противъ Австріи. В. О.). Расчетъ враговъ нашихъ на невозможность такого дѣйствія невѣренъ (совершенно вѣренъ. В. О.), такъ какъ по милости Божіей, сорганизована и въ русскомъ государствѣ великая народная сила, послушная своему самодержавному царю и готовая лечь костьми, по завѣту предковъ, за величіе родины (архангельская «громада» союза р. н. оказалась состоящей изъ двухъ человѣкъ; насильственное зачисленіе въ ряды черныхъ сотенъ сельскихъ старостъ и десятскихъ тоже не сулило особыхъ успѣховъ этой «великой народной силѣ». В. О.)... союзъ р. н., руководимый нами, въ силахъ уже теперь, по первому Твоему слову, выставить дружины, которыя будутъ вполнѣ достаточны для поддержанія во всей странѣ Твоей самодержавной царской власти, внутренняго порядка и спокойствія». Дальше идутъ уже совершенно праздныя слова о «стягѣ на погибель супостата» и т. под. Тщетно было бы искать корней союза въ крестьянской массѣ. Какъ сорная трава, онъ могъ корениться лишь на городскихъ задворкахъ, тамъ, гдѣ ютятся обычно пострадавшіе по суду лихоимцы, разный темный, оголодавшій сбродъ; то обстоятельство, что къ нему примкнули нѣсколько честныхъ людей изъ такъ наз. «русскаго собранія», «кружка дворянъ, вѣрныхъ присягѣ» и т. под. невинныхъ организацій, указываетъ лишь на обостренность политической борьбы, гдѣ сторона, идейно безсильная, стремилась сбалансировать этотъ недостатокъ заигрываніемъ съ союзниками. Что касается до чиновничества (высшаго), то и его толкнуло въ объятія черныхъ сотенъ сознаніе своей одинокости, оторванности отъ народа; смѣшать *народъ* съ черносотенными бандами оно, конечно, не могло и лишь дѣлало видъ, что отожествляетъ ихъ; это было оскорбительно для крестьянской массы, и въ своей бѣднотѣ и невѣжествѣ хранящей черты благородства и величія; это было и не умно; но жизнь, поставившая 17-го октября 1905 г. неопредолимый барьеръ предъ слугами стараго строя, была сильнѣе всякихъ соображеній и столкнула бюрократизмъ въ черносотенный ровъ безъ малѣйшихъ соображеній о томъ, какъ это отразится на дальнѣйшихъ судьбахъ чиновничества. Союзъ р. н. еще дышитъ, топорщится; но пове-

деніе лучшихъ его силъ въ третьей Думѣ и въ печати указываетъ на потерю былой самоувѣренности; въ мелкихъ скандалахъ уличнаго характера, въ передержкахъ, низкопоклонствѣ, смѣшанномъ съ дерзостью, въ рядѣ невыносимыхъ политическихъ глупостей, бездарные и преступные руководители черныхъ сотенъ потопили большую часть вліянія своего и идутъ къ упадку быстрыми и большими шагами. Оставалось бы еще разъ испробовать погромную или провокаторскую тактику, но и она, послѣ Сѣдлеца, Азефа и Гартинга надолго, если не навсегда, скомпроментирована. Полная исторія черносотенства не скоро еще дождется своего времени; основы его слишкомъ интимны; но съ внѣшней стороны едва ли прибавится къ ней что-нибудь новое и худшее; черныя сотни рѣдѣютъ, нездоровый туманъ разсѣивается.

3. ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Со старцами часто бываетъ, что пока человѣкъ на службѣ, при постоянномъ своемъ дѣлѣ (или бездѣльѣ), то онъ и держится еще бодро; а какъ отпразднуетъ пятидесятилѣтній юбилей, или выгонятъ въ отставку за прежніе грѣхи,—онъ сразу разваливается, осѣдаетъ, забываетъ вставлять по утрамъ расхлябанныя искусственныя челюсти и дѣлается какъ бы живымъ мертвецомъ. То же случилось въ октябрѣ 1905 г. и съ русскимъ бюрократизмомъ, только что справившимъ столѣтніе юбилеи министерствъ Гос. Совѣта и думавшимъ кровопусканіемъ на Дальнемъ Востокѣ подновить расшатанный свой организмъ. Все рухнуло сразу. Послѣдніе дни передъ манифестомъ высшія правительственныя сферы являли печальную картину паники, неосвѣдомленности, историческаго невѣжества людей, управлявшихъ шестой частью суши. Между Петербургомъ и Петергофомъ сновали автомобили и пароходы, развозя сановниковъ со всякими проектами и порученіями. Гр. Витте былъ центромъ общаго вниманія и когда удалось получить его согласіе на неупоминаніе въ манифестѣ о Госуд. Совѣтѣ (Витте требовалъ его уничтоженія и замѣны верхней палатой), все стало казаться уже въ лучшемъ свѣтѣ. Слѣдуетъ сказать, что принятіе «къ руководству» доклада гр. Витте, доклада, составившаго какъ бы разъясненіе манифеста, могло бы совершенно устранить возможность контръ-революціонной погромной махинаціи, еслибъ Витте самъ былъ болѣе подготовленъ къ новой роли и успѣлъ бы заручиться единомысліемъ военнаго министерства и оберъ-прокурора Св. Синода. Безъ этого прекрасныя слова его доклада, которыя мы сейчасъ приведемъ, должны были остаться мертвой буквой. Онъ писалъ: «Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы жизни. Первую

задачу правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію *теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Гос. Думу* (к. н.) основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности... Въ отношеніи къ будущей Госуд. Думѣ заботой правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія... Дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами: 1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы. 2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній. 3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства. 4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству». Воображать, что отъ этихъ словъ что-нибудь «станется», если не перемѣнить однимъ махомъ всѣхъ главныхъ пружинъ стараго строя, могъ только младенецъ. Витте имъ не былъ, конечно, но полная неподготовленность администраціи, войскъ и духовенства свидѣтельствовали о безсиліи предсѣдателя Совѣта министровъ, и попытка его образовать кабинетъ изъ общественныхъ дѣятелей заранѣе обрекалась на неудачу. Тѣмъ временемъ Треповъ и его единомышленники продолжали дѣйствовать въ прежнемъ, антиконституціонномъ направленіи и должны были естественно придти къ мысли о контръ-революціи, для чего въ ихъ рукахъ было слишкомъ достаточно всякой силы. Въ погромной рѣкѣ утонули тезисы доклада, слова манифеста, репутація Витте и другихъ; старый строй, неожиданно для самого себя, подновился и немедленно приступилъ къ своеобразному осуществленію пунктовъ принятаго къ руководству доклада.

1. Удивительная прямота и искренность *къ ограниченію* на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ. 2. Стремленіе *къ введенію* исключит. законоположеній и тамъ, гдѣ ихъ не было. 3. Полнѣйшая *несогласованность* дѣйствій всѣхъ органовъ, дошедшая до дерзкихъ отвѣтовъ Совѣту министровъ со стороны ген.-губернаторовъ. 4. *Новыя* репрессіи противъ неугрожающихъ порядку дѣйствій. На этомъ фонѣ амнистія 21-го октября осталась незамѣченной, времен. правила о собраніяхъ тоже и только пресса поспѣшила закрѣпиться на занятой 17-го окт. позиціи, при единодушіи органовъ самаго разнообразнаго направленія. Правительство, въ средѣ котораго очевидный перевѣсъ былъ на сторонѣ П. Дурново и Трепова, пыталось, въ рядѣ «сообщеній», къ анонимности которыхъ часто примѣшивалась и неосвѣдомленность, оправдать свою репрессивную политику. Въ первую же недѣлю послѣ манифеста вышло три такихъ сообщенія и затѣмъ рѣдкая недѣля проходила безъ новаго публичнаго выступленія кабинета. Тамъ говорилось

и о вооруженіяхъ рабочихъ, и опричинахъ погромовъ и о прочности сберегательныхъ кассъ, изъ которыхъ начали выбирать деньги напуганные кліенты; говорилось о выборахъ въ Думу и о сепаратистскомъ движеніи въ Польшѣ; оправдывалось военное положеніе и утѣшались пессимисты, не вѣрившіе «искренности» конституціонныхъ стремленій правительства. Въ то же время выходили распоряженія о *частной* полиціи, о правѣ каждаго губернатора вводить усиленную и чрезвычайную охрану въ случаѣ почтово-телеграфныхъ неурядицъ; наконецъ, всѣ желѣзныя дороги перешли къ исключительному состоянію и результатомъ его оказались неслыханныя экспропріаціи и нападенія на поѣзда. Гр. Витте, отодвинутый въ сторону болѣе его сильными придворѣ людьми, быстро линялъ и старался, въ бесѣдахъ съ иностранными и русскими корреспондентами, подготовить себѣ отступленіе на абсолютистскую позицію; остальные товарищи его и не нуждались въ такихъ диверсіяхъ. На помощь имъ приходила сама оппозиція, послѣ повторныхъ забастовокъ и вооруженнаго возстанія расколовшаяся до самаго края. Подъ флагомъ борьбы съ крайними партіями пошла открытая травля всего сколько-нибудь прогрессивнаго, и еслибъ не обязательство созвать Гос. Думу, къ нарушенію котораго громко призывала правая и *субсидируемая правительствомъ* печать, то нынѣшній кладбищенскій покой воцарился бы еще въ началѣ 1906 года. Но учрежденіе Думы уцѣлѣло и съ нимъ вмѣстѣ остался въ старой стѣнѣ бюрократизма корень растенія, цвѣты котораго такъ безпокоятъ нынѣшній кабинетъ и которое, укрѣпившись окончательно, разрушитъ ветхую кладку, подпертую со всѣхъ сторонъ исключительными законами. Духъ парламентаризма нельзя было искоренить ничѣмъ и, подчиняясь ему, получилъ первое преобразованіе и Госуд. Совѣтъ; боязнь критики бюджета продиктовала учрежденіе «Комитета финансовъ», а желаніе возсоздать флотъ вызывало перемѣны въ морскомъ вѣдомствѣ. Понятно, что въ Гос. Совѣтѣ оставалось обезпеченное большинство членовъ *по назначенію*, что Комитетъ финансовъ не имѣлъ никакой возможности упорядочить государственное хозяйство и даже заключить займа на сколько-нибудь пріемлемыхъ условіяхъ, и что учрежденіе должности товарища морского министра не могло ни малѣйшимъ образомъ отразиться на судьбахъ будущаго флота; и если отразилось, то только въ видѣ родственныхъ связей новаго флотостроителя съ фирмой Виккерса, поставляющей никуда не годные броненосцы. Болѣе дѣйствительными были совсѣмъ другія мѣры: новые законы объ ускореніи политическихъ дѣлъ, объ усиленіи отвѣтственности за ложныя свѣдѣнія о должностныхъ лицахъ и т. под., а главное — изданіе основныхъ законовъ.

Что правительство стремилось оградить, по возможности, прерога-

тивы бюрократіи отъ посягательствъ учредительнаго характера, это было естественно, а послѣ событій конца 1905 г. можно было найти для этого и пару, другую доводовъ болѣе общаго характера; но, чтобы въ этомъ стремленіи дойти до «граціи» 15 статьи основныхъ законовъ, нужно было много дерзновенія, много вѣры въ скорый конецъ привилегій вѣры, диктующей откровенныя слова умирающему жрецу. Согласно этой единственной въ своемъ родѣ статьи, оклады содержанія и назначеніе пенсій въ случаяхъ, не установленныхъ закономъ (т.-е. для высшихъ правящихъ сферъ), а равно назначеніе усиленныхъ окладовъ пенсій, пособій служащимъ и ихъ семействамъ—принадлежатъ верховной власти, другими словами — остаются въ рукахъ самого правительства, по докладамъ котораго совершаются всѣ такого рода назначенія. Что касается до обезпеченія за правительствомъ права законодательствовать помимо парламента, то это достигалось 11 статьей, трактующей объ указахъ; затѣмъ, статьей 18-й обезпечивалось объявленіе, опять же помимо Думы, любой мѣстности имперіи въ исключительномъ положеніи. Наконецъ, въ бюджетномъ отдѣлѣ, Гос. Думѣ наносилось окончательное сокращеніе правъ и добрая половина государственнаго сундука заключалась въ броню, пробить которую можно было бы только нарушеніемъ основнаго закона. Впрочемъ, такого нарушенія не было поводовъ опасаться со стороны Думы; наоборотъ, опасность возникала съ противоположнаго края—самихъ творцовъ законовъ 23 апрѣля. Конфликтъ правительства съ основными законами, приведшій къ перевороту 3 іюня 907 г., можно было тогда же предвидѣть. Но опять же, невозможно было предвидѣть созданія, на страницахъ оффиціоза, новой догмы государственнаго права—*права переворота*, а дожили и до этого. Въ 1909 году, продолжая затяжной споръ о томъ, что же, на самомъ дѣлѣ, за строй у насъ, «Россія» (такъ наз. «частная», «своекоштная» и просто «бутербродная» газета, издаваемая на средства секретнаго фонда) писала: «Государь самъ установилъ новый строй, подчинивъ ему и Свои дѣйствія; но, будучи Самъ источникомъ новаго правопорядка, Онъ, видя, что страна идетъ къ гибели, внесъ измѣненія въ созданныя имъ нормы». Юридическій смыслъ этого положенія, которое П. Милюковъ называетъ «ересью» съ точки зрѣнія гос. права, сводится, по его словамъ (Рѣчь, № 1097) къ тому, «что октроированныя хартіи необязательны для того, кто ихъ даетъ»... Но это только значило бы, что никакого правопорядка не существуетъ, а тѣмъ болѣе того «незыблемаго государственнаго устройства», которымъ оффиціозъ опредѣляетъ дозволенный и у насъ смыслъ термина «конституція».

«Чтобы былъ правопорядокъ, необходимо *юридическое* обязательство: *глава государства долженъ быть связанъ хотя бы и имъ лично устано-*

вленнымъ строемъ» (к. н.). Говоря, затѣмъ, о томъ, что въ исторіи конституцій довольно прецедентовъ такихъ переворотовъ и что лазейки для «законнаго» измѣненія избир. закона оставлялись въ основныхъ конст. хартіяхъ, П. Милюковъ напоминаетъ, что наша 87 ст. основ. законовъ такой лазейки *не представляетъ*. Совершенно наоборотъ, она словно предвидитъ актъ 3-го іюня и говоритъ, *во избѣжаніе его*»: Мѣра (принятая въ порядкѣ 87 ст.)—не можетъ вносить измѣненій ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія Гос. Совѣта или Гос. Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ «Совѣтъ или Думу». Между основными законами *нѣтъ* права «измѣненій въ созданныхъ нормахъ въ порядкѣ указа 3 іюня, а есть прямое запрещеніе такихъ измѣненій». (ib).

Такимъ образомъ, мы должны принять, что коренная ошибка—учредительства безъ учредительнаго собранія или предоставленія такихъ функцій Гос. Думѣ, логически привела къ нарушенію основныхъ законовъ самою властью. Государственные перевороты, однако, не втискиваютси ни въ какую правовую теорію и остаются тѣмъ, чѣмъ во всѣ времена они были: источникомъ затяжныхъ смутъ, государственнаго безсилія и новыхъ потрясеній. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи никакой практики не бываетъ достаточно и путь проходится безостановочно до своего логическаго конца.

Возвращаемся, однако, ко времени изданія основныхъ законовъ. Кабинетъ министровъ, создавшій ихъ, не рѣшился, все же, предстать предъ Гос. Думой перваго созыва и наканунѣ ея открытія подалъ въ отставку. Гр. Витте, недавно еще рѣзко прервавшій ламентаціи мѣщанской депутаціи по поводу неисполненія манифеста 17-го окт. словами: «Разъ Государь заявилъ, то это такъ и будетъ. Еще не было случая, чтобы Государева воля не выполнялась», сходилъ, навсегда вѣроятно, съ государственной арены; *невыполненіе* Государевой воли его кабинетомъ, пошедшимъ за Треповымъ въ погромную авантюру, именно и привело его въ отставку; и если замѣстители продолжали политику репрессій, то иниціатива перманентнаго переворота несомнѣнно принадлежитъ дѣятелямъ кабинета Витте. На самомъ дѣлѣ, развѣ не переживаетъ и теперь Россія времени, когда не застрахована ни одна изъ зыбкихъ гарантій нашей конституціи, когда сама Дума старается урѣзать свои права; когда безотвѣтственность министровъ приводитъ къ тому, что даютъ согласіе на присоединеніе къ Австріи Босніи и Герцеговины не только вопреки своимъ кореннымъ интересамъ, но и трактату, подписанному въ Берлинѣ; а потомъ протестуютъ *для вида*,—точно куклами играютъ, а не судьбами народовъ. Развѣ не ожидали мы съ каждой Думой и ея роспуска, и даже полной отмѣны выборовъ за ненадобностью парламента? Развѣ не строимъ мы флота безъ

разрѣшенія Думы и развѣ считается кто-нибудь съ нею? И не есть ли это длящійся переворотъ, базирующійся на неуваженіи къ основному закону, къ торжественнымъ словамъ Монарха?..

Кабинетъ Горемыкина, успѣвшій только, вопреки словамъ доклада Витте объ уваженіи къ Думѣ, заступиться за лицъ, печатавшихъ въ Прав. Вѣстникѣ брань по ея адресу, былъ замѣненъ кабинетомъ Столыпина, остающимся и теперь у власти. Активность его не подлежитъ спору, равно какъ и качество этой активности. Мы уже раньше могли ознакомиться съ характеромъ работъ и направленіемъ политики этого кабинета военно-полевыхъ судовъ и аграрныхъ законовъ, поэтому здѣсь не будемъ останавливаться на перечисленіи той по выраженію предс. Гос. Думы «законодательной вермишели», которой заваливается Дума въ то время, какъ успокоеніе насаждается помимо ея усилій и вѣдома; важнѣе будетъ еще разъ вернуться къ отдѣльнымъ агентамъ правительства, его первымъ инстанціямъ въ дѣлѣ осуществленія началъ октябрьскаго манифеста. О культурности государства судятъ по состоянію его проселочныхъ дорогъ, о его строѣ—по администраціи; поскольку послѣдняя быстро и добросовѣстно претворяетъ распоряженія правительства въ осязаемыя формы и прививаетъ ихъ къ мѣстной жизни, она характеризуетъ и строй, притомъ лучше всякихъ вывѣсокъ и объявленій. Общее направленіе репрессіи давалось изъ сферъ, остающихся и доселѣ въ тѣни; А. И. Гучковъ говорилъ о «камарильѣ», печать о «звѣздной палатѣ», и т. под. учрежденіяхъ. Насъ же могутъ интересовать распоряженія только оффиціальнаго правительства.

Въ самый развалъ реакціи правительство понесло рядъ тяжкихъ потерь. Умеръ Побѣдоносцевъ, такъ удачно окрещенный свящ. Гр. Петровымъ «великимъ инквизиторомъ» русской церкви, помѣсь атеиста и ханжи, гроза Синода, безропотно шедшаго на поводу об.-прокурора, не имѣвшаго, по закону, даже права присутствовать на засѣданіяхъ духовнаго ареопага; настоящая реликвія самодовлѣющей реакціи. Его вліяніе склонялось къ естественному закату предъ взошедшими свѣтилами въ родѣ Трепова; идейная сторона, представленная Побѣдоносцевымъ такъ исчерпывающе въ его рѣчи на извѣстномъ засѣданіи въ мартѣ 1881 года, тускнѣла предъ трезвой практикой,—погромными прокламаціями, печатавшимися въ департатентѣ полиціи, сѣдлецкой исторіей, почаевскими листками; но лучи еще исходили изъ угасавшаго источника россійскаго мракобѣсія, золотя выступленія реакціонеровъ новаго строя. Убитъ былъ гр. Игнатьевъ,—глава придворной партіи. Убитъ былъ и ген. Павловъ, блѣдное лицо и жесткія слова котораго вызывали такіе негодующіе возгласы въ первой, корректнѣйшей Думѣ. Можно было подумать, что этому человѣку не давали покоя лавры ген. Галиффе, перестрѣлявшаго

во время парижской коммуны 30000 душъ. Но у Галлифе было блестящее боевое прошлое и онъ кончилъ республиканскимъ военнымъ министромъ, а за ген. Павловымъ ничего, кромѣ откровеннаго давленія на военные суды, не числилось. Политика его характеризуется дѣломъ кандидата ест. наукъ Тахчогло, писавшимъ въ редакцію «Права» въ іюлѣ 906 года о своихъ злоключеніяхъ между казнью и каторгой: «...въ отношеніи меня, не говоря уже о самой процедурѣ суда надо мной, допущены слѣдующія беззаконія и правонарушенія уже послѣ суда: приговоръ обо мнѣ утверждали два командующихъ войсками—генералы Протопоповъ и Каульбарсъ, при чемъ первый замѣнилъ мнѣ смертный приговоръ 20 годами каторги, а второй утвердилъ смертный приговоръ, который лишь по указу объ амнистіи замѣненъ 15 годами каторги. Произошло это оттого, что ген. Павловъ произвольно, и притомъ тайно, отмѣнилъ утвержденный ген. Протопоповымъ приговоръ обо мнѣ же и скрылъ отъ суда о состоявшемся уже утвержденіи приговора. Одесскій военно-окружный судъ исполнилъ явно незаконное распоряженіе ген. Павлова и не счелъ для себя обязательнымъ исполнить даже собственное постановленіе о смягченіи мнѣ наказанія. Въ результатѣ же всего вышло, что сверхъ судебнаго приговора генералы Протопоповъ и Павловъ съ Каульбарсомъ прибавили мнѣ по 5 лѣтъ каторги каждый» (№ 30. 906 г.). Непріятно было и удаленіе изъ кабинета виднаго реакціонера Гурко, осужденнаго сенатомъ; и даже амнистія его, состоявшаяся въ 908 году, не могла поднять вліянія человѣка, такъ звонко выступавшаго въ первой Думѣ по аграрному вопросу и такъ звонко выступившему въ союзѣ съ торговцемъ клозетами Лидвалемъ въ продовольственной панамѣ. Вообще, эти года были незадачливы для личнаго состава реакціи. Не одинъ терроръ вырывалъ жертвы свои изъ него, открывались и собственные грѣхи. Прошумѣлъ т. с. Никитинъ съ распродажей печорскихъ казенныхъ лѣсовъ и сѣлъ въ заграничный «бестъ». Сѣлъ просто въ тюрьму г. лейбъ - медикъ Кормиловъ за лихоимство и взятки. Начались ревизіи туркестанскаго края, московской полиціи, наконецъ, интендантства. Къ длинному ряду неурядицъ и преступленій, постепенно исчезавшему съ листовъ сенаторскихъ отчетовъ подъ зеленымъ канцелярскимъ сукномъ (ревизіи Турау и Кузьминскаго, да и раньше, напр., Манассеина въ Прибалт. краѣ), начали прибавляться новыя, замалчивать которыя становилось все болѣе и болѣе трудно. Наконецъ, въ разоблаченіяхъ тайной агентуры, питавшей терроръ и реакцію одновременно, приняла участіе даже иностранная пресса;—приходилось такъ плохо, что «Россія» махнула на все рукой и отказалась «полемизировать» (хотя никакого спора и не было) съ «такими» господами. Тѣмъ временемъ, тенденція давить всякій ростокъ жизни не ослабѣвала.

Профессіональныя организаціи подверглись полному разгрому при участіи самихъ хозяевъ промышленныхъ заведеній, ослѣпленныхъ страхомъ забастовокъ. Съѣзды тѣмъ болѣе были опасны и если разрѣшались, то рѣдко благополучно доводились до конца. Отказывали въ регистраціи хоровыхъ, даже спортивныхъ обществъ (Варшава). Усиливалась отвѣтственность за пропаганду политическихъ ученій и предписывалось принимать мѣры къ «поднятію русскаго вліянія» на окраинахъ, при чемъ, по злой ироніи судьбы, продолжали ронять его все глубже и глубже. Словомъ сказать, старанія выйти на торную дорогу, обрамленную завѣтами гр. Д. Толстого и Побѣдоносцева, прилагались большія, но дорога не ощупывалась ногами и онѣ все сильнѣй уходили въ трясину, откуда возврата не было. Потому что не было ни у кого охоты вытаскивать правительство изъ этой трясины. Д. Шиповъ, Ев. Трубецкой, А. Гучковъ, гр. Гейденъ, Г. и Н. Львовы, всѣ оставляли его на произволъ судьбы, твердо зная, какова будетъ эта судьба. Положеніе было печально, и никто на мѣстѣ Витте, Столыпина и всякаго другого главы правительства не смогъ бы удержаться отъ объятій съ черной сотней, съ дѣятелями типа Дубровина и Коновницына; потому что всякій иной путь означалъ не только личную отставку, но и отставку всего режима, крушеніе всесильнаго бюрократизма и передачу народу власти надъ собой и своими рессурсами. Для этого нужно было имѣть не только много государственнаго разума, но и гражданскаго мужества. А вся исторія бюрократизма запечатлѣна недостаткомъ того и другого. Такимъ образомъ правительство катилось по рельсамъ репрессій къ своей конечной станціи, не будучи въ состояніи остановиться или свернуть на иной путь. Стрѣлки сломаны собственными руками, и кто будетъ виноватъ, когда, зайдя въ неогороженный тупикъ, огромный тяжелый поѣздъ, съ пулеметами, военными судами и всѣмъ багажемъ, нагруженнымъ послѣ 17-го октября, полетитъ съ откоса въ историческую Нирвану? Для этого нѣтъ нужды въ потрясеніяхъ революціоннаго характера, нѣтъ даже нужды въ мирныхъ явленіяхъ освободительнаго движенія, ни въ пассивномъ сопротивленіи. Нужно только время. О длительности его можно, конечно, спорить; но, еще разъ повторяемъ, инерція жизни дѣйствуетъ, какъ и всякая другая; ускореніе темпа жизни, ея міровой характеръ, все учитъ насъ тому, что старые масштабы, старые сроки, прожитые прецеденты не подходятъ для измѣренія настоящаго времени, какъ не подходитъ хрупкій сосудъ для измѣренія количества выпавшихъ осадковъ къ вычисленію водяной массы Ніагары. Реакція велика, но люди ея мелки; движенія ихъ рѣзки, но мускулатура неразвита; цѣпи длинны, но не крѣпки. Корни кончаются на поверхности и народный организмъ не даетъ имъ ни одной капли здоровыхъ соковъ своихъ.

Правительство, наконецъ, органъ котораго, «Россія», грозитъ иностраннымъ вмѣшательствомъ въ наши внутреннія дѣла (осень 906 г.) и продажей цѣлой польской окраины, — такое правительство не можетъ расчитывать даже и на ту долю уваженія, которая оказывается всякой, вообще, силѣ. Другими словами, оно внутренне безсильно.

4. АДМИНИСТРАЦІЯ.

Уходя изъ комиссіи по урегулированію польскаго вопроса, извѣстный виленскій диктаторъ Муравьевъ совѣтовалъ императору Александру II обратить серьезное вниманіе на составъ губернаторовъ, который онъ признавалъ никуда не годнымъ. Позднѣе аналогичныя представленія дѣлались и Гос. Совѣтомъ и отдѣльными министрами. Петербургскія канцеляріи старательно вырабатывали въ теченіе столѣтія, и на полной своей волѣ, типъ «хозяина губерніи», на котораго всякое правительство должно было опираться, какъ на прочный мѣстный столбъ, который служилъ бы безукоризненной передачей въ глубь страны «видовъ» правительства и, въ свою очередь, освѣдомилъ бы послѣднее объ истинномъ положеніи вещей на мѣстахъ и о настроеніяхъ «ввѣренныхъ» губерній. Пассивная роль, которая и по смыслу обязанностей и на дѣлѣ отводилась губернаторамъ, значительно облегчала труды по ихъ подготовкѣ и можно было надѣяться, что къ моменту затрудненій правительство будетъ имѣть, хотя бы въ полсотнѣ наиболѣе отвѣтственныхъ губерній, дѣльныхъ, умныхъ, честныхъ и послушныхъ представителей. Надеждѣ этой не суждено было сбыться. Въ запискахъ кн. Урусова описывается засѣданіе сорока губернаторовъ по вопросамъ крестьянскаго управленія, происходившее наканунѣ событій 905—07 г.г.; мы приводимъ нѣсколько строкъ этого описанія не только потому, что оно лишено какого бы то ни было преувеличенія, но и потому, что оно характерно для всѣхъ подобныхъ совѣщаній съ губернаторами.

«Плеве, Стишинскій и Гурко, съ нѣсколькими членами Совѣта министровъ, бывшими губернаторами и мы, пріѣхавшіе изъ своихъ губерній въ качествѣ ихъ «хозяевъ» и свѣдущихъ людей, образовали торжественное засѣданіе. Министръ произнесъ вступительную рѣчь, неясную по выводамъ, но очень хорошо сказанную. Стишинскій и Гурко выяснили точнѣе, въ формѣ докладовъ, ту задачу, которой намъ предстояло заняться. Признавался желательнымъ умѣлый и осторожный выборъ членовъ губернскихъ совѣщаній; указывалось на опасность расширенія программы и уклоненій въ сторону отъ нея; рекомендовалось давать отвѣты только на поставленные программой вопросы... и т. п. Затѣмъ предсѣдатель предложилъ губернаторамъ высказаться...

Мнѣ невольно вспомнилось гимназическое время, когда, ожидая вызова къ доскѣ, мы опускали глаза и прятались за спины сидящихъ впереди, чтобы не обратить на себя вниманія учителя. Увы, среди моихъ новыхъ товарищей не нашлось перваго ученика, всегда готоваго отвѣчать на вопросы. Всѣ напряженно молчали и Плеве тщетно, съ любезной улыбкой, обводилъ насъ ободряющимъ взоромъ. Не слыша нашихъ голосовъ, онъ поговорилъ нѣкоторое время со своимъ сосѣдомъ, Стишинскимъ, а затѣмъ, потерявъ, повидимому, терпѣніе, произнесъ, и навѣрное умышленно, имя и отчество одного изъ присутствовавшихъ... Х. давно, вслѣдствіе глухоты, усвоившій способность понимать обращенныя къ нему слова только по движенію губъ собесѣдника (здѣсь авторъ не вполнѣ точенъ, такъ какъ Х. и по губамъ ровно ничего не понимаетъ, что всегда приводило въ губернскихъ совѣщаніяхъ къ забавнымъ qui pro quo и къ неуважительнымъ замѣчаніямъ членовъ по адресу начальника. Нынѣ Х.—сенаторъ, такъ какъ глухота его все-таки слабѣе родственныхъ связей. В. О.) на этотъ разъ невинно чертилъ какой-то рисунокъ, сидя насупротивъ нашего предсѣдателя. Онъ не обратилъ никакого вниманія на повторенное приглашеніе Плеве и бросилъ свое занятіе только послѣ нѣсколькихъ толчковъ, полученныхъ отъ сосѣда. Прошло не мало времени, пока онъ догадался, въ чемъ дѣло, и, сдѣлавъ серьезное лицо, высказалъ, что надо подумать прежде всего о коренникахъ. Мы всѣ знали, что Х. владѣлецъ стариннаго конскаго завода, но все же съ недоумѣніемъ отнеслись къ его, повидимому, несвоевременному заявленію. Однако, оказалось, что Х. имѣлъ при этомъ въ виду предсѣдателей будущихъ совѣщательныхъ комиссій... Далѣе мы въ нашихъ проектахъ не пошли, и Плеве поспѣшилъ пригласить насъ въ сосѣднюю комнату пить чай. Перерывъ засѣданія и выпитый чай не прояснили нашихъ мыслей и когда мы снова приступили къ «обмѣну мнѣній», оказалось, что обмѣниваться намъ было нечѣмъ. Министру надоѣло съ нами возиться и онъ закрылъ засѣданіе, сказавъ, что его товарищъ, Стишинскій, пригласитъ насъ для продолженія занятій... Засѣданіе это вскорѣ состоялось... Однако, похвастаться успѣхами смогли при этомъ немногіе, по крайней мѣрѣ, таково было убѣжденіе Стишинскаго, сказавшаго въ концѣ засѣданія своему близкому знакомому одну только фразу: «C'est à pleurer!» Хоть плачь,—«такое впечатлѣніе вынесъ товарищъ министра отъ губернаторовъ въ 1904 г. Теперь, въ началѣ 1907 г., когда весь почти составъ губернаторовъ обновился, всякій, *кто знаетъ дѣло* (к. н.), долженъ будетъ признать, что измѣненіе его произошло къ худшему,—и даже въ очень значительной степени».

Эти слова бывшаго губернатора и товарища министра внутр. дѣлъ достаточно убѣдительны; но мы возьмемъ нѣсколько случаевъ губерна-

торской практики, гдѣ «хозяева» дѣйствуютъ внѣ начальственнаго гипноза суровыхъ и насмѣшливыхъ глазъ Плеве. Остановимся прежде всего на рѣчахъ и воззваніяхъ, такъ какъ содержаніе ихъ дѣлается извѣстно всей губерніи и на пропагандирующее значеніе ихъ всегда расчитываютъ.

Полтавскій губернаторъ взываетъ къ сельскому населенію, совѣтуя не вступать въ крестьянскій союзъ, не требовать учредительнаго собранія, имѣющаго цѣлью превратить Россію въ республику, не слушаться агитаторовъ.—Такъ проникаютъ въ крестьянскую массу крамольныя слова, вызывая любопытство, будя мысль, воспитывая народъ политически. Московскій губернаторъ взываетъ не вѣрить преступной пропагандѣ о томъ, что налоги установлены несправедливо. Онъ же, послѣ роспуска первой Гос. Думы такъ удачно излагаетъ «своими словами» выборгское воззваніе, что, еслибъ только оно не было слабо само по себѣ, лучшаго пропагатора нельзя было бы и представить. Вообще администраторы изъ военныхъ отличались особенной страстью къ литературнымъ упражненіямъ. Вотъ, напр., воззваніе херсонскаго ген.-губернатора: «Крестьяне! Послѣднее время люди, забывши Бога, стали жечь, грабить, убивать людей и даже мучить ни въ чемъ неповинную скотину; эти люди позволяютъ называть себя крестьянами, а они—воры и грабители. Не давайте позорить крестьянскаго добраго имени, не приставайте къ грабителямъ, ловите ихъ и представляйте начальству. Я буду вамъ защитникомъ; а если не послушаете меня и не обратитесь сейчасъ же къ вашимъ мирнымъ занятіямъ, прійду съ войсками, сильно накажу, не жалѣя никого. Пусть лучше вы погибнете, чѣмъ будете сами и дѣти ваши бунтовщиками и грабителями!.. Кто за царя, свези все награбленное, куда укажутъ, а до этого сохраняй имущество и Боже сохрани уничтожать,—будетъ худо!»

Въ аналогичномъ воззваніи екатеринославскій ген.-губернаторъ говорилъ, между прочимъ: «Тѣ села и деревни, жители которыхъ позволяютъ себѣ какія-либо насилія надъ частными экономіями и угодьями, будутъ обстрѣливаемы артиллерійскимъ огнемъ, что вызоветъ разрушенія домовъ и пожары». Карангозовъ, одесскій ген.-губернаторъ, угрожая *смертью* за безпорядки, призываетъ общество охранять спокойствіе «въ свѣтлые дни великаго года обновленія Россіи» и даже приглашаетъ матерей и женъ удерживать сыновей и мужей. Ген. Надаровъ, въ рѣчи своей къ офицерамъ харбинскаго гарнизона, говоритъ: «Если, паче чаянія, армія будетъ поставлена въ такое положеніе, что со стороны стачечниковъ-революціонеровъ будетъ открыто противъ арміи кровопролитіе, то мы поневолѣ прибѣгнемъ къ кровопролитію, тогда уже съ нами, *какъ съ озвѣрѣлой толпой нельзя будетъ разговаривать. Я первый тогда пойду впередъ всѣхъ съ ножемъ*

и буду рѣзать всѣхъ, кто попадется подъ руку: и стариковъ, и женщинъ, и дѣтей». Къ счастію, до этого дѣло не дошло и храброму генералу предстоитъ болѣе мирная коллизія съ судомъ по интентантскому дѣлу. Ген. Бекманъ, нынѣ финляндскій ген.-губернаторъ, въ бытность свою эстляндскимъ ген.-губернаторомъ, предупреждалъ населеніе, что укрыватели разыскиваемыхъ по списку лицъ будутъ подлежать военному суду, а дома ихъ будутъ сожжены. Команд. войсками одесскаго воен. округа, Каульбарсъ, объявляетъ 28 января 1906 г. о томъ, что будетъ подвергать извѣстные разряды лицъ смертной казни въ *административномъ* порядкѣ. Въ эту эпоху невольно раскрывались людскія души, и каждый обнажалъ свою природу по своему. Такъ, нѣкій ген. Калитинъ, тоже попавшій въ ген.-губернаторы, объявилъ «ввѣренному» ему кременчугскому населенію, что, представляя въ данное время и мѣстности Особу Его Императорскаго Величества, необходимо привѣтствовать его сниманіемъ шляпъ и вставаніемъ съ мѣста при появленіи его на улицахъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Много можно еще привести образцовъ въ томъ же родѣ,—но мы кончимъ выдержкой изъ рѣчи черниговскаго губернатора Родіонова, прославившагося «облавой» на революціонеровъ, по его предположенію коренившихся въ с. Плиски. Дѣло было на сходѣ, послѣ облавы; Родіоновъ кончилъ длинную рѣчь свою такимъ мастерскимъ оборотомъ: «Съ одной сотней казаковъ, если понадобится, я разнесу въ щепки ваше поганое гнѣздо, но тогда уже не пеняйте, что пострадаютъ невинные, разъ вы не хотите выдать виновныхъ. Вы другъ друга хорошо знаете.—Даю вамъ часъ на размышленіе, и помните: я пріѣхалъ сюда не для пустыхъ разговоровъ и угрозъ; угрожаетъ тотъ, кто чувствуетъ себя недостаточно сильнымъ или правымъ (весьма опасная для правит. агента точка зрѣнія. В. О.), я же требую отъ васъ содѣйствія, сознанія и повинной. Если не укажете мнѣ виноватыхъ, *буду брать первыхъ попавшихся на глаза и отправлять въ тюрьмы»*. Спустя часъ, рачительный слуга закона арестовалъ по личному выбору десять человѣкъ и отбылъ съ ними въ Черниговъ, при чемъ нужно отмѣтить, что дѣло происходило осенью 1907 г., когда повсюду уже царило успокоеніе. Высокое безпристрастіе обнаружилъ въ Одессѣ градоначальникъ Новицкій (бывш. жандармскій генералъ, мемуары котораго бросили такой яркій свѣтъ на прикосновенность къ террору самого Плеве); посѣтивъ въ городской думѣ собраніе гласныхъ, онъ высказалъ, что хотя освободительное движеніе и наша революція, по крайней мѣрѣ, на 85 процентовъ созданы и поддерживаются еврейской учащейся молодежью,—для него, однако, всѣ граждане равны. На его похоронахъ союзники и показали резинами, ножами и кулаками это равенство.

Министерство внут. дѣлъ находилось въ печальномъ положенiи: съ одной стороны власть ускользала изъ его рукъ, т.-к. ген.-губернаторы и начальники мѣстностей, находившихся въ исключительномъ положенiи (а таковыхъ было около 90 процентовъ), не были склонны къ подчиненiю и предпочитали обращенiе къ верховной власти; съ другой—составъ губернаторовъ, какъ вѣрно замѣтилъ кн. Урусовъ, качественно не выигралъ отъ замѣны новыми людьми прежнихъ. Были, однако, излюбленные люди, которыми дорожили и совѣтовъ которыхъ запрашивали, предпринимая новыя мѣры. Къ числу такихъ принадлежалъ и новый полтавскiй губернаторъ Князевъ; очевидно, что уваженiе къ закону должно было быть отличительной его чертой; съ удивленiемъ, поэтому, читаемъ, что губернаторъ закрылъ полтавскiя газеты, *съ воспрещенiемъ типографiямъ ихъ печатать*; еще одна газета выпустила, съ разрѣшенiя администрацiи, объявленiе, но цензоръ Ахшарумовъ раздумалъ и даже въ отсутствiе губернатора словесно запретилъ типографiи печатать и эту, еще не успѣвшую выйти газету. Хлопоты доставляли, такимъ образомъ, чуть не всѣ поголовно, а выдавались и такiе, что не сходили съ газетныхъ столбцовъ, при чемъ «лѣвая» печать печатала преимуществено документальныя данныя, а «правая»—адресы и союзническiя просьбы объ оставленiи на мѣстахъ. Особенное вниманiе удѣлялось вятскому губернатору, кн. Горчакову, и костромскому, Веретенникову. Наконецъ, состоялся переводъ одного изъ нихъ и новый губернаторъ, Камышанскiй, невольно обнаружилъ правдивость многихъ описанiй изъ практики предшественника. Минуя даровое освѣщенiе электричествомъ губернаторскаго дома и непорядки въ тюрьмѣ, остановимся на отношенiи къ мѣстной печати—оно характеризуетъ всякаго администратора безошибочно. Такъ вотъ узнаемъ однажды, что вятскiй губернаторъ вызвалъ секретаря редакцiи «Вятск. Края» и, въ присутствiи полицеймейстера и вице-губернатора, подъ угрозой немедленнаго закрытiя типографiи, предложилъ ему дать подписку, что сама редакцiя добровольно пожелала представлять номера газеты въ гранкахъ на цензуру вице-губернатора и что *она никогда не будетъ жаловаться на губернатора* за это распоряженiе, а также обязуется не оглашать содержанiя разговоровъ съ нимъ. Эти оригинальныя мѣры привели къ тому, что цензура «Вят. Края» была отмѣнена распоряженiемъ изъ Петербурга; однако, неугомонный губернаторъ возстановилъ ее при посредствѣ наблюдающаго за типографiями редактора мѣстнаго оффицiоза, Стефановскаго, который ночью приходилъ въ типографiю «В. Края» и цензуровалъ номера, насильно овладѣвая ими. Ярославскiй губернаторъ обращается къ раввину и представителямъ еврейскаго населенiя города съ рѣчью, въ которой объясняетъ волненiя въ мѣстной гим-

назіи «жидовскими махинаціями» и предупреждаетъ, что евреевъ-бунтовщиковъ въ 24 *секунды* вышлетъ изъ города. Заботы такихъ губернаторовъ были многообразны и охватывали рѣшительно всѣ области частной жизни. Такъ читаемъ, что Веретенниковъ (костромской, и ранѣе кіевскій губернаторъ, кумиръ черной сотни) издалъ обязательное постановленіе, воспрещающее жителямъ пользоваться телефономъ во время концертовъ и театральныхъ представленій; необходимо особое разрѣшеніе полиціи, иначе штрафъ или арестъ на мѣсяцъ. Словомъ сказать, всякій новый губернаторъ заранѣе зачислялъ все населеніе въ крамольники и заранѣе объявлялъ ему безпощадную войну, въ свою очередь воображая, что населеніе только о томъ и думаетъ, какъ бы развоеваться со своимъ «хозяиномъ»; отсюда происходили странные выѣзды начальства; такъ, ѳеодосійскій ген.-губерн., Давыдовъ, выѣзжалъ всегда подъ охраной казаковъ, которые всѣмъ встрѣчнымъ кричали: «Руки вверхъ! повернись спиной!», при чемъ обыватели простаивали въ такомъ положеніи довольно долго, пока «хозяинъ» не прослѣдуетъ на такое разстояніе, что покуситься на него станетъ невозможнымъ. И т. д. По страннымъ совпаденіямъ приходилось заключить, что такіе администраторы прочнѣе сидѣли на своихъ мѣстахъ, особливо, когда они придерживались тактики ген. Думбадзе, кот., напр., предписалъ предсѣдателю земской управы и городскому головѣ г. Ялты всячески содѣйствовать его непреклонному стремленію къ очищенію Ялты отъ крамолы, который жегъ дома и рубилъ городскія деревья, полемизировалъ со столичными газетами и проявлялъ вообще всѣ признаки потери психическаго равновѣсія. Наоборотъ, администраторы противоположнаго типа не удерживались долго на мѣстахъ, да по большой части и сами уходили, сознавая свою неприспособленность къ чрезвычайнымъ условіямъ эпохи; такъ, въ день назначенія ген. Трепова неоффиціальнымъ диктаторомъ одновременно подали въ отставку тверской губернаторъ кн. Урусовъ и самъ министръ внутр. дѣлъ, Булыгинъ (отставка послѣдняго не была принята); также, послѣ вологодскаго погрома ушли изъ этого города вѣ не сочувствовавшіе погрому представители власти, — губернаторъ Лодыженскій, вице-губ. Жедринскій, полицеймейстеръ Дробышевскій (переведенъ въ исправники), при чемъ всѣ жалѣли о нихъ. Довелось губернаторамъ и въ тюрьмѣ посидѣть (кн. Урусовъ за выборгское воззваніе, Старосельскій за присутствіе на «незаконномъ сборищѣ» и т. д.); но между этими крайностями, губернаторами-крамольниками и губернарами-самоуправцами оказывается чрезвычайно труднымъ нащупать середину, которая должна была удовлетворять конституціонное правительство Столыпина. Дальше, въ послѣдней главѣ, мы найдемъ и причину этого явленія, коренящагося, какъ и многіе другіе дефекты на-

шего управленія, въ томъ, что съ 1881 года Россія управляется почти одними исключительными законами. Все нынѣ живущее поколѣніе гражданъ, въ томъ числѣ и губернаторы, и министры, воспитались, выросли и служили только при режимѣ произвола; другого они органически не могутъ усвоить, еслибъ и хотѣли. О такихъ администраторахъ, какъ гр. Комаровскій, выгнавшій судебнаго пристава, пришедшаго описать за долги его имущество, мы не говоримъ; ни одинъ режимъ не страхуетъ отъ извѣстнаго процента негодныхъ лицъ на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы. Однако, нигдѣ такъ не развита презумпція—что власть не ошибается, какъ у насъ; благодаря этому несчастному предубѣжденію, своего рода свѣтобоязни, совершаются самые безвыгодные и даже вредные для правительства шаги, какъ это было съ покрытіемъ изъ секретнаго фонда убытковъ, причиненныхъ генераломъ Думбадзе, и т. под.. Нужно было много трудовъ для выведенія на чистую воду такой крупной щуки, какъ ген. Рейнботъ, и не лучше его уходили въ море даже изъ такихъ сѣтей, какъ слѣдствіе Лопухина (въ бытность его прокуроромъ въ Петербургѣ). Между тѣмъ, ничто, конечно, такъ не способствуетъ закрѣпленію престижа властей, какъ открытость всѣхъ ихъ дѣйствій. Мы полагаемъ, что и при исключительныхъ законахъ, когда они кратковременны и вызываются необходимостью, власть можетъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, лишь бы она дѣйствовала безпристрастно; совершена административная казнь въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, т.-е. простое убійство,—пусть и ген.-губернаторъ подвергнется военному суду и испытаетъ въ себѣ тяготу закона. Но одностороннее его примѣненіе всегда разлагаетъ и самыя основы правопорядка, водворяя настоящую и худшую изо всѣхъ видовъ анархію, озлобляя обѣ стороны и дѣлая невозможной гражданскую жизнь.

Вполнѣ естественно, что неограниченныя полномочія, даваемыя въ руки не всегда умныхъ и трезвомыслящихъ представителей высшей администраціи, не могли удержаться въ ихъ рукахъ и немедленно уплывали къ подчиненнымъ, опускаясь все ниже и ниже, пока, наконецъ, какой-нибудь сельскій стражникъ не начиналъ являть изъ себя своего рода диктатора, и тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ соединялъ въ своемъ лицѣ всѣ виды правительственной силы; онъ былъ стратегомъ, полководцемъ и войскомъ одновременно. Да и какъ бы иначе могли дѣйствовать подчиненные лицъ, въ родѣ описанныхъ выше или тѣхъ, о комъ сейчасъ будемъ говорить?

Завѣдующій передвиженіемъ войскъ (юг.-зап. жж. дд.) Яблонскій вывѣшиваетъ такое объявленіе... «прошу принять энергичныя мѣры. Пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу и не стѣсняться послѣдствіями, кто только изъ агитаторовъ явится на путь. Если изъ

депо не выпускаютъ мастеровые паровозовъ—открыть стрѣльбу. Къ вечеру чтобъ мнѣ было возстановлено движеніе. Вторично повторяю, пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу. Машинистамъ, живущимъ на казенныхъ квартирахъ, предложить три раза ѣхать на паровозѣ, и послѣ отказа перваго, открывшаго ротъ для возраженія, убить на мѣстѣ, а семью выдворить съ квартиры, а равно и тѣхъ, кто не пожелаетъ ѣхать на паровозѣ»... Здѣсь произволъ граничитъ развѣ только съ безграмотностью автора. Адм. Дубасовъ арестуетъ депутацію отъ безработныхъ, мирно явившуюся къ нему для доклада о бѣдственномъ ихъ положеніи. Онъ же запретилъ ректору университета собрать студенческую сходку для обсужденія вопроса о госуд. экзаменахъ, угрожая занять университетъ войсками. Министръ народн. просвѣщенія долженъ былъ заявить въ засѣданіи Госуд. Совѣта протестъ противъ Дубасова, но, конечно, тщетно. Ген. Сухотинъ, передъ введеніемъ въ Омскѣ военнаго положенія, созвалъ совѣщаніе начальниковъ отдѣльныхъ учрежденій, которымъ и преподалъ краткую, но ясную инструкцію: «Необходимо раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не оставалось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ». Какъ должны были чувствовать себя при этомъ представители этихъ учрежденій? Они молчали, п. что иначе ихъ ждала судьба предсѣдателей судовъ и палатъ—Витте, Арнольда, Давыдова, судей и прокуроровъ—Скарятина, Бибикова и мн. др. Тобольскіе жители собрались послать гр. Витте депешу объ освобожденіи арестованныхъ Тройницкимъ (и. д. ген.-губ.) общественныхъ дѣятелей, а онъ и подписавшихъ депешу къ нимъ присоединилъ. Когда 14 рабочихъ депутатовъ первой Думы выпустили свое воззваніе, одесскій ген.-г. Карангозовъ разразился контръ-воззваніемъ, въ которомъ ясно выразилъ взглядъ свой на Думу, какъ нѣчто случайное и незначущее, хотя, въ такомъ случаѣ, нечего было и полемизировать съ ничтожной ея частью. Въ Полтавѣ ген.-ад. Пантелѣевъ потребовалъ, чтобъ ему представилась депутація отъ евреевъ, и сказалъ ей: «Знайте, что Россія съ 17 окт. усыновила евреевъ (?), она дала имъ больше, чѣмъ они сами ожидали (?), и, несмотря на это, они продолжаютъ принимать самое активное участіе въ революціи. Я васъ предупреждаю, что, если это будетъ продолжаться, евреямъ плохо придется». Мы твердо увѣрены и знаемъ, что ген.-ад. Пантелѣевъ мирный человѣкъ и ужъ конечно не сторонникъ погромной политики, но спрашивается, что иное, кромѣ угрозы, погромовъ, могли понять полтавскіе евреи изъ этой рѣчи? Они и поняли, и новыя сотни семей бросили нищенскіе кровы свои, чтобы найти еще худшіе въ Америкѣ и плакать тамъ о Россіи, такъ нѣжно усыновившей ихъ между 19 и 26 октября 1905 года! Въ Тамбовѣ, въ судеб-

номъ засѣданіи суда арестуется, по требованію ген.-губернатора одинъ изъ защитниковъ, пр. пов. Кальмановичъ, и сажается въ тюрьму. Для этого введено было чуть не осадное положеніе. Шумъ вышелъ большой, адвоката, конечно, освободили, но ген.-губернатора отъ его обязанностей не освободили. Еще больше нашумѣлъ комендантъ крѣпости Кушка, ген. Прасоловъ, объявившій ее въ осадномъ положеніи и чуть не повѣсившій инженера Соколова за участіе въ митингѣ; генералъ арестовалъ и заковалъ въ кандалы еще нѣсколькихъ человѣкъ и одновременно съ передачей ихъ полевому суду поторопился воздвигнуть висѣлицу. Вообразивъ, затѣмъ, что вся средняя Азія находится въ столь же опасномъ положеніи, какъ и Кушка, гдѣ собрался митингъ, Прасоловъ выступилъ изъ крѣпости съ войсками, пушками и пулеметами, занялъ 650 верстъ жел. дороги и отправился самъ въ Чарджуй налаживать цѣлый походъ противъ крамольниковъ. Впослѣдствіи писали, что генералъ былъ просто «не въ своемъ умѣ», но за свои распоряженія (инженера не дали-таки повѣсить) комендантъ получилъ Станислава первой степени. По ту сторону Урала вообще розмахъ начальства былъ въ соотвѣтствіи съ безконечными дикими пространствами, отдѣлявшими насъ отъ мѣстъ недавняго пораженія. Совершенно достаточно будетъ привести одинъ изъ приказовъ ген. Ренненкампфа, чтобы представить себѣ обстановку того времени въ Сибири: «№ 7. 9 февраля 1906 г. Извѣщаю, что въ случаѣ покушенія съ политическою цѣлью (?) на жизнь лицъ, меня сопровождающихъ, черезъ часъ послѣ покушенія всѣ арестованные, находящіеся при эшелонахъ и содержащіеся въ тюрьмѣ, какъ заложники, будутъ разстрѣляны. Подлинное подписалъ ген.-лейт. Ренненкампфъ. Съ подлиннымъ вѣрно ген.-штаба кап. Одинцовъ». Нужно считать счастливой случайностью, что въ этой отсталой отъ нашей культуры странѣ не оказалось ничего подобнаго Азефу или хотя бы тѣмъ городовымъ, которые стрѣляли въ воздухъ, крича: «жиды стрѣляютъ!» Въ это же, приблизительно, время сенаторы Турау и Кузьминскій производили разслѣдованія дѣйствій такихъ же почти, какъ Ренненкампфъ, полномочныхъ людей, въ Кіевѣ, Ростовѣ, Баку и Одессѣ. Изъ ихъ отчетовъ можно было бы составить цѣлую книгу характеристикъ россійской администраціи, цѣлую галлерею уголовныхъ типовъ, недосягаемыхъ для правосудія. Впослѣдствіи сенатъ оправдалъ всѣхъ привлеченныхъ къ отвѣтственности губернаторовъ и градоначальниковъ и всѣ они сдѣлали превосходныя карьеры. Общественное негодованіе, вызванное такимъ исходомъ ревизій, никого наверху не интересовало, т. к. въ это время уже ясно чувствовалось, что перевѣсъ грубой силы находится на сторонѣ реакціи; зато, напр., кромѣ генераловъ Субботича, Холщевникова и

др., былъ въ трехдневный срокъ уволенъ въ отставку нач. 39 пѣх. дивизіи Торновскій, благодаря которому военное положеніе въ Александрополѣ обошлось безъ кровопролитія. Всѣ вообще лица, не раздѣлявшія направленія политики Дурново, Горемыкина и Столыпина, удалялись безъ церемоній и сожалѣнія, и въ этомъ винить правительство никто не станетъ; ему казалось, что только терроромъ можно привести страну къ конституціонному строю, незыблемо установленному рядомъ манифестовъ, оно планомѣрно и развивало терроръ. Что правительство стало игрушкой въ рукахъ провокаторовъ, опирающихся на неизвѣстныя сферы и силы, это иное дѣло, но слѣпой не видитъ никогда лица своего поводыря и довѣрчиво идетъ за нимъ, хорошо, какъ къ пристанищу, а если въ яму?.. Эта слѣпота наблюдалась рѣшительно во всемъ. Отобраніемъ присягъ и подписокъ думали обезопасить себя отъ «кадетизма» въ чиновничествѣ; циркулярами о репрессіяхъ, употребленіи оружія, штрафахъ, панцыряхъ и т. под. думали поставить полицейское дѣло; но оно продолжало развиваться въ иномъ направленіи. Въ участкахъ избивали, истязали и пытали арестованныхъ: взятки брали и въ панцыряхъ не хуже, чѣмъ безъ нихъ; увольняли по 3 пункту не берущихъ и оправдывали, награждали, переводили на лучшія мѣста такихъ закоренѣлыхъ преступниковъ, какъ Цихоцкій, Пышкинъ и мн. др.; полиція занималась и провокаціей (Бѣлостокъ и др.), и разгромами магазиновъ; она, наконецъ, умѣла использовать экспропріаторскую волну, какъ указываетъ рядъ новѣйшихъ процессовъ; такъ, въ московской губ. казнено было нѣсколько человѣкъ по дѣламъ, организованнымъ чинами полиціи; не говоримъ уже о грандіозныхъ хищеніяхъ на казанской дорогѣ. Полиція становилась всемогущей, выдѣлялась какъ бы въ независимое государство. Товарищъ прокурора въ Полтавѣ освобождаетъ заключенныхъ по губернаторскому постановленію 15 человѣкъ, за отбытіемъ 3 мѣсячнаго срока, но въ тотъ же день полиція сажаетъ ихъ снова и на требованіе прокуратуры объ освобожденіи отвѣчаетъ отказомъ;—это типичный случай отношенія полиціи къ судебному вѣдомству въ то время. Зато отношенія къ союзу русскаго народа не оставляли желать лучшаго; непрерывное братанье завершилось постояннымъ стремленіемъ союзниковъ къ исполненію полицейскихъ функцій и привело къ удивительной даже и по нашимъ временамъ просьбѣ союза—поручить ему охрану особы Государя во время полтавскихъ празднествъ, просьбѣ, къ счастію отклоненной. Въ Кашинѣ, во время открытія мощей, союзники такъ усердно охраняютъ, что кричатъ на губернатора и хотятъ сбить съ его головы фуражку. Тронутый поздравленіями, Рейнботъ отвѣчаетъ въ Ярославль: «дай Богъ союзу счастія и процвѣтанія», и союзъ дѣйстви-

тельно процвѣтаетъ, такъ же какъ и его орудія пытокъ и истязаній наряду съ полицейскими. Склады ограбленнаго находились и у союзниковъ: такъ, въ Кишиневѣ былъ обнаруженъ огромный складъ дорогихъ вещей, награбленныхъ во время октябрьскихъ погромовъ по всей бессарабской губ., при чемъ «завѣдывалъ» складомъ видный членъ мѣстнаго отдѣла союза. Что касается до охранныхъ отдѣленій, то они развили свою дѣятельность до предѣловъ невозможнаго. Достаточно пересказать здѣсь запросъ Столыпину о дѣйствіи нач. варшавскаго охраннаго отдѣленія, подославшаго къ полит. заключенной агента подъ видомъ пом. прис. повѣреннаго Пассека. Въ тюрьму является молодой человѣкъ во фракѣ, съ университетскимъ значкомъ (здѣсь кстати сказать, что на службѣ деп. полиціи числится около сотни лицъ съ высшимъ образованіемъ, т. что въ агентскомъ значкѣ фальши можетъ быть и не было) и рекомендуется подсудимой помощникомъ Пассека. Послѣдняя откровенно разсказываетъ ему о своемъ участіи въ покушеніи на г. Скалона, называетъ товарищей и т. д., а за стѣной слова ея записываются жандармскимъ офицеромъ и другимъ агентомъ. Потомъ мнимый защитникъ проситъ дать ему письменное показаніе (для «патрона») и въ тотъ же день Пассека арестуютъ и сажаютъ въ ту же тюрьму (чтобы подтвердить слова агента о его болѣзни?); черезъ три недѣли адвоката освободили и онъ успѣлъ даже подать въ судъ, на процессъ своей подзащитной, гдѣ и выяснилась махинація охраннаго отдѣленія. Департаментъ полиціи, откуда и исходило это разложеніе полицейскихъ нравовъ, также находится въ тѣсномъ единеніи съ черной сотней. Такъ, когда извѣстный Тополевъ, одинъ изъ убійцъ Герценштейна, былъ арестованъ за буйство въ пьяномъ видѣ на ст. Лопасня и доставленъ въ Тулу, его освобожденіемъ распорядился именно департаментъ; да иначе и не могъ поступить, разъ его агенты орудовали въ Теріокахъ въ одной компаніи съ Тополевымъ, Ларичкинымъ (нынѣ самъ выразилъ желаніе дать суду показанія, компромстирующія союзъ), Красковскимъ и др... Въ низшихъ инстанціяхъ все дѣлалось еще откровеннѣе; такъ, арестованные по распоряженію губернатора мелитопольскіе союзники, производившіе избіеніе выборщиковъ евреевъ во вторую Государственную Думу, подали губернатору прошеніе, въ которомъ заявили, что избіенія производились по распоряженію исправника Матюшина; главари союза, Найденовъ и Ключниковъ, удостовѣряютъ въ этомъ прошеніи, что исправникъ пригласилъ ихъ передъ выборами въ полицейское управленіе и предложилъ организовать изъ среды членовъ союза группу избивателей, обѣщая, въ случаѣ успѣха, хорошее вознагражденіе. Мы нисколько не сомнѣваемся, что Матюшинъ дѣйствовалъ на свой страхъ, но то обстоятельство, что такія

распоряженія могли приходить въ администраторскія головы, лучше всего указываетъ на общій духъ того времени, вѣявшій между департаментомъ полиціи, гдѣ печатались погромныя прокламаціи, и уѣздными полицейскими управленіями. Зато малѣйшее отклоненіе отъ указаннаго свыше направленія заставляло уже подозрѣвать кадетскую крамолу и тутъ мѣры были иныя; у казанскаго полицеймейстера даже производится жандармскій обыскъ, послѣ котораго отставка неминуема; недѣятельныхъ, въ извѣстномъ смыслѣ, чиновъ полиціи переводятъ въ захолустья, и отказъ отъ участія въ союзѣ р. н. всегда почитался за признакъ такой недѣятельности; поэтому, положеніе тѣхъ чиновъ полиціи, которые добросовѣстно исполняли текущія свои обязанности, не вмѣшиваясь въ политическую борьбу, было очень тяжело, особенно въ матеріальныхъ отношеніяхъ; чины, награды, пенсіи усиленныя,—все это шло мимо нихъ. Въ самое послѣднее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возбужденъ вопросъ о реорганизаціи полиціи, путемъ очистки ея отъ грубыхъ, преступныхъ и некультурныхъ элементовъ. Сенаторъ Крыжановскій, извѣстный иниціаторъ избирательныхъ «разъясненій» и т. под. маневровъ, устанавливаетъ фактъ всеобщаго недовѣрія, даже враждебности къ полиціи, считаетъ, что уже самая форма одежды ея внушаетъ гражданамъ отвращеніе и предлагаетъ, переодѣть городовыхъ на англійскій, должно быть, манеръ. Но въ Англіи городовой, знаменитый «бобби», является другомъ и защитникомъ всякаго обиженнаго, и если его одѣть въ форму нашихъ полицейскихъ, не утратитъ своихъ качествъ; поэтому нечего и на обратное уповать. Тамъ митинговъ оружіемъ не разгоняютъ, въ дома не врываются безъ судебнаго приказа, въ погромахъ и экспропріаціяхъ не участвуютъ; тамъ начальники провинціальной полиціи не ставятъ на колѣни и не рубятъ беременныхъ женщинъ (Мизгайло, въ Гомелѣ), словомъ, тамъ царитъ законъ, а не произволъ. Въ этомъ отношеніи и конституція не несетъ съ собой панацеи; нужны долгіе годы для того, чтобы измѣнить полицейскій строй Россіи; болѣзнь входила послѣднее время пудами, а будетъ выходить золотниками. Когда дождешься, напр., чтобы не закрывали художественной выставки (да еще академической) изъ-за «политическихъ» сюжетовъ одной—двухъ картинъ; понимали бы, что «Горе отъ ума» ничего нецензурнаго въ себѣ не заключаетъ (полтавскій полицеймейстеръ); чтобы не стрѣляли въ людей и не убивали ихъ за одинъ отказъ только въ выдачѣ не существующихъ «зачинщиковъ» (Басанько въ черниг. губ.); не ставили военнаго постоя за недоимки (Сосновицы), не убивали человѣка за отказъ показать городовому книжку, оказавшуюся «Хозяиномъ и работникомъ» гр. Л. Толстого; чтобы вообще не дѣлали вещей, для

полицейскаго же дѣла вредныхъ и безвыгодныхъ, а просто исполняли бы общіе законы, которые вовсе ужъ не такъ плохи и которые совсѣмъ не нуждались въ замѣнѣ ихъ исключительными въ 1899 году.

Вѣдь, право же, странно читать въ XX вѣкѣ хотя бы такое письмо крестьянина, спокойный тонъ котораго наводитъ на мысль, что описываемыя явленія стали уже обыденными. «Дорогой братецъ, увѣдомляемъ васъ нерадостною вѣстью, что у насъ 4 января (906 г.) въ нашемъ коровинскомъ обществѣ бѣда случилась такая, братецъ, что за слезами не могу вамъ всего рязъяснить и разсказать. Въ поляковской конторѣ были наняты стражники-солдаты, человѣкъ тридцать, и они ѣздили по деревнямъ и отбирали экономическій лѣсъ. Поляковскіе приказчики нанимали возчиковъ, они ѣздили не одни, ѣздилъ съ ними становой приставъ и также урядники. То вотъ пріѣхали 4 января въ нашу деревню, то становой и солдаты остановились въ концѣ деревни, около гамазеи. А у насъ въ это время была сходка, то прибѣгаетъ волостной старшина на сходку и говоритъ на сельскаго: «Тебя приставъ требуетъ», то онъ побоялся одинъ итти, взялъ съ собой нашего батьку, еще Андрея, Никанорова свекра. Когда подошли они къ приставу, стали на колѣни и сказали: «Что вамъ надо?» Въ это время наши шли всѣ со сходки послушать, что будутъ говорить, то становой, когда увидѣлъ народъ, закричалъ: «Нейдите вблизь!», но наши шли послушать, то онъ обратился къ солдатамъ и скомандовалъ: «Бить съ боевыхъ патроновъ!» Тогда, дорогой братецъ, зазвенѣли пули, какъ градъ. Въ одну минуту убили одиннадцать человѣкъ и 12 ранено. Первымъ убитъ Кузьма Ник., Филиппъ Васильевъ, Андрей Никаноровъ, Семенъ Андреевъ и Матвѣй Андреевъ, и сватъ нашъ, Петръ Григорьевъ, и братенника нашего убили, Ивана Осипова и съ женою, и съ мачехою убили, и отца вашего крестнаго, но сейчасъ еще живъ, ногу совсѣмъ отбили, и пуля прошла изо рта въ шею, но насъ Господь сберегъ, въ самомъ огню были. Раненъ у насъ Ульянъ Сергѣевъ, Михайло Сергѣевъ, Семенъ Осиповъ и жена его и Ив. Матвѣевъ, Данило Андреевъ, Егоръ Никаноровъ и сынъ его, отецъ вашъ крестовый и жена его сильно ранены и Ив. Кузьминъ.—Эти всѣ сильно ранены, кто въ ногу, кто въ руку. Такъ, дорогой братецъ, не прогнѣвайся на насъ, что мы нескоро письмо писали, пять денъ тѣла лежали непохороненными. Когда было слѣдствіе, то пригнали три роты солдать и казаковъ и сѣкли насъ розгами отъ 15 лѣтъ и даже отца нашего сѣкли (25 розогъ), затѣмъ до свиданья», и т. д.

Съ другой стороны, не мало извѣстій было о бѣгствѣ со службы тѣхъ же стражниковъ, городовыхъ, становыхъ, земскихъ начальниковъ, офицеровъ арміи и флота... Приходилось давать усиленные

оклады и грозить лишеніемъ права на пенсію въ случаѣ выходовъ въ отставку; такъ вводился новый элементъ репрессіи—матеріальныя лишенія; и сколько нужно было имѣть въ эту печальную эпоху гражданскаго мужества, чтобы итти съ семьей навстрѣчу голоду, лишь бы не исполнять незаконныхъ требованій, не преступать элементарныхъ божескихъ законовъ! Понемногу очищался отъ всѣхъ лучшихъ силъ административный аппаратъ правительствъ Витте—Столыпина, и что мудренаго, что сенаторы-ревизоры характеризуютъ его въ выраженіяхъ болѣе опредѣленныхъ, чѣмъ тѣ, что мы позволяли себѣ здѣсь, вновь мысленно переживая эти недавнія сцены. Нелегкая задача предстоитъ будущему правительству—ввести этотъ аппаратъ въ конституціонное русло, вселить въ агентовъ власти основную истину, что не народъ для нихъ существуетъ, а они для народа. Но для этого нужно, чтобъ то же усвоило себѣ и само правительство.

5. СУДЫ.

До сихъ поръ предъ нами проходили элементы жизни подвижные, неустойчивые по самой своей природѣ. И политическія партіи, и правительство со всѣми его агентурами являются лишь отраженіемъ преходящихъ общественныхъ соотношеній и, какъ солнечные лучи въ многогранномъ стеклѣ преломляются въ повседневности, соотвѣтственно съ часомъ политическаго дня. Основами жизни могутъ быть только гражданскіе и божескіе законы, а ихъ служители одни *должны* оставаться безстрастными наблюдателями происходящихъ событій, какъ стража маяковъ, поддерживающая ровный свѣтъ въ нихъ, несмотря ни на какія бури. И пока сторожа на мѣстахъ, пока они не сброшены съ высоты порывовъ вѣтра, не бѣжали, поддавшись страху или соблазненные пиратами, которымъ выгодно крушеніе кораблей въ ночной тьмѣ, до тѣхъ поръ нѣтъ поводовъ тревожиться за судьбу послѣднихъ. Но если не только нѣтъ никого у огня, но и стекла фонарей разбиты, и буря весело завываетъ надъ потухшими фитилями, то горе экипажамъ судовъ; долгіе часы смертельной тоски предстоятъ имъ до разсвѣта, и кто можетъ сказать,—много ли къ тому времени уцѣлѣетъ? Намъ предстоитъ увидѣть сейчасъ, что сталось съ русскимъ судьей и священникомъ въ эти бурные годы; другими словами, суды и духовенство наши могутъ ли быть тѣми воспитателями народа, безъ которыхъ онъ обрекается на анархію и дѣлается игралищемъ въ чужихъ рукахъ? Пока остановимся на судахъ.

Всѣмъ извѣстно, что реакція восьмидесятыхъ годовъ тяжело отозвалась на судебномъ вѣдомствѣ. Изъятіе политическихъ дѣлъ изъ компетенціи суда присяжныхъ было явнымъ признакомъ недовѣрія

и страха правительства и вырывало между нимъ и народомъ глубокій ровъ; оставалось только поднять мосты, чтобы замкнуться въ крѣпости, и закрытіемъ дверей суда совершали и этотъ актъ. Умный и беззастѣнчивый реакціонеръ, Н. В. Муравьевъ, въ бытность свою министромъ юстиціи первый разработалъ почву и посѣялъ въ нее тѣ сѣмена, которыя такъ пышно взошли при его замѣстителяхъ; но время дѣйствія было слишкомъ коротко для того, чтобы выдергать вонъ старыя посадки; поколѣніе судей, къ которому принадлежалъ самъ министръ, продолжало еще жить; надежда была на новое, воспитавшееся въ веденіи политическихъ дѣлъ. Пріемъ былъ элементаренъ: дѣлали карьеру тѣ, кто велъ политическія дѣла, остальные терпѣлись до поры до времени; и пора эта приспѣла какъ разъ къ введенію той самой конституціи, которая «увѣнчивала» зданіе, заложенное творцомъ судебныхъ уставовъ 64 г.; — судьба народовъ не лишена горькой ироніи. Милость и правда, которыя, по мысли законодателя, должны были *царствовать* въ судахъ, перешли на положеніе пасынковъ передъ новымъ, законнымъ дѣтищемъ реакціи, не имѣвшимъ опредѣленныхъ чертъ и носившимъ столь же расплывчатое имя «видовъ правительства». Служеніе Ѳемидѣ постепенно тускнѣло, зато ярко выступало служеніе «видамъ». Этой тенденціей и проникнуты всѣ распоряженія и правительственные акты, относящіеся къ судебному вѣдомству. Начать съ того, что циркуляромъ министра юстиціи отъ 27-го ноября 1905 г. (въ которомъ, между прочимъ, указывается на предстоящее *уменьшеніе* области примѣненія административныхъ взысканій!) предписывается образовать особыя присутствія (палатъ и судовъ) для скорѣйшаго разбора и рѣшенія политическихъ дѣлъ. Тутъ же указываются и способы къ ускоренію производства. Манухинъ не устаетъ, однако, въ этомъ циркулярѣ говорить о началахъ манифеста и не скупится на высокія слова, выражая надежду на то, что прокуроры «окажутся на высотѣ упадающей нынѣ на всѣ судебныя установленія важной задачи отстоять въ дни смуты и общественнаго потрясенія высокіе и вѣчные интересы права и законности». Но настоящаго довѣрія не наблюдалось. Пришлось внести въ совѣтъ министровъ проектъ, по которому на судебныя должности могутъ приниматься также лица, не прошедшія полнаго курса, т. к., дескать, въ послѣднее время ощущается большой недостатокъ въ «благонадежныхъ» чиновникахъ. Прокурорамъ же (тов.), ведущимъ политич. дѣла, особымъ циркуляромъ министра предписывается зорко слѣдить за чиновниками и писцами и хранить ключи отъ шкафовъ съ нарочитымъ вниманіемъ. Въ то же время старшему предсѣдателю моск. суд. палаты, сенатору Арнольду, Акимовъ, новый министръ юстиціи (а нынѣ предсѣдатель Госуд. совѣта, неоднократно вызывав-

шій конфликты своимъ рѣзкимъ отношеніемъ къ ораторамъ центра и лѣвой совѣта) «ставитъ на видъ» устройство совѣщаній чиновъ суд. вѣдомства и адвокатуры, послѣ 17-го октября; совѣщанія имѣли цѣлью выясненіе коренныхъ нуждъ въ области правовой жизни. Такимъ образомъ, вступленіе въ должность Акимова значительно раскрыло отношеніе правительства къ суду и отразилось, прежде всего, на кандидатахъ; такъ, изъ петерб. суда ушли тогда же всѣ сколько-нибудь прогрессивные кандидаты на судеб. должности, при чемъ даже изъ оставшихся не всѣ соглашались итти на мѣста т. наз. «аграрныхъ» слѣдователей, несмотря на откровенное заявленіе министра, что «отъ васъ самихъ зависитъ обратить невыгоды командировки въ выгоды (!)». Да и не одни кандидаты «свое сужденіе» имѣли. Чины магистратуры и прокуратуры бакинскаго окр. суда, въ резолюціи 4-го декабря 905 г. предпосылаютъ 13 пунктамъ, излагающимъ общія правовыя нормы, слѣдующія слова: «...несмотря на возвѣщенный манифестомъ 17-го октября конституц.-правовой строй..., по прежнему кровопролитная смута раздираетъ наше отечество. Изслѣдуя причину этихъ печальныхъ событій, собравшіеся усматриваютъ ее, главнымъ образомъ, въ томъ, что начала, провозглашенныя ман-мъ, остаются до настоящаго времени лишь благими пожеланіями, непроводимыми съ надлежащей послѣдовательностью въ жизнь. Въ виду этого собраніе твердо заявляетъ, что оно отнынѣ считаетъ всѣ дороги къ прошлому закрытыми, а потому всякія покушенія и попытки, отъ кого бы они ни исходили, хотя бы къ частичному возстановленію стараго режима административнаго усмотрѣнія и бюрократическаго произвола, встрѣтятъ со стороны судебныхъ дѣятелей единодушный отпоръ всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи законными средствами». Однако «реальное соотношеніе силъ» слагалось не въ пользу этихъ протестантовъ. Къ концу 905 г. въ министерствѣ юстиціи накопилась уже порядочная коллекція донесеній прокуроровъ палатъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи; многіе изъ прокуроровъ настойчиво просили о назначеніи сенаторскихъ ревизій, т. к. безъ этого безпристрастнаго разслѣдованія истина не можетъ быть раскрыта, благодаря сильному давленію высшей администраціи на населеніе. Просьбы эти не были, конечно, уважены;—мало того, приходилось испытать на себѣ самихъ это административное давленіе. 4-го января 1906 г. томскій ген.-губернаторъ Бирюковъ получилъ слѣдующую депешу отъ командующаго войсками сибирск. округа: «Предлагаю вамъ немедленно передать предсѣдателю окружнаго суда Витте, что я устраняю его отъ должности съ тѣмъ, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Томска внѣ предѣловъ Сибири въ теченіе не болѣе сорока восьми часовъ; въ случаѣ сопротивленія примѣнить силу для принужденія къ исполненію моего при-

казанія. Сухотинъ». Къ этому извѣстію юридическій журналъ прибавляетъ: «Даже въ наше башибузуцкое время трудно себѣ представить, чтобы скромный, спокойный, безгранично преданный своему долгу человѣкъ могъ быть выгнанъ, какъ послѣдній хулиганъ, распоряженіемъ сибирскаго проконсула... Но дѣло не въ личности Витте, конечно.... Въ сущности говоря, послѣ такихъ фактовъ, какъ увольненіе предсѣдателя суда распоряженіемъ команд. войсками, сопровождаемое изгнаніемъ его изъ края, точно онъ конокрадъ или поджигатель, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что ни правосудіе, ни органъ его—судеб. вѣдомство—у насъ болѣе не существуютъ. И роль министра юстиціи сводится къ тому, чтобы быть передаточной инстанціей для приказаній, получаемыхъ отъ неограниченныхъ «администраторовъ», обладающихъ властью по «захватному праву»... («Право», 906. № 3). Эти рѣзкія и горькія слова были весьма близки къ истинѣ. Съ 906 года гоненіе на судей становится открытымъ и впослѣдствіи, въ дѣлѣ Скарятина и др. получаетъ и сенатскую санкцію.

«Одесск. Новости» сообщаютъ, что одинъ изъ полицейскихъ приставовъ заявилъ тов. прокурора Абрашкевичу, собравшему богатый матеріалъ для выясненія *провокаціи* еврейскаго погрома въ Одессѣ, что если онъ не уничтожитъ собранныхъ документовъ, то его жизни будетъ угрожать опасность. Это—простѣйшій видъ «административнаго давленія». Членъ харьковск. окр. суда Миклашевскій привлекается въ концѣ января 906 г. къ отвѣту за устройство милиціи въ октябрьскіе дни и рѣчи на митингахъ. 2-го марта онъ уже увольняется, по распоряженію высш. дисциплин. присут. Сената по 2 п. 2952 ст. ст. учр. суд. уст., лишающей судей ихъ званія въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказываются «недостойнымм довѣрія и уваженія общественнаго». По обычной въ то время практикѣ, общество выразило этому судьѣ *особливое* «довѣріе и уваженіе», избравъ его въ члены первой Думы, и не поскупилось на знаки тѣхъ же чувствъ по отношенію къ памяти Миклашевскаго, когда онъ, въ 909 г., скончался. Уволенный за *присутствіе* на митингѣ и разъясненіе народу манифеста (въ предотвращеніе погрома въ г. Балтѣ) судеб. слѣдователь Ненашевъ пишетъ, между прочимъ, въ своемъ сообщеніи журналу «Право» (906. № 4): «...Пусть же общество знаетъ, что между жандармскимъ и судебнымъ вѣдомствомъ, въ лицѣ Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, произошло сближепіе, при чемъ нс судъ подчинилъ своимъ принципамъ основы жандармскаго вѣдомства, а, наоборотъ, принципы жанд. вѣдомства усвосны кам.-под. окр. судомъ». Тотъ же ген. Сухотинъ выселяетъ «въ 48 ч.» изъ предѣловъ Сибири и устраняетъ отъ должности суд. слѣд. томскаго суда, Иващенко (дѣло о сожженіи тысячи душъ Азанчевскимъ). Прокурору тифлисск. суда Воронову дается семи-

дневный срокъ на подачу въ отставку (присутствіе на митингѣ) и т. д. Пріемы высшей власти повторялись на ея низахъ въ преувеличенномъ видѣ; такъ, увольненію безъ объясненія причинъ бобровскаго городск. судьи Шестернина (былъ выборщикомъ отъ Боброва) предшествовалъ обыскъ, произведенный исправникомъ Алфимовымъ въ моментъ открытія судьей судебнаго засѣданія; несмотря на протесты Шестернина, что полиція не смѣетъ мѣшать отправленію правосудія, исправникъ, съ угрозой арестовать судью, все-таки произвелъ обыскъ какъ въ квартирѣ судьи, такъ и въ камерѣ его, въ присутствіи публики, собравшейся на разборъ. Обыскъ не далъ результатовъ. Въ отвѣтъ на жалобу Шестернина на исправника послѣдовало увольненіе его самого. Прокуроръ калишскаго суда Скарятинъ отстраненъ былъ сначала на время военнаго положенія, а потомъ и вовсе. Уволенъ членъ елецкаго суда, бар. Врангель, сенатомъ. За принадлежность къ к.-д. уволены члены екатеринб. окр. суда Веселовъ и Квашнинъ. Послѣ двухъ безрезультатныхъ обысковъ уволенъ, по предписанію Щегловитова, суд. слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Минченко (Кіевъ), причемъ даже начальство его просило объ отмѣнѣ этого распоряженія; Минченко тоже пользовался *особымъ* уваженіемъ общества. Переведены и вышли въ отставку за принадлежность къ к.-д. члены полтавскаго суда Старицкій и Струве. Около этого времени бѣгство въ адвокатуру принимаетъ уже повальные размѣры. За одинъ октябрь 906 г. въ одинъ совѣтъ прис. повѣренныхъ округа петерб. суд. палаты подано было 71 прошеніе о принятіи въ сословіе, изъ нихъ 16 принадлежали чинамъ гражданской и военной юстиціи; почти всѣ были вынуждены оставить службу подъ вліяніемъ существующаго режима. Въ то же время расширяется и область судейской крамолы; въ Липовцѣ товарищу прокурора Черкасскому предложено подать въ отставку за то, что онъ оспаривалъ право полиціи избивать толпу плетьми. Уволены Духанинъ (Елисаветполь) и Поповъ (Уфа) безъ прошеній. И т. д. и т. д. Вступаются въ дѣло, понятно, и союзники, въ угоду которымъ не останавливаются и передъ вызовомъ въ Петербургъ прокуроровъ суд. палатъ (Кіевъ и др.). Наконецъ, Москва теряетъ почти одновременно двухъ лучшихъ представителей суда, ст. предс. палаты Ѳ. Ѳ. Арнольда, извѣстнаго своимъ безпристрастіемъ въ веденіи дѣлъ о погромахъ и предс. окр. суда, Н. В. Давыдова, на котораго также были сердиты за митинги и т. п. дѣла.

Мы далеко не исчерпали синодика м-ства юстиціи. Были случаи арестовъ слѣдователей (Говоровъ); пренебреженіе къ судейскому званію проникало все глубже, встрѣчаемъ арестъ слѣдователя простымъ офицеромъ карательнаго отряда; да такъ еще настойчивъ былъ офицеръ, что насилу министръ юстиціи добился освобожденія своего чи-

новника. Немногимъ лучше было положеніе и выборныхъ судей (Петербургъ и Москва). Попробовали они осуществлять право свое провѣрять правильность содержанія арестованныхъ,—запретили особымъ циркуляромъ, другими словами—отмѣнили *при Думѣ* законъ; послѣ этого нечего было дивиться тому, что и самые мировые уставы были окорачиваемы ген.-губернаторами, и юрисдикція судей переходила въ лоно администраціи. Туда же, въ концѣ концовъ, попала и русская адвокатура. Въ началѣ конституціоннаго періода и судьи, и адвокаты не однократно выступали съ заявленіями, аналогичными съ заявленіемъ бакинскихъ чиновъ суд. вѣдомства; такъ, 52 петербургскихъ судьи напоминаютъ министру юстиціи, что «каждый часъ промедленія влечетъ насъ къ гибели» (что касается до самихъ судей, то они влеклись къ гибели безъ особаго промедленія). Московскій съѣздъ мировыхъ судей въ пространномъ и превосходно обоснованномъ постановленіи по поводу сенатскаго толкованія о принадлежности къ политическимъ партіямъ лицъ суд. вѣдомства, отказался отъ принятія къ исполненію сенатской резолюціи и вошелъ къ министру юстиціи съ «представленіемъ» о возникшемъ «сомнѣніи». Выносятъ подобныя же резолюціи самарскіе, таврическіе адвокаты. Но... адвокатовъ по политическ. дѣламъ обыскиваютъ и арестовываютъ, не допускаютъ вовсе къ защитѣ (въ нѣкоторыхъ военныхъ судахъ), и вообще преслѣдуютъ, какъ особенно опасныхъ крамольниковъ, прячущихся за своими совѣтами; поэтому добираются и до самихъ совѣтовъ; рѣшительная иркутская администрація такъ расчистила мѣстный совѣтъ арестами предсѣдателя и членовъ, что совѣтъ упразднился и его функціи перешли къ иркутскому суду. Верхомъ настойчивости въ репрессіи были однако не эти аресты и даже не разстрѣлы адвокатовъ карательными отрядами (Тарыковъ,—отрядомъ Римана), а оштрафованіе адвоката Шатова за рѣчь *въ судѣ* тамбовскимъ губернаторомъ Муратовымъ, бывшимъ прокуроромъ ярославскаго суда и излюбленнымъ сюжетомъ карикатуръ въ «Ярославской Колотушкѣ». Это невѣроятное происшествіе вызвало нѣкоторое смущеніе даже въ м-ствѣ внутр. дѣлъ, не говоря о негодованіи въ м-ствѣ юстиціи; поговаривали объ отставкѣ Муратова, но тутъ вступился, какъ во всѣхъ случаяхъ открытаго беззаконія властей, союзъ р. народа и губернаторъ преблагополучно продолжалъ свою полезную дѣятельность. Наконецъ, въ самое послѣднее время разыгрался еще болѣе крупный скандалъ съ привлеченіемъ къ суду за рѣчь во время защиты пр. пов. Гиллерсона, т. к. дѣло было принято къ разсмотрѣнію судебной палатой и предстоитъ теперь его рѣшеніе. Въ виду принципіальной важности дѣла, всѣ совѣты прис. повѣренныхъ посылаютъ на процессъ своихъ представителей, какъ защитниковъ Гиллерсона. Вообще говоря, политическіе процессы,

искусственно выдѣленные изъ обычныхъ функцій суда, естественно должны были приводить къ рѣзкостямъ съ обѣихъ сторонъ, къ конфликтамъ, изъ которыхъ адвокатура всегда выходила физически, такъ сказать, побѣжденной. Всякій пойметъ, что прерываніе рѣчи, допустимое только для одной стороны, одно уже можетъ раздражить и вывести изъ себя даже уравновѣшеннаго и опытнаго защитника. Предсѣдатели судовъ и палатъ часто бывали не на высотѣ безпристрастія, которое характерно сказалось на процессѣ Лопухина: предсѣд. Варваринъ совершилъ именно то самое беззаконіе, противъ котораго протестовалъ *Варваринъ же, въ томъ же Сенатѣ,* нѣсколько ранѣе. Но чтобы одновременно покидали засѣданіе суда всѣ стороны, и защитникъ, и обвинитель, и судьи—это, кажется, только въ нашей русской практикѣ встрѣчается; а былъ такой случай: въ ярославскомъ окружномъ судѣ, вслѣдствіе незаконныхъ дѣйствій предсѣд. Архангельскаго при допросѣ свидѣтелей по дѣлу о сопротивленіи крестьянъ становому приставу, покинули залъ засѣданія, вмѣстѣ съ защитниками, члены суда Григорьевъ и Ковалевскій и тов. прокурора Кратировъ! Дѣло пришлось отложить. Что случалось допускать чтеніе приговора *не по тому* дѣлу, которое разбиралось, и даже *засыпать* во время засѣданія, то это можно отнести къ переутомленію предсѣдателей, которые, какъ и всѣ вообще чины суд. вѣдомства, завалены работой сверхъ всякой человѣческой мѣры.

Пойдя навстрѣчу тенденціи правительства ввести въ юстицію политику, судъ не только долженъ былъ потерять добрую часть своей самостоятельности, но рисковалъ оказываться въ положеніяхъ, которыя всякому юристу, какъ и всякому гражданину, должны казаться настоящими трагедіями. Приведемъ только одну изъ нихъ. Шло дѣло о забастовкѣ на полѣсскихъ ж. д. (виленская суд. палата). Послѣ постановки палатой вопросныхъ пунктовъ, пр. пов. Переверзевъ просилъ отъ лица всей защиты пересоставить ихъ, въ виду неясности и отсутствія конкретныхъ обвиненій. Обвинитель, Скопинскій, подтвердилъ, что фактовъ, уличающихъ подсудимыхъ по 126 ст., *у него нѣтъ,* т. к. ни одинъ изъ свидѣтелей обвиненія никакихъ уликъ не приводилъ, а всѣ они опирались исключительно на свои впечатлѣнія. Послѣ этого заявленія прокурора, равносильнаго отказу отъ обвиненія, сенаторъ Карновичъ обратился къ *защитѣ* съ просьбой притти на помощь палатѣ и указать, какъ и въ какомъ видѣ оформить, согласно съ указаніемъ сената о конкретизаціи, вопросные пункты. На это Переверзевъ отвѣтилъ: «Если судъ не знаетъ, какъ конкретно описать вмѣняемость подсудимымъ дѣянія, то какъ же можетъ онъ ихъ судить?» — Трудно,—говоритъ очевидецъ,—передать то волненіе, которое охватило переполненную залу при этомъ вопросѣ. На нѣсколько секундъ

воцарилось тяжелое молчаніе, и сен. Карновичъ вышелъ изъ затрудненія только тѣмъ, что отложилъ засѣданіе до другого дня. А на другой день судъ оправился и отказалъ защитѣ въ пересоставленіи.

Спускаясь по такой плоскости, немудрено было дойти до возвращенія прошеній, написанныхъ безъ твердыхъ знаковъ, что случилось въ IV отдѣленіи (гражд.) москов. суд. палаты, ибо отношенія магистратуры и защиты все болѣе обострялись. Нервы у всѣхъ были тогда испорчены и напряжены до послѣдней степени; всѣ торопились, слѣдствія, и предварительное, и судебное, страдали отъ этой скорости; въ огромной массѣ подсудимыхъ естественно возросталъ процентъ невиновныхъ и легко понять раздраженіе послѣднихъ противъ суда; дошло однажды до того (Курскій окр. судъ, сессія въ г. Тимѣ), что послѣ прочтенія приговора, которымъ всѣ обвинявшіеся (въ разбойномъ нападеніи) присуждались къ каторгѣ, одинъ изъ подсудимыхъ, со словами: «Я не виноватъ!» бросился къ секретарскому столу, схватилъ зерцало и бросилъ имъ въ судей; но по счастію промахнулся, а зерцало вдребезги разбилось объ полъ.

Администрація вмѣшивалась во всѣ детали отправленія правосудія, закрывала двери, когда хотѣла (Дубасовъ), и сама входила въ засѣданія, въ закрытыя судомъ засѣданія, несмотря на протесты предсѣдателей (Рынкевичъ); она изгоняла судей за крамолу, изгоняла и за вѣроисповѣданіе; такъ, извѣстный по изобличеніямъ въ рядѣ самоуправствъ харьковскій ген.-губернаторъ Пѣшковъ, нынѣ убранный, приказалъ уволить секретаря суд. палаты, Фурмана, только потому, что онъ былъ евреемъ, а старш. предс. палаты приказъ этотъ исполнилъ, и человѣка, четыре въ половиной года прослужившаго безъ замѣчаній, выгнали. Приходилось, однако, подвергаться и худшему давленію. У кіевскихъ помѣщиковъ Бродскихъ была разгромлена усадьба; защищаясь отъ крестьянъ, Григ. Бродскій убилъ одного крестьянина и былъ судомъ присяжныхъ оправданъ. Мѣстные союзники не могли вынести оправданія еврея, и подняли шумъ въ своей печати, настаивая на обжаловании прокуроромъ приговора; а прокуроръ вовсе и не собирался этого дѣлать; тогда вступается Пуришкевичъ, въ то время уже успѣвшій отдѣлиться отъ союза и основать свой собственный, «Михаила Архангела» (нынѣ лопнувшій, какъ и пресловутый Меньшиковскій союзъ «св. Ольги»), и дѣлаетъ «запросъ» прокурору кіевской палаты; тотъ направляетъ его къ министру юстиціи; приходится торопиться, п. что кіевскіе союзники сообщаютъ, что прокуроръ попрежнему не хочетъ обжаловать приговора. Полтора часа бесѣдуетъ депутація «архангельцевъ» съ Щегловитовымъ и сами члены ея объявляютъ, что министръ обѣщалъ сдѣлать все, отъ него зависящее, для пересмотра дѣла и заявилъ, что онъ объ этомъ телеграфируетъ про-

курору. Такимъ образомъ, положеніе чиновниковъ суд. вѣдомства было очень затруднено; нельзя требовать полнаго гражданскаго мужества отъ людей, зарабатывающихъ службой насущный хлѣбъ своихъ семей. Къ чести вѣдомства слѣдуетъ сказать, что традиціи славнаго прошлаго русскаго суда не были вовсе искоренены Муравьевымъ — Акимовымъ —Щегловитовымъ и огромное большинство магистратуры и судей сохраняло и въ данномъ безотрадномъ состояніи нелицепріятіе и извѣстную брезгливость; это чувствовалось, конечно, и въ высшихъ судебныхъ сферахъ, почему и случалось, что приходилось разыскивать людей чуть не по всѣмъ округамъ для обвиненія въ извѣстныхъ процессахъ; такъ было и съ выборгскимъ дѣломъ, когда заварившій эту непріятную для правительства кашу Камышанскій уклонился отъ личнаго выступленія; вышла и тутъ неудача, ибо Камышанскій сѣлъ суфлировать обвинителю и научилъ его начать рѣчь съ указанія на слова, якобы произнесенныя С. А. Муромцевымъ въ Выборгѣ: «Засѣданіе Государственной Думы продолжается», чего, понятно, не было,—безсмыслица этого анекдота понятна всякому. Поднялся шумъ и пришлось прокурору признаться, что онъ только «слышалъ объ этомъ».

Примѣчательно, однако, что въ то время, какъ судъ все болѣе и болѣе удалялся отъ началъ правосудія и, въ частности, отъ началъ октябрьскаго манифеста, за бѣдную Ѳемиду вступались такъ наз. «судьи съ улицы»—присяжные засѣдатели. За короткое время мы насчитали около десятка случаевъ, когда, послѣ приговора, присяжные подавали предсѣдателю резолюціи, въ которыхъ излагали желанія видѣть право водвореннымъ на свое мѣсто и судъ въ достойномъ его одѣяніи нелицепріятія основаннаго на несмѣняемости, гласности и т. п. Изъ одного такого заявленія можно заключить кстати и о степени разложенія административныхъ нравовъ. За подписью 15 ч. присяжныхъ засѣдателей предсѣдателю Харьковскаго окр. суда было подано въ октябрѣ 908 г. слѣдующее заявленіе (одновременно со взносомъ 26 р. въ пользу колоніи малолѣтнихъ преступниковъ): «Въ судебной хроникѣ «Харьк. Губернск. Вѣдомостей» (для неосвѣдомленныхъ читателей прибавимъ, что «Губерн. Вѣдомости» издаются на казенный счетъ и являются оффиціозами. В. О.), за №№ 10, 11 и др. мы, присяжные засѣдатели, въ виду вынесенныхъ нами по совѣсти вердиктовъ называемся «друзьями героевъ ножа, браунинга, темной ночи» и другими оскорбительными выраженіями. Обливая грязью настоящій составъ присяжныхъ засѣдателей, эта оффиціальная газета позволила себѣ, между прочимъ, оскорбить нашего уважаемаго товарища, профессора А. П. Грузинцева, задѣвая какъ его семейную жизнь, такъ и общественную дѣятельность. Глубоко возмущаясь такимъ поведеніемъ оффи-

ціальной газеты, мы, прис. засѣдатели, составляя нераздѣльную часть суда съ коронными судьями и желая на будущее время оградить судъ присяжныхъ,—этотъ важнѣйшій институтъ культурной жизни,—отъ нападокъ оф. газеты, долженствующей, казалось бы, не итти въ разрѣзъ съ закономъ и освященными имъ установленіями, мы, вѣря въ солидарность съ нами коронныхъ судей, просимъ окруж. судъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ редактора «Хар. Губ. Вѣдомостей» на осн.» (слѣдуютъ статьи и сенатская практика). Предсѣдатель принялъ это заявленіе для передачи прокурору. Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно.

Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ положеніи находился судъ, этотъ «важнѣйшій институтъ культурной жизни». Если припомнить здѣсь заключеніе циркуляра г. Щегловитова отъ 19-го іюля 1906 г. (послѣ роспуска первой Думы), то нельзя будетъ не подивиться пути, по которому прошла такая эволюція. Министръ юстиціи выражалъ увѣренность, что судебное вѣдомство и впредь ни при какихъ обстоятельствахъ не забудетъ лежащей на немъ нравственной и судебной отвѣтственности предъ престоломъ, родиной и закономъ и всегда будетъ стоять выше колеблящихся и мѣняющихся общественныхъ движеній и настроеній, и партійныхъ вожделѣній». Казалось бы, чего лучше? И вотъ, за три года какая метаморфоза! Мы наудачу выбрали наиболѣе обыденные, а потому и типичные случаи нарушенія этихъ судебныхъ основъ, при чемъ именно подъ давленіемъ другихъ агентовъ власти и просто «партійныхъ вожделѣній». Вотъ въ чемъ, полагаемъ мы, и сказалась опасность черныхъ сотенъ: будучи лично безсильными, онѣ внесли разложеніе въ правительственные органы, которые руководились людьми, поддавшимися «партійнымъ вожделѣніямъ» союза р. н. и т. под. черносотенныхъ организацій; а поддались они вліянію ихъ потому, что вѣрили въ покровительство имъ высшихъ сферъ. Не устояло и судебное вѣдомство, не устоялъ и высшій его органъ, сенатъ. Мы уже знакомы съ его «разъясненіями» къ избирательному закону, выбросившими изъ политической жизни сотни тысячъ людей, вмѣсто того, чтобы расширить, согласно волѣ Монарха, ихъ кругъ привлеченіемъ новыхъ слоевъ населенія. Видѣли распубликованіе сенаторомъ избират. закона 3 іюля, составленнаго съ нарушеніемъ основныхъ законовъ имперіи. Видѣли сенаторскую коллегію на дѣлѣ А. А. Лопухина, съ настоящимъ издѣвательствомъ надъ подсудимымъ, вмѣсто непогрѣшимости и безстрастія. Приходится сказать, что былое уваженіе къ верховному судилищу подорвано и что реформа сената необходима, ибо зависимость сенаторовъ отъ министра юстиціи парализуетъ ихъ функціи и бросаетъ именно въ ту область «мѣняющихся» настроеній и «партійныхъ вожделѣній», отъ которой предо-

стерегалъ, въ своемъ циркулярѣ, чиновъ вѣдомства этотъ самый министръ. Говоря о Муравьевѣ, по поводу его смерти, «Право» указываетъ на его реакціонную политику, оговариваясь, что министръ считался либераломъ въ извѣстныхъ сферахъ, т. к. боролся за достоинство своего вѣдомства съ насѣдавшими сосѣдями, и прибавляетъ: «Нужно было конституціонное министерство Щегловитова, чтобы воздать должное Муравьеву. Въ этомъ отношеніи Муравьевъ умеръ въ благопріятный для себя моментъ. Да, въ тяжелое время реакціи онъ проявилъ несомнѣнно больше заботъ о русскомъ судѣ, больше думалъ о его достоинствѣ, чѣмъ это дѣлается теперь, въ обновленномъ строѣ, гдѣ судъ цѣликомъ поставленъ подъ чуждый ему контроль» (1908, № 49). Русскому современному суду, подвергающемуся нападкамъ и слѣва и справа, трудно было удержаться на нейтральной позиціи, а обостренный политическій моментъ государственной жизни мощно затягивалъ въ водоворотъ страстей и самихъ судей. Но не тѣми мѣрами, что мы видѣли, выводятся учрежденія изъ политической борьбы. У насъ самъ судъ былъ сдѣланъ орудіемъ партійной войны. И что же случилось? Не принеся никакой пользы поднявшимъ это тонко организованное орудіе, оно сломалось отъ перваго прикосновенія грубыхъ рукъ. Безъ традиціонной повязки Ѳемида неминуемо должна была попасть въ политическое болото и завязть въ немъ до поры до времени, потерявъ вѣсы. Такъ и взвѣшиваютъ теперь грѣхи наши... «на глазъ».

6. ДУХОВЕНСТВО.

Подобно тому, какъ внѣшняя война является экзаменомъ государственному строю, и революція всегда бываетъ провѣркой отношенія къ этому строю всѣхъ, слагающихъ государство, силъ. Уклониться отъ отвѣта нельзя никому. Особенному искусу подвергаются вчерашніе друзья и союзники правительства; а т. к. союзъ церкви и государства при всей противоестественности, т. сказать, его, являлся въ Россіи главной опорой стараго строя, то новыя отношенія ихъ послѣ манифеста 17 окт. должны были представить особый интересъ. Слѣдуетъ тутъ же сказать, что церковь съ честью вышла изъ труднаго испытанія. Совершенно сознательно и съ удивительной прямотой стала она на сторону крушившагося строя, защищая его своимъ тѣломъ отъ окончательнаго развала. Такъ могутъ поступать только близнецы, навсегда соединенные однимъ главнымъ нервомъ, разрывъ котораго равносиленъ смерти обоихъ. Поэтому не могло быть вопроса о причинахъ, направившихъ русское духовенство на черносотенную позицію; дѣло шло вовсе не объ уменьшеніи матеріальныхъ благъ

сельскаго духовенства, которое отъ освобожденія совѣсти могло только выиграть; теряли, вмѣстѣ съ властью, блага эти только высшія духовныя сферы, сплошь принадлежащія къ черному, монашествующему духовенству; и въ этомъ было полное сходство съ государствомъ, находившимся во власти небольшой группы безотвѣтственныхъ бюрократовъ. Обѣимъ сторонамъ можно было дышать только въ атмосферѣ поголовнаго невѣжества, двигаться только въ темнотѣ, импонировать массамъ голосомъ, а не внѣшнимъ, убогимъ видомъ. Октябрьскій же манифестъ подымалъ тысячелѣтній покровъ съ обоихъ близнецовъ сразу, и былое очарованіе, былой гипнозъ разсѣивались навсегда. Правительство уже нельзя было отожествить или смѣшать съ *государствомъ*, равно какъ и духовенство съ *церковью*, которой снова представлялась возможность самоуправленія въ чистомъ воздухѣ однихъ духовныхъ интересовъ. Государю Императору, озабоченному благомъ народа, угодно было обратить особливое вниманіе на эту сторону новаго строя и Онъ повелѣлъ созвать церковный соборъ незамедлительно. И въ то время, что чиновничество свело гражданскую и политическую свободу, дарованную въ 1905 г., къ современной реакціи, духовенство свело свободу совѣсти къ той же реакціи въ своей средѣ, отдаливъ созывъ собора ad calendas grecae и подмѣнивъ его отдѣльными съѣздами профессіональнаго характера, на которыхъ легко было инсценировать ту же пьесу, что такъ громко разыгрывалась въ черносотенныхъ организаціяхъ. Все это самымъ пагубнымъ образомъ должно было отразиться на народной жизни, гдѣ и безъ того не замѣчалось уваженія къ служителямъ церкви, гдѣ религіозность плотно переплеталась съ суевѣріемъ и гдѣ столько еще живыхъ слѣдовъ оставалось отъ язычества.

Итакъ, событія 905 года не разъединили церкви и государства; святителей, не боявшихся самостоятельныхъ выступленій, жизнь не выдвинула въ практическомъ XX вѣкѣ и типы Никона и Филиппа выродились въ Иліодоровъ и Восторговыхъ; тѣмъ болѣе, зато, опасна была наличность нѣсколькихъ служителей алтаря, соединявшихъ съ истинною религіозностью и крупное вліяніе, въ качествѣ духовныхъ ораторовъ или писателей. На нихъ-то прежде всего и устремилось вниманіе высшаго духовенства и можно ли было сомнѣваться въ исходѣ борьбы? Исторія и нравы духовенства, равно какъ и исторія абсолютныхъ монархій, всюду одинаковы и Россія не представляетъ исключенія; вездѣ церковь поддерживала самодержавіе, и вездѣ играла своими законами такъ же хорошо, какъ и бюрократизмъ. Во всѣхъ странахъ сохранились народныя поговорки, аналогичныя съ русскими: «законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло», «что намъ законы, намъ судьи знакомы» и т. под. Достаточно припомнить про-

цесъ Жанны д'Аркъ, ея сожженіе и оправданіе синодомъ почти того же состава; у насъ самихъ развѣ не жгли за двоеперстіе и не открывали ли потомъ мощей святыхъ, съ еретически сложенными перстами? Все зависитъ отъ господствующихъ въ данный историческій моментъ силъ; времена сожженія миновали, но безпринципность и корысть продолжаютъ царить, уничтожая препятствія на своемъ пути. Да еще и вопросъ, что мучительнѣй: короткія физическія страданія въ дыму костра или длительное созерцаніе голодной семьи своей, выброшенной на улицу однимъ почеркомъ архипастырскаго смиреннаго пера? Русское духовенство, пополняемое исключительно своими же потомками, давно выродилось въ касту, со всѣми ея недостатками; крѣпкая организованность, желѣзная дисциплина, возможность для каждаго достигнуть высшей власти, быстрое накопленіе матеріальныхъ кастовыхъ средствъ, обезпеченіе жизни послушнымъ и жестокость по отношенію къ непокорнымъ,—все дѣлало духовенство еще болѣе сильной поддержкой абсолютизма, чѣмъ чиновничество, лишенное кастоваго характера. Однако духъ крамолы оказался сильнѣе спертаго, тяжелаго воздуха традицій и духовенству грозитъ опасность въ своей же средѣ. Духовная школа не могла остаться внѣ вліянія гражданской жизни и переживаетъ теперь критическое время; никто, кромѣ лѣнивыхъ и тупыхъ, не хочетъ итти въ сельское духовенство и лучшія юныя силы систематически уплываютъ въ широкое море свободной отъ схоластическихъ путъ науки, чтобы потомъ служить народу на иныхъ путяхъ. Да и въ средѣ самого духовенства образуется основательный кадръ людей, поставившихъ духъ выше плоти, отринувшихъ матеріальныя выгоды въ пользу выгодъ моральныхъ; эти люди пользуются вліяніемъ среди паствы, разносятъ по странѣ свѣтъ вѣры, будятъ спящіе умы и совѣсти, сметаютъ за собой навсегда всякое мракобѣсіе. Это опасное положеніе господствующей церкви заставляетъ бороться, не покладая рукъ, съ внутренней крамолой, а явный неуспѣхъ раздражаетъ, диктуетъ необдуманныя рѣшенія, обостряетъ отношенія и зачастую ставитъ одну изъ сторонъ въ невыгодное, подчасъ комическое положеніе. Грубость и безцеремонность берутъ верхъ надъ дипломатикой, соръ ежеминутно выносится изъ избы на общую улицу и къ печальной картинѣ самоубійственныхъ актовъ правительства присоединяются такія же со стороны духовенства. Годы, отдѣляющіе насъ отъ манифеста 17 окт., отмѣчены злой и упорной борьбой синода съ прогрессомъ въ средѣ духовенства и настоящимъ гоненіемъ на бѣлую его часть; ибо монахи слишкомъ привязаны къ благамъ монастырскаго уединенія, чтобы позволить увлечь себя въ вольнодумство, диктующее безсребренность, воздержаніе отъ жирной пищи, умерщвленіе плоти и отверженіе соблазновъ міра сего. Отъ кіево-

печерскихъ пустынниковъ до залитыхъ бриллiантами политикановъ Госуд. Думы и синода нужно было церкви русской совершить, въ союзѣ съ государствомъ, немалый путь; и можно, безо всякаго ущерба для христiанской вѣры, говорить теперь о духовной власти также просто и тѣми же словами, что и о власти гражданской. Онѣ слиты воедино общностью интересовъ и общностью опасности.

Взгляды прогрессивной части духовенства превосходно изложены въ постановленiяхъ многихъ собранiй, относящихся ко времени свободы слова въ 1905 г. Изъ нихъ мы приведемъ одно, ялтинское, послужившее какъ бы сигналомъ къ дружному выступленiю iерарховъ противъ раздѣляющихъ нижеизложенные принципы, умѣренность которыхъ, кажется, очевидна. 1. «Согласно завѣту Христа Спасителя и св. апостоловъ» мы молимся за Царя. 2. Мы признаемъ, что въ нашей общественной жизни много несправедливаго и тяжелаго; что положенiе многихъ членовъ государства невыносимое; что разобраться во всѣхъ несправедливостяхъ и устроить справедливую христiанскую жизнь лучше всего могутъ свободно избранные, на самыхъ широкихъ началахъ, представители народа. Мы считаемъ справедливымъ и согласнымъ съ божескими законами русское освободительное движенiе и не можемъ не привѣтствовать его [1]). 3. Мы признаемъ единственно правильный путь для всеобщаго устроенiя—путь Христовъ—мирнаго соглашенiя. Умы взволнованы повсюду, страсти разгораются, христiанское въ человѣкѣ глохнетъ; прорываются худшiе инстинкты. Всякое насилiе съ одной стороны вызываетъ гораздо большее съ другой и, кто знаетъ, какой катастрофой все можетъ кончиться. Надо признать прежде всего, что кровь человѣка священна... Правительству первому нужно признать это и объявить всему народу, а граждане всѣхъ полит. партiй должны также признать это закономъ и для себя. Всякое насилiе, произведенное какой бы то ни было стороной, должно подлежать гласному суду, безъ примѣненiя смертной казни. 4. Цер-

---

[1]) А. И. Гучковъ слышалъ въ турецкомъ парламентѣ рѣчь почтеннаго имама, родственника Магомета, неоднократно прерывающуюся бурными возгласами одобренiя. Посольскiй драгоманъ, сопровождавшiй лидера октябристовъ, перевелъ ему содержанiе рѣчи. Имамъ доказывалъ цитатами изъ Корана справедливость конституцiоннаго строя и призывалъ гнѣвъ Аллаха на голову низложеннаго султана, все время нарушавшаго божескiе законы. Такимъ образомъ мы видимъ, что прогрессивное духовенство всѣхъ религiй не затрудняется въ обоснованiи своихъ взглядовъ писанiемъ; и это понятно, потому что ученiе Христа, какъ и ученiе Магомета, преклонявшагося предъ его величiемъ, основаны на призывѣ къ равноправiю, взаимной любви, миру душъ, жалости къ страданiю и взаимопомощи; основаны на моральной организацiи народовъ, а не на насилiи. «Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu!»

В. О.

ковь должна стоять внѣ и выше всякихъ партій, а также и ея служители; какъ церковь не можетъ быль церковью какой-либо одной политич. группы, такъ и священникъ не можетъ быть священникомъ одной политич. партіи. Церковь должна освѣщать, по духу христіанской любви и всепрощенія, истину въ каждой партіи, направляя все къ большему благу, какъ цѣлаго народа, такъ и каждаго въ отдѣльности человѣка. 5. Мы высказываемъ сожалѣніе, что въ это тревожное время наши высшія духовныя власти держали и держатъ себя, отчасти вслѣдствіе ненормальности церковнаго строя, а отчасти и по своей винѣ, не съ надлежащей энергіей: не выясняютъ своего отношенія къ происходящимъ событіямъ опредѣленно; не высказываются о нуждахъ народа передъ правительствомъ... Мы признаемъ, что вслѣдствіе этого иные изъ священнослужителей не показали себя на высотѣ своего положенія и, со стороны многихъ изъ народа, возбудили ненависть къ духовенству и даже къ церкви Божіей». (Далѣе идутъ пожеланія о созывѣ собора). Подписи 3 протоіереевъ, 10 священниковъ, 4 діаконовъ и 8 псаломщиковъ скрѣпляютъ этотъ документъ. Нужно ли прибавлять, что всѣ эти люди оказались «нетвердыми», «мятущимися», «недостойными іереями» и т. под., какъ охарактеризовалъ ихъ мѣстный архіерей.

Вопросы о смертной казни и аграрный внесли лишнее ожесточеніе въ борьбу, основа которой лежала въ старинномъ спорѣ между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, забравшимъ власть въ свои руки. Протесты противъ смертной казни со стороны священниковъ депутатовъ повлекли за собой лишеніе ихъ сана и изгнаніе; также и сторонники передачи земли трудящемуся крестьянству, да и вообще священники, раздѣлявшіе принципы партіи к.-д., нещадно выбрасывались изъ сословія. «Пусть, де, кадеты о васъ и заботятся». Перечислить всѣ случаи гоненія невозможно, тѣмъ болѣе, что въ печать попадаютъ только выдающіеся; массовыхъ исключеній мы насчитали болѣе тридцати; члены Думы—свящ. Афанасьевъ, Огневъ и Тихвинскій, извѣстный проповѣдникъ и писатель св. Григ. Петровъ, заточенный въ монастырь, чтобы не попалъ въ Гос. Думу,—всѣ они пользовались вліяніемъ не въ силу чиновъ своихъ и законовъ отличія, а исключительно въ силу духовныхъ достоинствъ, прямоты, гуманности, проповѣди любви.

Совершенно основательно признавая духовенство за чиновниковъ правительства, администрація такъ ревностно принялась помогать архіереямъ въ дѣлѣ искорененія крамолы, что пришлось П. Столыпину умѣрять ея пылъ особымъ циркуляромъ; въ немъ м-стръ вн. дѣлъ, между прочимъ, говоритъ: «за послѣднее время нѣкоторые священнослужители, обвиняемые или *подозрѣваемые* въ противогос-

дѣятельности, были по непосредственному распоряженію полицейскихъ властей, безъ сношенія съ епарх. начальствомъ, *заключены подъ стражу, не взирая иногда на продолжительную и безупречную, снискавшую уваженіе паствы службу»* (к. н.). Далѣе предписывается «крайняя осмотрительность». Это тѣмъ болѣе было легко, что само епарх. начальство отнюдь не дремало; не говоря уже о массовыхъ увольненіяхъ за текущія провинности, въ родѣ отказа служить черносотенцамъ молебенъ или брать въ церкви ихъ знамена, ликвидировалась усердно и октябрьская смута; такъ, въ одномъ только глухомъ ирбитскомъ уѣздѣ, въ 1908 году, заточено было въ монастыри за участіе въ съѣздахъ духовенства въ дни свободъ *пятьдесятъ два* священника. Вслѣдъ за такими людьми шли коллективныя просьбы прихожанъ о снятіи наказаній, запрещеній, о возвращеніи духовныхъ отцовъ; подъ просьбой о св. Огневѣ было, наприм., болѣе 330 подписей; кто знаетъ, какъ трудно собирать такія подписи въ деревенской глуши, гдѣ всякій урядникъ является грозой населенія, гдѣ совершенно отсутствуетъ всякая организація, тотъ пойметъ, что такіе приговоры, такія петиціи были настоящими воплями народной души, оскорбляемой въ лучшихъ сторонахъ своихъ. Это горькое чувство обиды толкало иногда толпу и на самоуправство; такъ, когда арестовали популярнаго въ валуйскомъ у. свящ. Мирецкаго (по распоряженію исправника), то толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ освободила его изъ тюрьмы насильно; палата оправдала 18 изъ 19 обвинявшихся, въ виду того что твердо былъ установленъ фактъ *религіознаго* экстаза толпы, не причинившей при этомъ насиліи никому вреда и уведшей любимаго пастыря въ его домъ.

Послѣ роспуска первой Думы синодомъ было запрещено касаться въ рѣчахъ, произносимыхъ въ церквахъ, политическаго положенія страны. Если же прихожане,—говоритъ циркуляръ синода,—пожелаютъ услышать отъ своего священника о томъ, измѣнятся ли условія крестьянскаго быта къ лучшему—то устраивать бесѣды на сторонѣ, успокаивая населеніе, говоря, что царь самъ понимаетъ нужды крестьянъ и скоро сдѣлаетъ все для нихъ полезное. Манифестъ о роспускѣ прочесть въ ближайшій день съ соотвѣтственнымъ поясненіемъ. Вотъ и были случаи, что во время этихъ «поясненій» народъ съ ропотомъ и шумомъ спѣшилъ выйти изъ храмовъ, амвоны которыхъ обращались въ политическія трибуны (въ томъ числѣ и въ Петербургѣ). Но ужъ разъ давалось мѣсто политиканству въ церкви, то нечего было пенять на то, что епископъ Назарій велѣлъ трезвонить нижегородскимъ церквамъ въ день роспуска Думы, а другіе произнесли проповѣди съ склоненіемъ на всѣ лады слова «жидъ». Впрочемъ евреевъ поминали при всякомъ случаѣ. Въ г. Киліи (бессар. губ.)

свящ. Герашенко, въ проповѣди своей, въ мартѣ 1907 г., сказалъ, между прочимъ: «жиды устроили революцію, организуютъ убійства, хотятъ убить истинно-русскихъ депутатовъ. Союзъ истинно-русскихъ приметъ крутыя мѣры и уничтожитъ жидовствующее правительство, состоящее изъ четырехъ жидовъ». Самъ знаменитый «батюшка», положившій начало сектѣ «іоаннитовъ» прочелъ въ Петербургѣ лекцію на тему «О жидахъ вообще и въ частности о погромахъ». Въ публикѣ преобладали іоанниты, воодушевлявшіеся настолько, что приходилось оратору кричать на нихъ. Выводъ изъ лекціи былъ таковъ, что, дескать, «евреи сами себѣ устраиваютъ погромы и въ этомъ виденъ перстъ Божій, наказующій ихъ за прегрѣшенія противъ правительства». Однако рекордъ изувѣрства былъ побитъ извѣстнымъ Илліодоромъ, кумиромъ петербургскихъ ханжескихъ салоновъ, отъ котораго открещивались всѣ губернаторы и исправники, въ районы коихъ попадалъ этотъ неугомонный ругатель и поджигатель къ погромамъ. Наконецъ, сами архіереи начинаютъ молить объ уборкѣ изувѣра (Антоній волынскій), но тщетно; Илліодора водворяютъ на жительство... къ самому жалобщику въ домъ! Наконецъ, онъ перебирается изъ почаевской лавры, гдѣ оставляетъ надежнаго замѣстителя въ лицѣ Виталія, въ Ростовъ на Дону, гдѣ 14-го сент. (1907 г.) и происходитъ вслѣдъ за его проповѣдью избіеніе на улицѣ евреевъ. Синодъ, не допускающій священниковъ на медицинскіе факультеты потому, видите, что созерцаніе крови не довлѣетъ приносителямъ безкровной жертвы, но удаляющій противниковъ смертной казни, этотъ синодъ продолжалъ покровительствовать Илліодору и ему подобнымъ; да послѣ извѣстнаго посланія по поводу кишиневскаго погрома, иного и ждать нельзя было. Тѣснѣйшій союзъ епископовъ съ черносотенцами обязывалъ итти въ поводу у этой политической организаціи, въ каждомъ большомъ городѣ содержащей на неизвѣстныя, вѣроятно «частныя», средства боевыя дружины, вооруженныя браунингами. Въ зависимости отъ этого, епископамъ предложено было (1907 г.) обратиться черезъ благочинныхъ къ паствамъ съ указаніемъ, какія слѣдуетъ читать газеты; конечно «Русское знамя», «Колоколъ», «Рус. земля» и «Церк. Вѣд-сти» стоятъ на первомъ планѣ; но тиражъ этихъ душеполезныхъ изданій слабо повышается и при томъ рекламированіи, въ которомъ живое участіе принимаетъ мѣстная администрація; газеты влачатъ жалкое существованіе («Рус. земля», Суворина, вовсе прекратилась, и разумный «старецъ изъ Эртелева переулка» вчинилъ искъ въ 66.000 р. къ Дорреру, Бобринскому и еще пяти щедрымъ депутатамъ третьей Думы, неосторожно давшимъ ему «торговыя письма» о принятіи на себя убытковъ).

Особое вниманіе обращено было и на духовныя школы, гдѣ дни

свободы ознаменовались тѣми же выступленіями, что и въ свѣтскихъ; начиная со всеобщихъ семинарскихъ забастовокъ до бойкота профессоровъ и даже убійствъ ректоровъ—всего тутъ было довольно, чтобы надолго нарушить тишину современной бурсы. Немногія льготы, завоеванныя семинаристами и студентами духовныхъ академій въ 1905 г., нынѣ благополучно ликвидированы начальствомъ, не пожалѣвшимъ и тѣхъ профессоровъ, что принимали участіе въ насажденіи науки и жизни на мѣстѣ схоластики и мертвенности. Общее изумленіе и негодованіе вызвалъ «уходъ» изъ моск. дух. академіи извѣстнаго историка Ключевскаго, а въ самое послѣднее время преслѣдованіе нѣсколькихъ ученыхъ въ пет. академіи. Результаты не заставили себя ждать: нѣкогда переполненныя академіи пустуютъ; пришлось разрѣшить студенчеству и женатымъ, бѣлому духовенству, да поздно—никто и оттуда не двигается въ обновленную высшую школу, гдѣ хотятъ ввести монастырскій режимъ. Тщетно на съѣздахъ взываютъ столпы современнаго православія, въ родѣ миссіонера Скворцова, епископовъ Гермогена, Платона, Евлогія и имъ подобные свѣточи христіанства: черносотенная и узко-эгоистическая подкладка ламентацій слишкомъ явно сквозитъ подъ цвѣтами богословскаго краснорѣчія, чтобы кого-нибудь можно было ввести въ заблужденіе. Кризисъ школы духовной, какъ и всей жизни клира неизбѣженъ, онъ уже давно начался; и только ослѣпленные реакціонеры изъ его рядовъ, концентрирующіеся нынѣ въ домахъ гр. Игнатьевой и гр. Шереметева, могутъ надѣяться на возвращеніе добраго стараго времени, когда высшіе церковные чины жили въ свое удовольствіе, растрачивали епархіальныя богатства (Тифлисъ, Смоленскъ и друг.), предавались излишествамъ и свершали благополучно восхожденіе по ступенямъ отличій; а младшая братія изнывала въ деревняхъ подъ бременемъ нужды, толкаемая ею на торговлю требами, на оскверненіе таинствъ брака и крещенія неприличнымъ препирательствомъ о вознагражденіи. Тамъ, гдѣ соціальная разница между членами одного сословія или класса больше, тамъ глубже и рѣзче выступаютъ и слѣды освободительнаго движенія. Поддержка же сильныхъ приводитъ къ нарушенію тѣхъ законовъ, которыми обезпечиваются слабые. Такъ, новый законъ о сектантахъ игнорируется духовными властями и администраціей, ихъ поддерживающей, и рядъ нарушеній этого закона тянется вплоть до самыхъ послѣднихъ дней 1909 г., когда газеты принесли извѣстіе о слѣдующемъ подвигѣ черниговскаго губернскаго правленія (учрежденіе это региструетъ союзы и общины): на просьбу евангельскихъ христіанъ о легализаціи конотопской религіозной общины послѣдовалъ категорическій отказъ; по заключенію епархіальнаго начальства, ученіе этихъ христіанъ «не согласно съ ученіемъ православной церкви и ока-

зываетъ пагубное вліяніе на населеніе, почему секта эта признается вредной для сыновъ православной церкви. Черниговское губ. правленіе хорошо знаетъ законы, но игнорируетъ ихъ, полагая, что новые акты о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти существуютъ лишь для вида, а поступать можно по старому, ставя превыше всякаго закона «виды» правительства и епархіальнаго начальства. Этотъ небольшой фактъ типиченъ для сужденія о силѣ законовъ и реакціи, прочности союза церкви и государства, о единообразіи пониманія нуждъ времени. Внѣшняя мощь старой организаціи, повидимому, непоколеблена, но душа ея отлетѣла. Рядъ дѣйствій, вредныхъ прежде всего для духовнаго вліянія на массы, свидѣтельствуетъ, что этого вліянія нѣтъ и что духовныя сферы это прекрасно сознаютъ.

7. АРМІЯ.

Послѣ администраціи и духовенства армія является третьей и сильнѣйшей по организованности опорой правительства. Если чиновничество нигдѣ не имѣетъ корней въ народѣ и всюду, въ сущности, нелюбимо; если духовество наше, замкнувшись въ касту, давно потеряло живую связь съ населеніемъ и всякое вліяніе на него; то армія при любыхъ условіяхъ остается живымъ отраженіемъ всего народа, и вліяніе, пропаганда извѣстныхъ взглядовъ, переходятъ черезъ возвращающихся ежегодно домой контингентовъ въ самую глубь жизни. Это обстоятельство толкаетъ обѣ стороны на развитіе вліянія и, въ погонѣ за временнымъ успѣхомъ создается грозная опасность въ будущемъ, когда огромный и мощный механизмъ, тронутый съ мѣста, самъ начнетъ двигаться въ сложной системѣ государства, самъ начнетъ влiять на его судьбы. Какъ бы тамъ ни было, передъ нами наличность дѣятельной пропаганды въ войскахъ со стороны крайнихъ политическихъ партій, при чемъ одной группѣ ихъ—чернымъ сотнямъ, оказывается поддержка правительствомъ, въ видѣ субсидій на изданіе литературы и допуска къ обращенію завѣдомо опасныхъ воззваній.

Трудно въ настоящее время учесть размѣры и результаты того и другого вліянія. Съ одной стороны—казармы наводнены «Рус. Знаменемъ», «Вѣчемъ», «Колоколомъ», брошюрами извѣстнаго «болтуна», какъ его называлъ покойный Императоръ Александръ III, ген. Богдановича, и въ нихъ мы встрѣчаемъ лекторовъ въ родѣ доцента Бор. Никольскаго; раньше, въ 1905—907 г.г., слышали и простые призывы командировъ къ погрому, напр.—редакціи газетъ (Оренбургъ), читали и прокламаціи, образецъ которыхъ выше приведенъ (см. I гл. I ч.). Съ другой,—вся революціонная литература, оставшаяся отъ дней свободъ и совершившая свой циклъ на фабрикахъ и въ деревнѣ, ушла тоже

въ казармы; какъ запретный плодъ, она, конечно, читается больше, и вліяніе ея могло бы быть значительно, еслибъ не умѣрялось отсутствіемъ того, чего у революціонеровъ никогда не бываетъ достаточно, — денегъ; зато другая сторона не скупится: деньги идутъ на улучшеніе пищи, одежды, казармъ, на водку, чай и сахаръ; а главное— на вознагражденіе за карательныя дѣйствія и несеніе полицейскихъ обязанностей. Правда, непосильные расходы правительства на внутреннюю войну ложатся новымъ бременемъ на тотъ же народъ, что въ лицѣ лучшихъ своихъ работниковъ поставляетъ кадры усмирителей самого себя, и сознаніе это не укрѣпляетъ престижа высшихъ властей; но видимый эффектъ настолько силенъ, что съ нимъ нужно считаться. Важнѣйшей же выгодой даннаго момента является настроеніе офицерскаго состава. Психическая подкладка несложна: позоръ войны палъ не на солдатъ, умиравшихъ въ Манчжуріи и тонувшихъ въ морѣ, такъ же молча, какъ раньше, въ Турціи, Севастополѣ и повсюду, куда воля правительства заносила ихъ, а на командующій составъ, съ верху до низу измѣненный всей предшествовавшей войнѣ реакціонной эпохой; отсюда раздраженіе и желаніе отличиться на другомъ театрѣ войны, внутреннемъ, гдѣ уже не было тѣхъ неудобствъ и опасностей, что на Дальнемъ Востокѣ; новыя, красивыя формы, награды, прибавки къ жалованью,—все скрашивало жизнь; полное невѣжество по отношенію къ дѣйствительности—послѣдствіе того же кастоваго духа,—помогало прививкѣ патріотической идеи: удержать отъ крушенія абсолютистскій режимъ. Здѣсь сужденія были одно время примитивны. «Манифестъ 17-го октября вырванъ, «жидомъ» Витте; Дума Государственная—«стадо ословъ», конституціи никакой не нужно». Въ угарѣ 905—07 годовъ можно было довольствоваться этими взглядами, т. к. аграрные безпорядки и воор. возстанія, подавлять которые силою обязано *всякое* правительство, оправдывали примѣненіе оружія; подъ вліяніемъ того же угара можно было пойти и на военный погромъ въ родѣ сѣдлецкаго. Но вотъ наступаетъ сравнительное спокойствіе; армія могла бы вернуться въ казармы, заняться реформами согласно опыта войны, къ которымъ новыя формы одежды ни малѣйшимъ образомъ не относятся; да и много чего нужно для постановки ея на надлежаще высокое мѣсто. И вотъ армія остается распыленной по карательнымъ и другимъ отрядамъ, и когда наступаетъ критическій для государства моментъ—австрійская продѣлка на Балканахъ,—Россія безсильна выставить въ поле болѣе 100000 человѣкъ, при милліонномъ составѣ вооруженныхъ силъ! Между тѣмъ, совершенно правъ ген. Бильдерлингъ, писавшій въ то время, что пораженіе на Востокѣ отнюдь не понизило боевой годности войска; наоборотъ—на австрійскихъ поляхъ, одушевленные

благородной задачей защитить братьевъ отъ нѣмецкаго засилья, имѣя предъ собой изнѣженныхъ долгимъ періодомъ мира солдатъ австро-прусской арміи, тамъ-то и проявились бы въ полной силѣ тѣ качества, которыя нашли такое печальное примѣненіе на равнинахъ черноземной Россіи, въ балтійскихъ дюнахъ и кавказскихъ горахъ. Эти соображенія, вмѣстѣ съ повѣркой недавнихъ дѣйствій на масштабѣ обычной человѣческой совѣсти и элементарнаго гуманизма, не могли остаться безъ вліянія на офицерскій составъ русскихъ войскъ, особливо пѣхотныхъ и артиллерійскихъ частей. Подобно тому, какъ въ среду духовенства пропитываются трезвые и умѣренные взгляды, и политическое міровоззрѣніе офицеровъ претерпѣваетъ значительное измѣненіе. Крайнее убожество черносотенной печати, при самой настойчивой рекомендаціи свыше, не могло не поражать всякаго; интересъ же къ жизни, текущей внѣ казарменныхъ стѣнъ, увеличивался и невольно приходилось обращаться къ легальной прогрессивной прессѣ, читать книги, изъ офицерскихъ библіотекъ дотолѣ изгонявшіяся. Да и во внутренней военной жизни многое вызывало на размышленія. Обыски георгіевскихъ кавалеровъ передъ обѣдомъ во дворцѣ; увольненія въ отставку членовъ военнополевыхъ судовъ за постановленіе о дослѣдованіи дѣла вслѣдствіе невыясненности обвиненія (Одесса), самое участіе, наконецъ, въ приговорахъ къ смерти за ничтожныя преступленія; совершенно неслыханное число самоуправствъ офицеровъ (преимущественно кавалерійскихъ частей) въ общественныхъ мѣстахъ и на улицахъ; выгораживаніе такихъ типовъ, какъ бр. Коваленскіе, устроившіе бойню въ Петербургѣ; постоянное вмѣшательство союзниковъ во всѣ такія дѣла и стараніе придать патріотическую окраску открытому хулиганству подонковъ общества, отъ которыхъ не застрахованъ никакой строй; вдумчивое отношеніе къ такимъ нелѣпымъ и безумнымъ актамъ, какъ мятежи въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, Севастополѣ, Владивостокѣ, Дешлагарѣ, Кіевѣ и въ массѣ другихъ гарнизоновъ; наконецъ, непосредственное вліяніе товарищей, членовъ крайнихъ партій (напомнимъ только дѣло Курскаго офицерскаго союза,—отдѣленія всероссійскаго),—все понемногу вноситъ поправки къ радикализму черносотеннаго пошиба и армія 1909 года уже не та, что армія 1904—05. При такихъ условіяхъ и извѣстныя надежды на нее должны съ обѣихъ сторонъ умѣряться; сомнительно, чтобъ удалась вторая внутренняя кампанія и столь же сомнительно повтореніе опытовъ революціоннаго характера. Тѣмъ не менѣе участіе въ политической жизни страны, разъ привитое, не можетъ уже смѣниться равнодушіемъ къ ней, и въ этомъ отношеніи позиція правительства менѣе выгодна, нежели умѣренныхъ политическихъ партій; трибуна Таврическаго дворца все еще служитъ и просвѣтительнымъ,

и критическимъ задачамъ, и уберечь офицеровъ отъ вліянія этого мощнаго фактора сознательной государственной жизни невозможно; правда, офицерамъ запрещено было въ 1907 году посѣщать засѣданія Думы, а представители частей, пріѣзжавшіе въ первую Думу съ порученіями, петиціями и т. п., всѣ подверглись репрессіи; но интересъ къ представительству отъ этого не могъ уменьшиться, а простое сравненіе работъ трехъ Думъ и каждой ихъ фракціи помогали разбираться и въ основательности отдѣльныхъ политическихъ программъ. Что касается до такихъ случаевъ, какъ убійства офицеровъ, участвовавшихъ въ карательныхъ отрядахъ и подавленіи московскаго возстанія, или сожженія въ Курскѣ офицера вмѣстѣ съ вагономъ, въ которомъ первый спасался отъ разъяренной толпы, то, на разстояніи отдѣляющаго отъ нихъ времени, событія эти теряли значительную долю остроты; съ другой стороны, такіе акты самоуправства, какъ убійства истязателей Спиридоновой — офицеровъ Жданова и Аврамова, получали освѣщеніе съ той точки зрѣнія, что безнаказанность преступниковъ всегда родитъ новыя, и тягчайшія преступленія и что тамъ, гдѣ законъ безмолвствуетъ, какъ въ дѣлѣ Золотовой (насиліе надъ арестованной, которая изъ-за этого лишила себя жизни), гдѣ попустительство достигаетъ своего апогея, какъ въ дѣлѣ Спиридоновой, тамъ поднимается тѣнь Линча и вербуетъ новыхъ сторонниковъ идеи самосуда улицы. Наконецъ, громкіе процессы Рождественскаго, Небогатова и Стесселя, при всей сдержанности военно-суднаго производства, пролили яркій свѣтъ на традиціонную химеру, что начальство всегда право, что бы оно ни дѣлало. И самое поведеніе на судѣ героевъ долга и позорнаго труса, равно какъ и обстоятельства, сопровождавшія выходъ изъ крѣпости бѣдняка-адмирала и портъ-артурскаго измѣнника,—все будило тревожную мысль, ставило рядъ вопросовъ, простыхъ по существу и легко разрѣшаемыхъ, но многозначительныхъ для будущихъ судебъ арміи. При демократическомъ составѣ офицерскаго корпуса, при свойственной русскому солдату терпѣливости и простотѣ, при нейтрализаціи оппозиціоннаго боевого настроенія,—просвѣтительное значеніе Госуд. Думы, прессы и литературы, совмѣстно съ ежедневными живыми наблюденіями и аналогіями должны образовать большинство, склонное къ парламентарному монархическому строю, который можетъ быть только благотворнымъ для арміи. Поколѣніе солдатъ, жегшихъ и убивавшихъ своихъ братьевъ по крови, вѣрѣ и языку, сойдетъ скоро въ свои родныя деревни, гдѣ жизнь не замедлитъ открыть глаза на многое, что заслонялось дисциплиной, виномъ, пропагандой; на его мѣсто придутъ, и уже приходятъ, люди, которые или видѣли разгромы своихъ жилищъ, или были свидѣтелями сосѣднихъ несчастій. Найти равнодѣйствующую

между призывомъ къ возстанію и призывомъ къ погрому будетъ уже легче послѣ тяжелаго опыта 1905—08 гг.; она пройдетъ на сознательномъ отношеніи къ основамъ государственной жизни, на уваженіи къ народному представительству, на увѣренности въ томъ, что, пока существуютъ арміи, ничто не можетъ стать выше долга защиты того народоправства, которое заключается въ законодательныхъ учрежденіяхъ, избираемыхъ безъ давленія, на основѣ всеобщности правъ и въ отвѣтственности правительства—слуги передъ хозяиномъ-народомъ. И только при такомъ строѣ Монархъ возвышается надъ подданными на недосягаемую для придворныхъ вліяній и грязныхъ союзническихъ рукъ высоту. Въ этомъ отношеніи характерно единодушное и демонстративное выступленіе итальянскихъ соц. демократовъ на защиту добраго имени своего короля, котораго ихъ французскій товарищъ позволилъ себѣ упрекнуть въ пролитіи народной крови и заполненіи тюремъ своими политическими противниками. Твердо установивъ тотъ фактъ, что амнистія, дарованная благороднымъ Викторомъ-Эммануиломъ, и прекращеніе репрессій противъ республиканской партіи и рабочихъ организацій внесли миръ въ отношенія и заставили пересмотрѣть программы и тактику крайнихъ лѣвыхъ, ихъ печать привѣтствуетъ государя Италіи, какъ перваго гражданина, безопасность котораго является и для республиканцевъ долгомъ чести; король всюду желанный гость и безстрастный судья народа, устраивающаго свою судьбу такъ, какъ онъ, народъ, хочетъ самъ. Очевидно, итальянскій король хорошо изучилъ науку, о которой еще безсмертный баснописецъ нашъ сказалъ, что

«...важнѣйшая наука для царей—
Знать свойства своего народа
И выгоды земли своей».

8. ДВОРЯНСТВО и КРЕСТЬЯНСТВО.

Два сословія, интересы которыхъ противоположны и которыя наглухо связаны между собой землей. Два сословія, вѣчно враждующія, взаимоистребляющія, но на которыхъ хочетъ базироваться одинъ и тотъ же режимъ самовластья. Два сословія, наконецъ, видимое вліяніе которыхъ обратно пропорціонально ихъ численности и матеріальной силѣ. 130.000 помѣщиковъ, окруженныхъ вниманіемъ, кредитными учрежденіями, осыпаемыхъ субсидіями и лаской, и 130.000.000 крестьянъ, окруженныхъ опекунами, стражниками и войсками. И оба—разоренныя, недовольныя, озлобленныя. Одно, склоняющееся къ союзу рус. народа, другое—къ соц.-революціонерамъ. Одно, въ лицѣ своихъ предводителей, осаждающее верховную власть просьбами и праздно-

-словіемъ, другое — мечтающее о томъ, чтобы голосъ его былъ услышанъ и приглашаемое слушаться тѣхъ же предводителей дворянства. Словомъ — два основныхъ, главныхъ элемента русской трагедіи, съ Юрьева дня и Стеньки Разина до аграрнаго взрыва 1905—06 года нарастающіе непрерывно.

Революція и манифестъ 17-го окт. застали помѣстное дворянство совершенно неподготовленнымъ къ новому строю. Даже то обстоятельство, что Государю не угодно было въ обращеніи къ населенію, въ 1904 году, упомянуть о дворянствѣ ни однимъ словомъ, не заставило одуматься послѣднее и сойти съ пути всемѣрной утилизаціи заслугъ своихъ предковъ. И созывъ Гос. Думы, въ которую попали лишь тѣ члены сословія, которые раньше еще въ живой земской работѣ отрѣшились отъ сословныхъ недостатковъ, не разбудилъ помѣщичьей мысли. Нужно было раздаться единодушному призыву народныхъ представителей къ рѣшенію земельнаго вопроса на началѣ принудительнаго отчужденія, чтобы поднялись изъ гнѣздъ своихъ владѣльцы латифундій и, собравшись на «всероссійскій дворянскій съѣздъ», обратились къ Монарху съ длиннымъ адресомъ, сплошь почти посвященнымъ этому принудительному отчужденію. Преслѣдуя одинъ и тотъ же планъ изложенія—давать мѣсто документальнымъ даннымъ вмѣсто личныхъ характеристикъ, мы извлекаемъ изъ адреса дворянъ наиболѣе существенныя части. «Нынѣ, быть можетъ въ труднѣйшій часъ тысячелѣтней исторіи, передъ лицомъ великой опасности, грозящей цѣлости и жизни государства, уполномоченные объединеннаго дворянства обращаются къ Вамъ, Государь. Не страшенъ русскому народу внѣшній врагъ, открыто выступающій на борьбу, но страшенъ тотъ, который, ослѣпляя народное сознаніе несбыточными обѣщаніями... извращаетъ народную волю, заставляя ее работать (?) въ угоду противогосударственнымъ началамъ... враги русской государственности пытаются завоевать мечтою о землѣ слѣпое довѣріе крестьянъ и возбуждая низменные инстинкты, поднять крестьянскія массы на безсознательную борьбу. Эта мысль о землѣ, не провѣренная въ своей осуществимости здравымъ народнымъ разумомъ и на вѣру лишь воспринятая народнымъ впечатлѣніемъ (читатель не долженъ удивляться крайней невразумительности языка адреса, языкъ этотъ характеренъ для всѣхъ такихъ документовъ, гдѣ праздными словами стараются скрасить грубую канву. В. О.) послужила главнымъ руководящимъ началомъ первыхъ шаговъ политической жизни народа и создала всеобщее броженіе..., затуманивая и обольщая народную мысль; силы, враждебныя государственности, скрываютъ затаенное стремленіе захвата верховной власти Монарха (обычный подходъ къ центральной части просьбъ этого сословія. В. О.), охраняемой основными законами... Не страшась нареканій въ

стремлении будто бы охранять только свои интересы, дворянство твердо заявляетъ, что проведеніе земельнаго закона на началахъ принудительнаго отчужденія частнаго владѣнія поколеблетъ въ корнѣ одинъ изъ наиболѣе твердыхъ устоевъ госуд. жизни—неприкосновенность права собственности и гибельно отразится на всемъ народномъ благосостояніи и правильномъ развитіи страны (отчего же на Англіи не отразилось? В. О.)... Проповѣдь отчужденія земли скрываетъ за собой и служитъ первымъ шагомъ къ побѣдѣ идеи соціализма, отвергающаго всякую собственность... а потому полное уничтоженіе землевладѣнія необходимо для соціализма въ виду дальнѣйшей возможности легко упразднить и собственность крестьянства, отдавъ потомъ весь народъ, обезземельный и обнищавшій, въ рабство всемогущей силы международнаго капитала (!!)». Трудно допустить полное политическое невѣжество съѣзда, которое одно могло продиктовать эту дичь; скорѣе и здѣсь скрывается умыселъ застращать кого-то. Далѣе слѣдуютъ «практическія указанія», не далеко ушедшія отъ маниловской мысли о постройкѣ моста съ лавками черезъ прудъ, и все кончается такой тирадой: «Трудовое земельное дворянство не броситъ своихъ гнѣздъ, Государь, и до конца выдержитъ трудную борьбу съ революціей. Тамъ, въ деревнѣ, оно будетъ работать надъ постепеннымъ просвѣтленіемъ затуманеннаго и обольщеннаго сознанія крестьянъ, его собратій на общей нивѣ труда, тамъ оно будетъ твердымъ помощникомъ и проводникомъ всѣхъ начинаній Вашего Величества... и большое государственное дѣло въ обновленномъ строѣ Россіи потребуетъ не смерти дворянства, а могучей жизни»... и т. д. Всѣмъ, однако, извѣстно, что помѣщики поголовно бѣжали изъ деревень, предоставивъ бороться съ «собратьями на общей нивѣ» стражникамъ и казакамъ, Луженовскимъ, Филоновымъ и Рудовымъ. Что касается до «могучей жизни», то она проявилась въ новыхъ съѣздахъ и адресахъ, при чемъ даже такіе противники аграрнаго проекта первой Думы, какъ Гурко, оказались освистанными либералами среди просто-черносотенной массы безсильныхъ, неспособныхъ и невѣжественныхъ помѣщиковъ, отчаявшихся дожить до возстановленія былыхъ привилегій и субсидій въ полномъ ихъ объемѣ. Да и явное стремленіе къ госуд. перевороту и возвращенію къ абсолютизму настолько очевидно во всѣхъ «трудахъ» объединеннаго дворянства, что физическое безсиліе сословія выступаетъ и передъ правительствомъ въ полномъ свѣтѣ. Оставался путь придворныхъ интригъ и громогласныхъ выступленій, и наконецъ,—неприличной и беззаконной демонстраціи, нанесшей сословію смертельный ударъ.

Блестящая мысль исключить изъ сословія лицъ, подписавшихъ выборгское воззваніе, пришла курскому губ. пред. двор. гр. Дорреру,

главѣ курской черной сотни и потомку эмигранта, бѣжавшаго отъ франц. революціи въ Россію; а примѣнить эту мѣру онъ желалъ первымъ долгомъ къ кровному *русскому* дворянину, тов. предсѣдателю первой Гос. Думы и извѣстному земскому дѣятелю, кн. Петру Долгорукову. Съ легкой руки курскихъ дворянъ и нѣсколько другихъ губерній увлеклось истребленіемъ ненавистныхъ сторонниковъ принуд. отчужденія, «выборжцевъ», въ томъ числѣ и московская. Тамъ, гдѣ реформа 19-го фев. 1861 г. встрѣтила наибольшее противодѣйствіе, тамъ и въ 1906 г. съ наибольшей злобой обрушились на «лучшихъ людей», какъ угодно было Государю назвать первыхъ депутатовъ. И какъ часто уже случалось съ широко задуманными черносотенными демонстраціями, дѣло кончилось грандіознымъ скандаломъ: костромское дворянство,—прямые потомки современниковъ и товарищей перваго государя изъ дома Романовыхъ,—дворянство, славящееся традиціонной лойяльностью, приняло въ среду чуть не поголовно всѣхъ исключенныхъ изъ дворянск. собраній имперіи! Въ засѣданіи 26 ноября 1906 г. костромское депутатское собраніе признало, что дворяне Муромцевъ, Гредескулъ, Иваницкій, кн. Долгоруковъ, Фонъ-Рутценъ, Ширковъ, Якушкинъ, Яновскій и Котляревскій всегда были во главѣ освободительнаго движенія и способствовали осуществленію реформъ, проводимыхъ волею Государя. Они были выбраны *всѣми* сословіями въ число народныхъ представителей. Быть можетъ они и совершили ошибочный шагъ, подписавъ выборгское воззваніе, но безчестнаго поступка этимъ они не совершили. Поэтому собраніе постановило принять ихъ въ число дворянъ костр. губ. и внести ихъ въ дворянскія родословныя книги. Нужно замѣтить, что не задолго передъ этимъ губернаторъ не нашелъ ничего лучше сдѣлать, какъ предложить губерн. пред. дворянства, Щулепникову и его брату, пред. губ. земск. управы, отказатьси отъ участія въ партіи нар. свободы или выйти въ отставку, и эта безтактность, вѣроятно, способствовала силѣ демонстраціи всего дворянства, оскорбленнаго ею. Понятно, что крамольные члены костр. собранія подверглись неутвержденію при новыхъ выборахъ; губ. предводителя привлекали къ суду, но шумъ отъ этого только росъ. Съ этого момента патріотическое усердіе входитъ въ обычныя рамки и въ рядѣ губерній предложеніе объ исключеніи выборжцевъ проваливается. Отзвуки, однако, слышались и позднѣе, и тульское, напр., дворянство стремилось извергнуть изъ своей среды дворянина Арсеньева *за издательство* газеты, легальной и умѣренной! Скандальныя демонстраціи эти закончились уже въ 1908 г. исключеніемъ въ Москвѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, депутата отъ г. Москвы и выдающагося знатока государств. права, въ нарушеніи принциповъ котораго обвинялись выборжцы. Говорить о безчестности акта, не при-

носившаго его авторамъ ничего, кромѣ страданій, можно было только въ политическомъ азартѣ; азарта было проявлено дворянствомъ достаточно, но характеръ его отнюдь не имѣлъ той идеалистической подкладки, которая лежала въ основѣ освободительнаго движенія. Себялюбіе и корысть не могли диктовать ничего, кромѣ ненужныхъ, банальныхъ, давно пріѣвшихся и тамъ, куда они обращались, словъ. Серьезной помощи, труда, разумныхъ предложеній, пониманія обстановки,—ничего этого ждать отъ нѣкогда вліятельнаго сословія правительству и въ голову не приходило. Оно дѣлало видъ, что внимаетъ голосу дворянства, но вожделѣнія его были близки ему лишь постольку, поскольку совпадали съ вожделѣніями бюрократизма, съ которымъ русское дворянство давно и безвозвратно слилось. Извѣстный знатокъ дворянскаго вопроса, бар. С. А. Корфъ, выясняя постоянное стремленіе правительства поработить и уничтожить сословіе, такъ усердно доселѣ передъ нимъ заискивающее, говоритъ, между прочимъ: («Право», 906. № 43.): «Уже въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины губернаторы и намѣстники стали обращать вниманіе правительства на тотъ фактъ, что на дворянскихъ выборахъ не стало хватать кандидатовъ для замѣщенія вакансій... Дворянство... предалось всей душой своему любимому занятію—государственной службѣ. Сословные интересы должны были отступить на задній планъ, т. к. постепенно сталъ пропадать тотъ цементъ общественности, который временно объединилъ дворянство, когда оно впервые, послѣ 1762 г., поселилось въ своихъ имѣньяхъ... Рѣшеніе дѣлъ на собраніяхъ, да и сами выборы свелись къ пустой формальности... А между тѣмъ, если Екатерина и ея правительство не заботились о провинціи и забросили ея интересы, то можно сказать съ достовѣрностью, что правительства обоихъ ея внуковъ не только сознавали это зло, но и старались бороться съ нимъ. Но всѣ эти мѣропріятія постоянно и неизбѣжно терпѣли полную неудачу. Дворянство не желало проявлять ни интереса, ни иниціативы въ этой области... Александръ I и его сотрудники... не разъ открыто высказывались противъ сословныхъ привилегій дворянства,... оцѣнку... дворянину дѣлали... лишь согласно его служебнымъ заслугамъ... Но еще худшіе результаты проявились при преемникѣ Александра I... служба была поставлена во главѣ всего прочаго; ей должны были поклоняться всѣ безъ исключенія общественныя силы; «все и вся обязано служить»,—такъ выражался самъ Николай... Постепенно и неотразимо развивался процессъ паденія значенія (дворянства)... А параллельно все усиливалась и безмѣрно росла власть губернаторовъ... подчиненіе (дворянства) всевластію губернаторовъ лишало его главнѣйшей основы—независимости... Губернаторъ сталъ «полнымъ хозяиномъ губерніи» и открыто признавался

таковымъ какъ правительствомъ, такъ и обществомъ... Такъ завершились стремленія правительства *всемѣрно* ограждать свою власть и престижъ. Процессъ этотъ развивался тѣмъ легче, что ему дворянство не только не препятствовало, но открыто сочувствовало. Сосредоточивъ свои интересы на государственной службѣ, оно съ пренебреженіемъ и высокомѣріемъ смотрѣло на все, что не касалось вопросовъ службы, пренебрегая какъ интересами провинціи вообще, такъ и своими сословными интересами въ частности. Но это, въ свою очередь, имѣло одно неизбѣжное слѣдствіе. Въ первой половинѣ XIX ст. стала понемногу ослабѣвать сословная связь среди дворянства, зародившаяся у него въ срединѣ XVIII в., и наконецъ... исчезла ко времени либеральныхъ реформъ 60-хъ годовъ. Начиная съ этого періода русской исторіи, можно считать отождествленіе дворянства съ бюрократіей совершившимся фактомъ... Несмотря на всѣ чрезвычайныя мѣры правительства, всевозможныя льготы и милліонныя денежныя пособія, оно не въ состояніи было удержать за собой ни экономической силы, ни политическаго значенія, а, слѣдовательно, не могло и играть роли серьезнаго соціальнаго фактора. ...Во второй половинѣ XIX в. разные законы о земскихъ начальникахъ и другихъ видовъ дворянскаго попечительства надъ прочимъ населеніемъ являются лишь покушеніемъ съ негодными средствами воскресить уже умершее».

Духовное и матеріальное безсиліе дворянскаго сословія должны были особенно горько почувствоваться тогда, когда жизнь государства прорвала обветшавшія путы абсолютистскаго періода и потокъ ея понесся мимо сословныхъ и классовыхъ отличій и привилегій къ берегамъ совершеннаго равноправія. Горечь эта продиктовала всѣ тѣ неумные, неловкіе шаги дворянства, которыми отмѣчены эти годы движенія; и мы могли бы безъ ущерба для изложенія пройти мимо умершаго сословія, еслибъ не было прямого отношенія его къ отсрочкѣ земельнаго вопроса на тѣхъ началахъ, которыя первыя Гос. Думы считали краеугольными. Надежда успокоить крестьянство реформой общиннаго строя и разселеніемъ на хутора, въ корнѣ своемъ имѣющая лишь выгоды бюрократіи, пристегнута для вида къ дворянскимъ интересамъ. «Собственность частнаго владѣнія» остается неприкосновенной, поскольку не способствуютъ ея ликвидаціи земельные банки и отсутствіе цѣнъ и покупателей на землю. Вліяніе же на дѣла государства отсутствуетъ и слова о «могучей жизни» суть не болѣе какъ невинный lapsus linguae оскудѣвшаго сословія, суровой дѣйствительностью уложеннаго навсегда въ могилу; надъ этой могилой живетъ, развивается и усиливается другое, дѣйствительно вліятельное, несмотря на опеку, крестьянское сословіе.

* * *

Начиная съ циркуляра отъ 3-го іюля 1906 г., въ которомъ министръ внутр. дѣлъ предлагаетъ «пресѣкать» неправильныя толкованія крестьянъ о землѣ арестами и другими репрессіями, вниманіе правительства замѣтно фиксируется на аграрномъ вопросѣ; оно начинаетъ понимать, что главная опасность для него заключается въ настроеніи и состояніи крестьянства, и чувствуетъ, что здѣсь однѣми репрессіями многаго не достичь. Во-первыхъ—къ опекѣ, розгамъ и арестамъ крестьяне притерпѣлись съиздавна, во-вторыхъ—уберечь отъ разгромовъ помѣщиковъ даже и при охранѣ трудно, если ужъ захочется учинить разгромъ; въ-третьихъ—крестьянская нищета тяжко отражается на государств. бюджетѣ. Поэтому, одновременно съ такими актами, какъ аграрное сообщеніе, направленное къ дискредитированію Гос. Думы, начинаются приготовленія къ реформамъ въ порядкѣ 87 ст. Положеніе правительства было очень нелегко: нужно было внести въ деревню рознь, парализовать нарождающуюся на общинномъ принципѣ организованность крестьянства, такъ блестяще показавшую себя въ сельско-хоз. забастовкахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не подорвать его матеріальнаго положенія еще больше. Да страхъ былъ и въ томъ, что въ дѣлѣ уничтоженія общины правительство играло въ руку соціалистамъ, — противникамъ общиннаго землевладѣнія; нарожденіе пролетаріата въ деревнѣ было какъ нельзя болѣе на руку крайнимъ лѣвымъ партіямъ. Крестьянъ самихъ никто и не подумалъ спрашивать, а то, что въ Думѣ говорили сто крестьянскихъ депутатовъ, за которыми стояли двадцать милліоновъ землепашцевъ—развѣ это былъ голосъ крестьянства? это все тѣ же «превратныя толкованія», безсмысленныя мечты, незнаніе жизни, такъ хорошо знакомой петербургскимъ канцеляріямъ; здѣсь-то, въ этихъ канцеляріяхъ, были задуманы, быстро написаны и еще быстрѣе проведены въ деревню реформы, начиная съ отмѣны нѣкоторыхъ ограниченій «въ правахъ сельскихъ обывателей» (семейные раздѣлы, законъ 5-го окт. 1906 г.) и разрѣшенія закладывать надѣлы (ук. 15-го нояб. 1906 г.) и кончая уничтоженіемъ общины, хуторами, отрубами и всей той, далеко еще неоконченной, сумятицей, отъ которой приходится, кажется, понемногу отступать самимъ авторамъ новыхъ нормъ. Чрезвычайно характерна именно для сужденія о «реальномъ соотношеніи силъ» эта, аграрная, часть дѣятельности «конституціоннаго» правительства. Задача на первый взглядъ проста: нужно отвлечь крестьянскіе глаза отъ помѣщичьихъ земель; нужно дать помѣщику дешеваго рабочаго и нужно сбыть накупленныя по дорогой цѣнѣ дворянскія земли. Отвлечь вниманіе лучше всего раздѣломъ общинныхъ надѣловъ на участки и закрѣпленіемъ душевыхъ надѣловъ за домохозяевами; дать дешеваго рабочаго,—разрѣшается продажа надѣловъ кому угодно, и сельско-хоз.

пролетаріатъ готовъ къ услугамъ землевладѣльцевъ; сбыть земли,— обязать земскихъ начальниковъ пропагандировать хутора, насадить новыя тысячи чиновниковъ въ землеустроительныя комиссіи; давать денежныя награды за каждый хуторъ и отрубъ и грозить отставкой за нейтралитетъ въ этихъ «реформахъ». Все и было совершено съ простотой и скоростью, довлѣющими крупной силѣ; стомилліонная масса молчала, позволяла мудрить надъ собой, покупала по дорогой цѣнѣ земли, которыхъ удержать не могла, продавала надѣлы кулакамъ за гроши, пропивала ихъ въ той же монопольной лавкѣ и круговоротъ денегъ оживлялся. Вторая Дума, отъ которой нельзя было ждать одобренія этихъ реформъ, благополучно распущена, переворотъ 3-го іюля сошелъ тихо, а третья Дума превзошла самыя радужныя надежды реформаторовъ. Казалось бы, только радоваться да развивать дѣятельность землеустроительныхъ комиссій? И тутъ снова начинается, въ который ужъ разъ, старая исторія: ни одна изъ реформъ не хочетъ прививаться, результаты плачевны, населеніе не богатѣетъ, а все нищаетъ, все поглядываетъ на дворянскія земли, все недовольно, что обложеніе неравномѣрно, все заставляетъ «выколачивать» недоимки изъ себя, затрудняя стражниковъ и казаковъ; общеземская организація открываетъ обществу глаза на переселенческое дѣло; на хуторахъ нѣтъ воды, нѣтъ выгоновъ, дѣтей нельзя посылать въ школы, врачебная помощь стала еще дальше. Всѣ отбросы сельскихъ обществъ, сдерживаемые раньше ограничительными мѣрами *обычнаго* характера, пораспродали надѣлы и начинаютъ сотнями ходить по губерніямъ, требуя работы, сбивая цѣны и внося раздраженіе среди крестьянъ и пугая помѣщиковъ озорствомъ. Земли крестьянскаго банка съ рукъ нейдутъ, а проданныя возвращаются за неплатежъ обратно банку; попрежнему не хватаетъ сѣмянъ, не хватаетъ хлѣба, и голодъ заставляетъ казанскихъ крестьянъ *продавать своихъ дѣвушекъ*. Голодающимъ продаютъ негодный хлѣбъ, да и того не хватаетъ, вслѣдствіе разумной распорядительности знатока аграрнаго вопроса, Гурко, и его друга-водопроводчика и содержателя игорнаго дома, Лидваля. То губернаторъ попадется въ принятіи десятитысячныхъ подарковъ, то завѣдомо недобросовѣстный поставщикъ покровительствуется цѣлымъ губ. присутствіемъ (Казань); и пока всѣхъ разберутъ, осудятъ и помилуютъ, крестьяне успѣютъ многое передумать о новыхъ порядкахъ, объ аграрной части адреса первой Думы и насильственно насаждаемой правительственной реформѣ. Всплываютъ, среди дѣлъ объ аграрныхъ безпорядкахъ, детали помѣщичьяго хозяйства, кабала въ XX вѣкѣ у Стишинскаго, жестокость Филатьева, управляющаго велико-княжескимъ имѣніемъ, безземелье 3000 человѣкъ брасовскихъ крестьянъ (имѣнье В. К. Михаила Александровича), устраивавшихъ погромы еще

сто—полтораста лѣтъ назадъ. Суды съ сословными представителями, далеко несклонные къ мягкости, оправдываютъ большинство подсудимыхъ, какъ бы признавая этимъ, что корни преступленій ихъ лежатъ внѣ сферы доброй крестьянской воли. Ничто, такимъ образомъ, не устраивается въ желаемомъ правительству направленіи; министры начинаютъ сами разъѣзжать по губерніямъ, гдѣ подготовляются къ показу образцовые хутора, подтягиваются чиновники и составляются одобряющіе и оправдывающіе отчеты. Но теперь никого уже этими мѣрами не успокоишь; самый рядовой обыватель болѣе вѣритъ своимъ глазамъ, чѣмъ радужнымъ афишамъ; живетъ ли онъ въ деревнѣ или городѣ, онъ не только ежедневно созерцаетъ ростъ нищеты народа, но чувствуетъ ее на своемъ собственномъ горбу; онъ, этотъ обыватель, несклоненъ обращать ни малѣйшаго вниманія на укрѣпленіе курсовъ, потому что ни онъ самъ, никто вокругъ него не читаетъ о покупкахъ бумаги, о наличности въ странѣ свободныхъ средствъ; наоборотъ, онъ видитъ и читаетъ, что промышленность переживаетъ кризисъ, что самыя прочныя предпріятія сокращаютъ число рабочихъ дней, расчитываютъ служащихъ и просто разоряются; каждый новый заемъ заставляетъ опасаться наступленія времени, когда деньги будутъ давать намъ подъ залогъ государственныхъ богатствъ,—жел. дорогъ, нефтяныхъ земель, таможенъ и т. под. и что судьба Турціи временъ абсолютизма можетъ постичь и «конституціонную» Россію, если она не перейдетъ къ конституціи безъ ковычекъ. Тогда, правда, нельзя будетъ провести закона о постройкѣ амурской дороги въ заледенѣлой тундрѣ и нужной только—въ стратегическомъ отношеніи—Японіи и Китаю, дороги, собирающейся поглотить (вмѣстѣ съ воен. сооруженіями) около милліарда рублей (которые еще нужно занять, конечно); тогда придется отказаться ото всѣхъ аграрныхъ законовъ послѣднихъ лѣтъ, оставить въ покоѣ общину тамъ, гдѣ она хочетъ держаться, поставить предѣлы мобилизаціи надѣловъ въ кулаческихъ рукахъ и вообще—передать народу право устройства своей жизни. И элементарная наблюдательность диктуетъ, что время это приближается не по днямъ, а по часамъ, ибо также быстро приближается государственное разореніе, которое потребуетъ для своей ликвидаціи новыхъ людей, новыхъ законовъ, новыхъ депутатовъ; правительство,—а въ его добросовѣстности и истинномъ патріотизмѣ никто не сомнѣвается,—само сознаетъ свои ошибки и будетъ имѣть время исправить ихъ, вернувшись къ началамъ манифеста 17-го октября, какъ къ реальному фактору новаго строя, а не декораціи, за которой притаился абсолютизмъ чиновничества, испуганнаго, неосвѣдомленнаго, страдающаго свѣтобоязнью. Этому абсолютизму нуженъ темный и безправный народъ; и еслибъ можно было совмѣстить темноту и безправіе съ бо-

гатствомъ, то реакція могла бы торжествовать по всей линіи, а прогрессивная часть страны могла бы вернуться къ эзоповскому языку въ печати и домашнимъ мечтамъ о конституціяхъ. Но вотъ какъ разъ эти-то начала и несовмѣстимы; сорокъ лѣтъ реакціи, двѣ войны, развитіе лихоимства и безсмысленныхъ растратъ государственныхъ средствъ (жел. дороги, грюндерство временъ Витте, амурская дорога, флотъ и т. д. и т. д.)—такъ разорили главнаго плательщика налоговъ—русскаго крестьянина, что впредь онъ и при темнотѣ и безправіи не можетъ уже питать реакціи и политическаго мракобѣсія. Ни рабочій вопросъ, ни интеллигентская организованность, ни объединеніе оппозиціи, ни окраины,—ничто но можетъ такъ заботить правительство Столыпина, какъ безотвѣтное крестьянство: въ мултановскихъ безпорядкахъ, въ аркадакской забастовкѣ, въ холерныхъ бунтахъ—оно менѣе опасно, чѣмъ въ *молчаніи*. А послѣ первой Думы крестьянство молчитъ. И вотъ министры уже шлютъ къ нему ходоковъ, сами, наконецъ, ѣдутъ. И было бы наивно думать, чтобы они успокоились за судьбу реакціи при видѣ традиціоннаго хлѣба-соли на блюдѣ, при выслушаніи рѣчи, прорепетированной съ земскимъ начальникомъ, который тутъ же, за спиной наѣзжаго сановника гипнотизирующе взираетъ на хуторянъ, «много довольныхъ» и признательныхъ за отеческое попеченіе властей.

9. ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ.—ШКОЛЫ.

Земства и университеты сыграли немалую роль въ первой стадіи освободительнаво движенія и это не могло быть забыто правительствомъ. Съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей, депутація 6-го іюня, волненія въ высшей школѣ,—все тревожило общественную мысль, привлекало къ движенію все новыя сферы, было какъ бы дрожжами, на которыхъ быстро подымалось объединеніе оппозиціонныхъ элементовъ; послѣ 17-го октября дѣло пошло еще шире,—земскія собранія обратились къ политическимъ вопросамъ и интересы мѣстные потускнѣли передъ неотложными проблемами общегосударственнаго характера. Губернаторы очутились въ положеніи насѣдокъ, выведшихъ утятъ, и томились безпомощно на осыпающемся берегу, созерцая отплывшія на чистую воду политической жизни группы земскихъ дѣятелей, крамольно объединившися съ «третьимъ» элементомъ. Изъ земскихъ собраній посыпались постановленія, къ мѣстнымъ дѣламъ никакого отношенія не имѣвшія; то ободряли они политику Витте, то порицали ее; протестовали противъ арестовъ общественныхъ дѣятелей, ассигновали деньги на «политическое просвѣщеніе народа» (ярославское земство 50.000 р.), предъявляли иски къ губернаторамъ за разгромы управъ

(тверское земство), наконецъ, устраивали комитеты обществ. безопасности (сызранское земство). Городскія думы тоже не отставали, отказывали въ постоѣ войскамъ, въ деньгахъ—полиціи и жандармамъ, просили о всеобщемъ избирательномъ правѣ (Петропавловскъ), не желали чествовать возвращающіяся съ войны войска (Минскъ), требовали отмѣны военнаго положенія (Иркутскъ) и т. д. и т. д. Призывъ Монарха—высказаться о дѣлахъ общегосуд. характера былъ выполненъ до конца; начиная съ конституціонныхъ адресовъ 1904 года и кончая резолюціями о первой Думѣ (такъ, макарьевское земское собраніе постановило признать распущенную Думу истинной выразительницей народныхъ нуждъ, необходимость скорѣйшаго созыва новой Думы и, horribile dictu, избрало выборжца почетнымъ членомъ управы). — Земства отзывались на текущія событія съ прямотой и смѣлостью вполнѣ зрѣлыхъ общественныхъ организацій. Репрессіи были не за горами, но, пока не собралась первая Дума и пока не высказалась о принудительномъ отчужденіи земель, правительство медлило, не имѣя надежды на внутреннюю реакцію въ земской средѣ. Принудит. отчужденіе и было тѣмъ пробнымъ камнемъ, на которомъ раздѣлились земскія силы: однѣ окончательно примкнувъ къ прогрессивнымъ партіямъ, другія къ октябризму и чернымъ сотнямъ. И т. к. большинство гласныхъ принадлежало къ помѣстному дворянству, давно отождествившему земскіе интересы съ своими сословными и лишь по неорганизованности и невѣжеству подписывавшему конституціонные адресы, то реакція въ земствѣ, основанномъ на положеніи 1890 г., возродилась безъ особыхъ поощреній губернаторовъ, теперь всячески афишировавшихъ неразрывную дружбу съ органами земскаго самоуправленія.

Россія сдѣлалась одно время свидѣтельницей настоящей эпидеміи самоуничтоженія, массоваго земскаго самоубійства. На земской школѣ, агрономіи, статистикѣ, медицинѣ вымещалась дикая, безудержная злоба на освободительное движеніе, потревожившее буржуазный покой и ничегонедѣланіе; всѣ эксцессы революціи, въ которыхъ земскіе работники были такъ же мало замѣшаны, какъ и реакціонеры, взваливались на голову третьяго элемента, и коренная ломка всего, созданнаго съ такимъ трудомъ за прежніе годы, стала какъ бы политическимъ лозунгомъ «новоземцевъ», бывшихъ все тѣми же, слишкомъ *старыми*, реакціонерами добраго прошлаго времени. Безъ особенныхъ напоминаній губернаторовъ управы выгоняли служащихъ, уничтожали цѣлые отдѣлы, урѣзывали кредиты на просвѣтительныя цѣли и, что плачевнѣе всего, поощряли за счетъ крестьянскаго кошелька явно черносотенныя выступленія реакціи. (Такъ, курское земство ассигнуетъ крупныя суммы на изданіе черносотенной

газеты, избираетъ въ члены губ. управы депутата Маркова, чтобы округлить его содержаніе и зная, что создаетъ синекуру). Отказываютъ въ ассигновкахъ на общеземскую организацію и поносятъ ее всячески, несмотря на то, что правительство само пользуется помощью этого учрежденія; ассигнуютъ зато громадныя суммы на усиленіе полиціи, жандармовъ, стражниковъ и т. под. «нужды» общегосударственнаго характера, и губернаторы *не опротестовываютъ* такихъ назначеній; учреждаютъ преміи за доносы о поджогахъ и аграрныхъ волненіяхъ, поощряя кляузничество и насаждая сыскъ въ деревняхъ. Въ то же время власти дѣятельно очищаютъ составы управъ отъ крамольнаго элемента; не утверждаютъ избираемыхъ на земскія должности «кадетовъ», отбираютъ отъ служащихъ подписки, что они не принадлежатъ къ этой партіи, обыскиваютъ управы, школы и др. земскія учрежденія, издаютъ циркуляры и пишутъ бумаги, напоминающія австрійскіе ультиматумы Сербіи, а не дѣловую переписку администрацій и органовъ самоуправленія. При этомъ самымъ оригинальнымъ образомъ пользуются собственнымъ опытомъ: напр. Мамаевъ, бывшій предс. елисавет. у. з. управы, будучи назначенъ губернаторомъ (херсон. губ.), уволилъ половину своихъ бывшихъ сослуживцевъ за «неблагонадежность». Увольненія вообще носятъ массовый характеръ; въ Харьковѣ однимъ махомъ увольняютъ около сорока служащихъ губ. земства и т. под. Довольно быстро, однако, настало похмелье. Уничтожить, испортить—было легко, да вновь налаживать трудно; оказалось, что безъ третьяго элемента все дѣло должно стать, а безъ прогрессивныхъ гласныхъ никому не справиться ни въ управахъ, ни въ собраніяхъ; писать доклады, ревизовать учрежденія, докладывать собраніямъ дѣла,—все это совсѣмъ не то, что говорить и писать праздныя, заѣзженныя фразы о залогѣ женъ и дѣтей и складываніи къ подножію престола «достатковъ», когда любая патріотическая подписка собираетъ гроши и никто пальцемъ не шевельнетъ, чтобы матеріально помочь бѣдствующему правительству.

Земства стали нищать такъ же быстро, какъ и народъ; то и дѣло слышишь о просьбахъ земствъ о займахъ, субсидіяхъ, о закрытіи школъ и больницъ по недостатку средствъ, о крахѣ страховыхъ отдѣловъ въ виду уплаты премій за сожженныя усадьбы и послѣдствія карательныхъ поджоговъ. Мало того, само правительство ведетъ черезъ податную инспекцію такую политику, что земскія кассы должны поневолѣ пустовать, а то обстоятельство, что земскія недоимки начинаютъ взыскивать съ экзекуціями и насиліями, едва ли полезно земству, раздражая противъ него населеніе. Кончилось дѣло тѣмъ, что новыя земства, не пріобрѣтя дѣйствительнаго расположенія реакціоннаго правительства, которое все не довѣряетъ самоуправленію, расте-

ряли и накопленное предшественниками, очутившись, какъ старики въ «золотой рыбкѣ», передъ тѣмъ же корытомъ, разбитымъ еще въ 1890 г. трудами гр. Д. Толстого и Побѣдоносцева. Въ средѣ прежнихъ земскихъ дѣятелей возникаетъ, поэтому, двойное теченіе; одни, болѣе умѣренные круги, возобновляютъ организаціонную работу на мѣстахъ, въ губерніяхъ, полагая, что, когда это будетъ выполнено, объединеніе всѣхъ земствъ будетъ уже легкимъ дѣломъ; другіе исходятъ изъ обратнаго положенія: объединить все, что осталось отъ прежнихъ земскихъ съѣздовъ и отсюда, при постоянномъ бюро, дѣйствовать на периферіи. Вопросу о томъ, какъ именно дѣйствовать, былъ посвященъ и земскій съѣздъ въ октябрѣ 908 г., состоявшійся въ Москвѣ, несмотря на стараніе Рейнбота изловить его. О томъ, чтобы довести постановленіе съѣзда до свѣдѣнія всего общества, постаралось, конечно, само правительство. П. А. Столыпинъ особымъ циркуляромъ сообщилъ всѣмъ предсѣдателямъ земскихъ собраній о необходимости объединенія прогрессивныхъ земскихъ элементовъ (постановленіе съѣзда) и обязательствѣ предводителей дворянства слѣдить за такой крамолой и немедленно доносить ему (собственное измышленіе министра). Такимъ образомъ, обѣ стороны возвращались какъ бы въ «первобытное состояніе»: одна собиралась сызнова начать объединеніе, другая—доносительство и репрессіи. Но жизнь далеко утекла отъ береговъ 904—905 гг., и новыя времена несутъ новыя, столь же неотложныя задачи; передъ ними умирающее естественной смертью дореформенное земство, изъ котораго выжаты всѣ хорошіе соки, столь же безсильно, какъ и самый широкій, азефскаго пошиба, сыскъ и провокація; силы перемѣщаются, складываются новыя ихъ комбинаціи и, конечно, въ тотъ моментъ, когда онѣ выступятъ активно, правительство окажется такъ же мало подготовленнымъ къ встрѣчѣ новой формы общественнаго движенія, какъ оно оказалось неподготовленнымъ въ 904 году. Въ этомъ отношеніи у него не будетъ большого успѣха и въ новой школѣ, такъ же переживающей, какъ и земство, переходное время, и такъ же пораженной внутренней реакціей; правда, послѣдняя не проявляется въ такихъ некультурныхъ формахъ, какъ въ земствахъ, но такъ же одушевляетъ гг. Шварца, Георгіевскаго и К°, какъ земство воодушевило было Столыпина.

Всякое правительство заботится о томъ, чтобы вырастить поколѣніе своихъ послѣдователей, а это возможно только при общегосударственномъ характерѣ школы, который осуществляется надзоромъ за всѣми видами образованія. Поэтому реакціонное министерство Столыпина только и могло насадить въ школы реакцію и пребываніе во

главѣ м. нар. просвѣщенія прогрессивныхъ людей, въ родѣ гр. И. Толстого, могло имѣть лишь случайный, временный характеръ.

Оффиціальнымъ поводомъ возвращенія къ старымъ порядкамъ было широкое участіе школы во всѣхъ стадіяхъ освободительнаго движенія; въ эксцессахъ его—террорѣ, экспропріаціяхъ, политическихъ стачкахъ—всюду встрѣчаемъ студентовъ высшей школы и учениковъ средней и даже низшей. Коренной лозунгъ реакціи «сначала успокоеніе,—потомъ реформы» не дѣлалъ исключенія для школы, и успокоеніе начало въ ней насаждаться съ планомѣрностью, которая граничила развѣ только съ невообразимымъ убожествомъ мысли и неспособностью къ какой бы то ни было органической работѣ нынѣшняго министерства нар. просвѣщенія.

Роспускъ первой Думы особенно отразился на положеніи начальной школы; часть школъ должна была вовсе пустовать вслѣдствіе арестовъ и высылки учителей, массовыхъ увольненій, а иногда и по причинѣ сожженія школьныхъ зданій карательными отрядами. Всеобщее обученіе, о которомъ правительство любило говорить, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, отодвигалось надолго, и такія щедрыя земскія ассигнованія, какъ, напр., харьковское (по докладу Н. Ковалевскаго—200,000 рублей ежегодно), оставались безъ широкаго и планомѣрнаго употребленія. Достаточно сказать, что по свѣдѣніямъ директоровъ народныхъ училищъ, въ 1907 (осень) насчитывалось однихъ безработныхъ учителей, т.-е. живущихъ на мѣстахъ и ждущихъ работы, около *двадцати тысячъ человѣкъ*; при чемъ почти *всѣ* находились подъ административнымъ запретомъ. Положеніе школъ на окраинѣ было не лучше и тамъ не только учителя выбрасывались сотнями на улицу потому только, что ген.-губернатору приходило, напр., въ голову запретить полякамъ (или латышамъ) преподаваніе географіи или исторіи, но и родители признавались отвѣтственными за поступки дѣтей моложе 17 лѣтъ!

Намъ уже приходилось упоминать объ избіеніяхъ учащихся послѣ манифеста 17-го окт. (Курскъ, Тула и др.); среди послѣднихъ попадались и ученики низшей школы, принесшей, такимъ образомъ, и свою скромную, но многозначущую часть жертвы на алтарь конституціи. Что касается до средней школы, то здѣсь отношеніе къ событіямъ выражалось гораздо ярче, и, параллельно съ забастовками, демонстраціями, митингами, политическими убійствами директоровъ (Радецкій, Никольскій) и учителей (за дурные баллы и строгость), экспропріаціями, шли всѣ степени репрессіи, начиная отъ изгнанія и арестовъ до висѣлицъ (Морозовъ и др.). Отвлеченно разсуждая, участіе средней школы въ политической борьбѣ недопустимо; но исторія всѣхъ революцій носитъ слѣды этого участія, которое, такимъ обра-

зомъ, дѣлается какъ бы естественнымъ и закономѣрнымъ послѣдствіемъ общаго смѣщенія съ нейтральнаго положенія; естественно же, что реакція, нерасполагающая въ своемъ арсеналѣ ничѣмъ, кромѣ орудій мщенія и разрушенія, не можетъ подойти къ школѣ съ необходимой реформой и обрушивается на незрѣлыя головы и юныя тѣла школьниковъ съ тѣмъ же азартомъ и безпощадностью, что и на полноправныхъ и отвѣтственныхъ за свои поступки гражданъ. Въ этомъ ей усердно помогаютъ ставленники правительства, въ лицѣ директоровъ—давно обратившихъ высокое дѣло дѣтскаго образованія и воспитанія въ машинальную чиновничью страду. Мало того, иные изъ нихъ затрудняли своимъ усердіемъ положеніе и самой высшей власти; напр., ректоръ костромской семинаріи обратился къ воспитанникамъ съ пространной политической рѣчью, содержаніе которой сводилось къ слѣдующимъ тезисамъ: 1) всѣхъ отступниковъ отъ православія слѣдуетъ казнить смертію, 2) указъ 17-го окт. о свободѣ совѣсти не согласенъ съ духомъ церковныхъ школъ и 3) гражданская власть, издавая законы, касающіеся религіозной и церковной сферы, вмѣшивается въ компетенцію церковной власти, почему гражданскіе указы не могутъ имѣть законной силы. Понятно, что не такими путями достигается успокоеніе; нѣтъ, вообще, болѣе чуткой аудиторіи, чѣмъ юношеская и дѣтская; интуитивнымъ путемъ, такъ безошибочно раздѣляется искреннее отъ лицемѣрнаго, правда отъ преднамѣренной лжи, политическая честность отъ полит. хулиганства; «начальство» хорошо знаетъ это и, не задумываясь, переходитъ отъ словъ къ дѣлу, передавая свои полномочія жандармамъ и тюремщикамъ. Въ одиночныхъ камерахъ видимъ дѣтей, «зубрящихъ» грамматику и географію, дѣвочекъ, присѣдающихъ входящему начальству, словно не дѣлая различія между школой и тюрьмой... тоже своего рода школой революціи.

Суровому разгрому подверглась высшая русская школа, всегда шедшая во главѣ освободительнаго движенія и въ безконечно длившуюся ночь реакціи одна несшая огонекъ, отъ котораго во всѣ времена зажигалось народное сердце; его, этотъ огонь, не могли затушить ни фельдфебельскіе порядки николаевскаго времени, ни толстовская и деляновская мертвая петля, закинутая на шею школьной автономіи; ни ссылки, ни избіенія у соборовъ и манежей, ни солдатская лямка; потому что это былъ тотъ живой огонь свободы, который заложенъ въ нѣдрахъ народнаго духа такъ же глубоко, какъ въ центрѣ земного шара—огонь физической жизни. Народы гибли, когда угасалъ этотъ согрѣвающій и бодрящій свѣтъ, но въ этомъ процессѣ насиліе никогда не играло никакой роли, наоборотъ; поэтому всѣ мѣры, которыя принимались за эти годы для умерщвленія «вольнаго» университетскаго духа, шли только ему на пользу; но за то, когда затяжная

борьба вызвала періодъ нѣкоторой усталости общества, высшая школа отразила ее въ себѣ, какъ хорошее зеркало; потому ошибочно было бы приписывать современное настроеніе университетской молодежи стараніямъ Шварца и Столыпина; еслибъ на ихъ мѣстахъ сидѣли истинные прогрессисты, автономія была бы водворена на свое мѣсто и профессура не подвергалась бы гоненіямъ,—все равно періодъ упадка силъ протекалъ бы, какъ и теперь, въ увлеченіяхъ половой проблемой, атлетикой, упадочной литературой, воскресшимъ въ новыхъ формахъ мистицизмомъ. Вотъ почему особенно дикое впечатлѣніе производятъ репрессіи по мин-ству народ. просвѣщенія, принимаемыя въ то время, когда аудиторіи полны, экзаменаціонныя комиссіи не успѣваютъ пропускать всѣхъ желающихъ сдавать зачеты и государственные экзамены и когда на многотысячныхъ сходкахъ, вмѣсто призыва къ борьбѣ съ правительствомъ, раздается призывъ къ «простой жизни» Санина. Репрессіи могутъ только сократить этотъ періодъ застоя, вернуть юношество на торный путь съ сомнительной тропы, ведущей къ «Навьимъ чарамъ», черной магіи, прожиганію еще не прожитой жизни. Обезцѣненіе послѣдней сказывается всего болѣе на самоубійствахъ дѣтей. За одинъ годъ (съ 14 іюня 908 по 14 іюля 909 г.) было 776 случаевъ самоубійства въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, т.-е. по 64 насильственной смерти въ мѣсяцъ; если же взять время съ 1 янв. 909 г., то число ежемѣсячныхъ смертей возрастетъ до 91; школьныя самоубійства почти всѣ вызваны возстановленіемъ экзаменовъ и новымъ расцвѣтомъ балльной системы, и такимъ образомъ ложатся всецѣло на совѣсть авторовъ этихъ распоряженій. Затѣмъ дѣйствуютъ болѣе общіе мотивы—безработица и нужда личная или родителей, дурное обращеніе, разочарованіе, оскорбленная честь и т. под. (свѣдѣнія эти заимствованы изъ ст. г. Хорошко, «Русск. Вѣд.» № 185). Быть можетъ ничто другое такъ ярко не характеризуетъ реакціи, какъ эта гекатомба изъ *будущихъ* гражданъ, ушедшихъ отъ жизни, не вынеся ея тяготы. Подъ огромнымъ непроницаемымъ колпакомъ, надвинутымъ на цѣлый народъ, должны первыми задохнуться его дѣти. Что можно созидать на этомъ необъятномъ кладбищѣ, лишенномъ воздуха, вотъ вопросъ, на который никто не затрудняется отвѣтомъ. Ровно ничего. Не слѣдовало бы, однако, забывать, что стѣны разрушаются не только отъ взрывовъ бомбъ, но и отъ напора газовъ гніенія; въ самомъ разложеніи жизни, и въ частности—школы, не заключается ли большей опасности для «существующаго режима», нежели отъ освободительнаго движенія?

Возвратимся, однако, къ мартирологу высшей школы. Обысканы были, съ чердаковъ до подваловъ, съ разореніемъ, подчасъ научныхъ коллекцій, порчей дорогихъ приборовъ, уничтоженіемъ чертежей и

т. под. актами простого вандализма, университеты юрьевскій, одесскій, петербургскій, харьковскій, казанскій, кіевскій; институты—политехническій, технологическій, горный, лѣсной, путей сообщенія; училища—лазаревское восточныхъ языковъ, техническое (Москва); закрывались по нѣскольку разъ тѣ же школы и, считая вмѣстѣ съ періодами студенческихъ забастовокъ, цѣлое поколѣніе учащихся вычеркнуто было изъ жизни съ тѣмъ, чтобы уже не вернуться въ нее во-время и съ прежними силами. Профессора также подвергались гоненію (пр. Тираспольскій и мн. др.), наконецъ, когда уже все разгромлено и принижено, начинаются судебныя кары за дѣйствія, совершенныя въ совершенно иной атмосферѣ конца 1905 года, и притомъ дѣйствія, въ свое время удержавшія университеты отъ эксцессовъ, спасшія не мало молодежи отъ гибели. Осуждены сенатомъ ректоръ и профессоръ одесскаго университета Занчевскій и Васьковскій, ректоры—юрьевскаго ун-та Пассекъ, петербургскаго политехникума—кн. Гагаринъ, и потерпѣли такъ или иначе многіе другіе. Репрессивное усердіе кончалось иногда карикатурнымъ положеніемъ правительства: такъ, напр., когда Шварцъ выдумалъ отобрать подписки отъ профессоровъ-выборжцевъ, что они не принадлежатъ ни къ какой полит. партіи, онъ получилъ отъ нихъ такую отповѣдь, что пришлось взять назадъ свое распоряженіе; не удалось взяться и за другихъ представителей профессуры, къ которой теперь вообще перешла главная роль по охранѣ университетской свободы. Все это не могло не вызывать дикихъ воплей въ черносотенныхъ сферахъ и, начиная отъ призыва къ простому истребленію крамольниковъ, до пропаганды Меньшиковымъ закрытія всѣхъ высшихъ школъ и основанія одной, да истинно-русской,—насчитывается многое множество проектовъ, равно невыполнимыхъ; число черносотенцевъ среди учащихся ничтожно, а наличные сконцентрированы въ привилегированныхъ школахъ (два лицея, уч. правовѣдѣнія, пажескій корпусъ); число профессоровъ-союзниковъ—тоже, да при томъ только бездарность приводитъ ихъ въ союзъ, такъ что даже правительству Столыпина не придетъ въ голову открывать такого образцоваго университета. Оно просто пользуется періодомъ утомленія молодежи, чтобы придавить школу до стараго толстовскаго уровня, а если можно, то и ниже; но старанія эти, по исключительной бездарности министра нар. просвѣщенія и его товарища, кончаются чаще всего трагикомически для самихъ иниціаторовъ. Школа есть барометръ жизни страны; неужели отъ того, что дорогой и точный инструментъ будетъ разбитъ или спрятанъ въ темную комнату,—погода можетъ измѣниться? Акты правительства въ школьномъ вопросѣ не отличаются отъ такого именно образа дѣйствій невѣжды, обуреваемаго страхомъ увидѣть, при безоблачномъ пока небѣ, предсказаніе завтра-

шней бури. Въ русской школѣ, какъ и повсюду у насъ, происходитъ сейчасъ сложный внутренній процессъ; силы перемѣщаются, перестраиваются, нарождаются новыя комбинаціи и задачи; невольно ревизуются старыя программы, подвергаются критикѣ былые тактическіе пріемы. Неосторожно считать періодъ перемѣны фронта арміи и пополненія ея резервами за конецъ кампаніи, тѣмъ болѣе — за побѣду.

10. НАЦІОНАЛЬНОСТИ.

Императоръ Александръ II сказалъ однажды: «Я охотно далъ бы конституцію, но вѣдь это равносильно переходу къ автономизму». Около этого страшнаго слова выросли, въ сущности, и всѣ репрессіи по отношенію къ окраинамъ, всѣ стремленія руссифицировать ихъ, проглотить и переварить въ великорусскомъ желудкѣ. Желаніе неисполнимое. Изъ культурной борьбы выходятъ побѣдительницами болѣе сильныя культурою же національности; преслѣдованія куютъ изъ аморфной народной массы плотныя организаціи, объединенныя общностью интересовъ. Все это—трюизмы, но русскія правительства игнорировали ихъ въ теченіе ряда лѣтъ. Когда начало освободительнаго движенія обнаружило, что на окраинахъ имперіи все готово къ революціонному выступленію, то можно было подвесть итоги предшествовавшему періоду угнетенія окраинъ и разочарованія навсегда въ политикѣ, поддерживаемой Катковымъ и его единомышленниками; но и этотъ урокъ прошелъ безслѣдно, а реакція 1906—1909 г.г. по отношенію къ неславянской національности Россіи проявилась въ утрированныхъ репрессіяхъ дореформеннаго характера. Военное положеніе, полевые суды, карательные отряды, ген.-губернаторы, погромы, промышленное разореніе. Имперія словно обложилась кострами и сбитая съ толку пожарная команда не знала, гдѣ и чѣмъ тушить пожаръ, угрожавшій всему государству. Поэтому и то немногое, что было достигнуто на пути скрѣпленія частей его, какъ, напр. — дарованіе Финляндіи всеоб. избир. права, подверглось потомъ нападенію и порчѣ. Цвѣтущія провинціи обезлюдили и разорились; національности, ихъ населяющія, раздражены, и старая ненависть къ режиму понемногу распространяется и на народъ, потому что есть доля правды въ томъ, что «всякій народъ заслуживаетъ свое правительство». Военные администраторы дѣйствуютъ въ отношеніи къ тонкому организму національностей съ простотой и грубостью начальниковъ дисциплинарныхъ учрежденій. Трехтысячные штрафы за обученіе родному языку; *временное* разрѣшеніе для учащихся въ отдѣленіи *слѣпыхъ* варш. института *глухонѣмыхъ* преподаванія на польскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, кромѣ рус. языка, исторіи и географіи; преслѣдованіе мѣст-

наго духовенства, повальные обыски городовъ, военный постой, — все это питало ненависть, какъ масло — огонь, все сулило въ будущемъ обостренiе тѣхъ вопросовъ регулированiя гос. строя, неотложность которыхъ все равно чувствуется всѣми, которыми пропитана вся политическая атмосфера. Особенно, конечно, доставалось евреямъ; ихъ истребляли погромами, приглашали къ покаянiю, брали заложниками, гнали съ выборовъ, выселяли, — всего было мало; союзники не уставали дерзко тревожить верховную власть своими набѣгами на еврейство, приписыванiемъ ему чуть не руководящей роли въ освободительномъ движенiи. Донскiе казаки (правда, всего двухъ селъ) пишутъ въ адресѣ, благодарящемъ за роспускъ второй Думы: «Всемилостивѣйшiй Государь! просимъ тебя, повели въ выборномъ законѣ включить воспрещенiе евреямъ права участвовать въ выборахъ, чтобы Гос. Дума выражала исключительно русскiй духъ, русскую нацiю; тогда только явятся къ тебѣ, великiй государь, настоящiе избранники русскаго народа!» Даже въ самое послѣднее время, когда, казалось бы, охота къ государственнымъ переворотамъ начала ослабѣвать, читаемъ, что одесская дума проситъ именно о новомъ переворотѣ—перемѣны изб. закона *для Одессы*; и мѣстныя власти готовы пересылать эти революцiонные проекты, а оффицiозы, въ родѣ «Россiи»—защищать ихъ. И никто не поручится, что черносотенное «ходатайство» будетъ доложено Монарху вмѣсто того, чтобы вернуть его съ одновременной отставкой всѣхъ пересылавшихъ беззаконную просьбу. То же почти дѣлалось по отношенiю къ армянамъ.

Между тѣмъ, изъ ряда резолюцiй, вынесенныхъ за эти годы на окраинахъ, можно видѣть, что цѣлости имперiи не угрожало ничто; что сепаратизмъ, самъ по себѣ безсмысленный при современной международной конъюнктурѣ, царитъ только среди мѣстныхъ властей, другъ отъ друга независящихъ, не слушающихся центральнаго органа правительства и ведущихъ самостоятельныя политики.

Что касается до идеи автономизма, то ее трудно было искоренить какими бо то ни было репрессiями; не противорѣча ни въ чемъ принципу государственнаго единства, всецѣло покоясь на самоуправленiи, повсюду вносящемъ въ государственный строй спайку отдѣльныхъ частей, автономистская идея жила и развивалась помимо текущихъ событiй, какъ корень могучаго дерева, невидный въ землѣ, но питающiй стволъ, вѣтви и листья. Поэтому, какъ только народъ получилъ возможность избрать, хотя бы на основѣ несовершеннаго закона, своихъ представителей, они естественно должны были обратиться къ рѣшенiю основной проблемы будущаго государственнаго строя Россiи. Въ первой Думѣ, одновременно съ конституированiемъ ея по комиссiямъ, шла организацiя союза автономистовъ, въ который цѣли-

комъ вошли депутаты охранъ и многіе представители великорусскихъ губерній; въ этомъ союзѣ, насчитывавшемъ ко времени роспуска Думы до 155 членовъ, представлены были всѣ политическія группы Думы, а слѣдовательно и страны. Можно даже сказать, что умѣренные и консервативные элементы преобладали численно. Союзъ выработалъ свою программу, въ первомъ пунктѣ которой подчеркивалась цѣлость и недѣлимость имперіи. Съ роспускомъ Думы открытая дѣятельность союза должна была прекратиться, но вопросъ автономизма, такъ тѣсно сплетающійся съ національнымъ вопросомъ, продолжаетъ разрабатываться въ печати и непубличныхъ собраніяхъ; національности не умираютъ отъ того или иного режима, отъ того или иного политическаго теченія, а подчиняютъ ихъ себѣ. Подобно тому, какъ общеимперскіе законы дѣлаютъ исключенія въ пользу окраинъ (Финляндское право, кодексъ Наполеона въ Польшѣ, литовскій статутъ, кавказское обычное право и т. под.), и политическія и соціальныя доктрины должны подвергаться поправкамъ *на національность*; съ особенной силой сказывается это на эволюціи марксизма въ Австріи (и та же судьба суждена ему въ Россіи). Силы и будущее вліяніе національностей ея учесть теперь трудно, но что безъ этого вліянія не создается прочный государственный строй и что внѣ автономіи окраинъ невозможно дѣйствительное успокоеніе взбаломученной родины нашей, въ томъ позволительно не сомнѣваться. Издавна уже наиболѣе пытливые умы сходились въ этомъ отношеніи между собой, независимо отъ своей политической окраски. Суровый исполнитель служебнаго долга Фадѣевъ, и кончившій висѣлицей декабристъ Пестель; основатель, историкъ и свѣточъ славянофильства—Данилевскій и издатель «Колокола»—Герценъ,—на всѣхъ ступеняхъ русской интеллигенціи и во всѣ историческія эпохи встрѣчаемъ мы поборниковъ идеи, осуществленіе которой должно поднять имперскую мощь на недосягаемую еще высоту. «Отказъ отъ автономіи какой-либо народности, требующей ея,—говоритъ ученый государствовѣдъ Н. Лазаревскій,—есть насиліе, несправедливость, влекущая за собою рядъ нежелательныхъ для обѣихъ сторонъ послѣдствій. Чѣмъ раньше положить конецъ такому положенію вещей, тѣмъ лучше. Всякая отсрочка въ дѣлѣ введенія автономіи, коль скоро требованіе ея назрѣло, крайне нежелательна еще и потому, что съ каждымъ днемъ неудовлетворяемыя требованія растутъ въ своей напряженности, и та степень автономіи, которая вполнѣ удовлетворяла бы сегодня, черезъ годъ можетъ уже для данной мѣстности оказаться недостаточной... Есть одно условіе, заставляющее желать осуществленія автономіи не вообще когда-либо въ непродолжительномъ времени, а именно въ первую очередь органическихъ реформъ. Автономическія стремленія и ихъ про-

явленія такъ или иначе могли подавляться въ эпоху бюрократическаго абсолютизма, въ эпоху подавленія всѣхъ вообще запросовъ общества... Положеніе дѣлъ существенно мѣняется въ то время, когда происходитъ ликвидація самодержавнаго строя, когда отмѣняются сросшіяся съ нимъ несправедливости, даются основныя права гражданской свободы... Поэтому напряженность автономическихъ стремленій неминуемо страшно возрастетъ, какъ только совершится переходъ къ правовому строю. Не удовлетворить этихъ стремленій немедленно, въ самомъ началѣ неизбѣжнаго подъема ихъ волны, значитъ искусственно вызвать взрывъ, который для всего государства можетъ представить величайшую опасность». («Право», 1906 г. № 2).

То обстоятельство, что стремленіемъ окраинъ и прогрессивной части населенія центральной России не суждено было пока сбыться, не гарантируетъ правительства отъ жизненности автономистской идеи и ея скрытаго вліянія на укрѣпленіе національныхъ группъ. Въ свою очередь и послѣднія могутъ покойно работать пока въ тиши негласныхъ совѣщаній и скрытой пропаганды, въ сознаніи, что всякое сѣмя даетъ здѣсь пышный урожай. Тѣмъ хуже реакціи и ея дѣятелямъ, тѣмъ лучше для будущаго народа, стремящагося къ сознательной и свободной жизни. Въ потрясеніяхъ, которыя происходятъ въ организмѣ при искусственномъ зажатіи главныхъ артерій кровообращенія, виновны бываютъ, по крайней мѣрѣ, не части тѣла, а врачи, что бы они ни преслѣдовали: излеченіе отъ болѣзни, или продленіе ея для продленія гонорара.

Мы подвергли общественныя силы весьма бѣглому и несовершенному обзору. Разрозненность однихъ, подавленность другихъ, внутреннее перерожденіе третьихъ объясняютъ лишь отчасти успѣхи реакціи. Въ корнѣ организацій, которыми nolens volens пребываютъ эти общественныя силы, лежатъ не затронутые реакціей элементы гражданственности, на которыхъ оснуется будущая фаза освободительнаго движенія, каковъ бы ни былъ ея характеръ. Показателемъ жизненности этихъ элементовъ, показателемъ *непрекращающагося* идейнаго объединенія оппозиціи, является современная русская печать и о ней хотѣли бы мы, въ заключеніе этой затянувшейся главы, сказать еще нѣсколько словъ. Сплошное закрытіе провинціальныхъ прогрессивныхъ газетъ не создало читателя для мѣстныхъ оффиціозовъ и черносотенныхъ листковъ; неслыханные штрафы, накладываемые на столичные органы, штрафы, для многихъ равнозначущіе закрытію, не загубили большой прессы; на мѣста сосланныхъ редакторовъ, издателей и сотрудниковъ пришли новые люди, и кандидатовъ за ними стоитъ неограниченное число; въ то же время субсидируемая пресса, во главѣ

съ «Россіей», терпитъ жестокіе убытки отъ отсутствія читателя и высокаго вознагражденія такъ наз. «Казенныхъ перьевъ». Всѣ подписчики этихъ газетъ, вмѣстѣ взятые, не достигаютъ численно кліентуры *одной* средней столичной газеты прогрессивнаго направленія; высокій тиражъ «Нов. Времени» попрежнему держится объявленіями кухарокъ и сводней столько же, сколько и ежедневной площадной бранью Меньшикова и гомерической неразберихой мнѣній, царящимъ на столбцахъ органа бывшаго «либерала» Суворина. Очевидно для всѣхъ, что дайте сегодня хотя бы относительную, но прочную свободу печати, подсудной только суду присяжныхъ, какъ завтра явятся издатели и новыя тысячи читателей; въ свою очередь очевидно, что прибавьте сотрудникамъ рептилій по скольку угодно бутербродовъ и рублей, они не выжмутъ изъ себя ничего лучшаго. Среди полнаго торжества реакціи неумолчно слышится голосъ общества, отражающійся въ прессѣ и утверждающій, что, несмотря на отступленіе правительства отъ началъ октябрьскаго манифеста, свобода печатнаго слова укореняется со всякимъ новымъ днемъ, со всякимъ новымъ проявленіемъ насилія и безсилія. Будь то позоръ дипломатіи въ балканскомъ вопросѣ, или слава закрытія «по ошибкѣ» кассы взаимопомощи литераторовъ; «выгоды» амурской ж. дороги или безконтрольность отдѣльныхъ учрежденій; «преступленіе» Лопухина или «усердіе» Азефа и Гартинга,— повсюду пресса носитъ свой немеркнущій фонарь, озаряя всѣ углы темнаго царства, вытаскивая за уши на денной свѣтъ вампировъ и мракобѣсовъ, сдирая фальшивую позолоту наказного патріотизма и обнаруживая черты разбойника на вчерашнемъ «спасителѣ отечества». Общественное мнѣніе не умерло за эти годы, а живетъ, и въ отдѣльныхъ случаяхъ являетъ наглядные признаки объединенія прогрессивныхъ силъ страны, ихъ единомысліе по основнымъ вопросамъ современности.

Пусть тащатъ у старика Толстого секретаря въ ссылку, обездоливаютъ литераторскихъ сиротъ, гнетутъ сектантовъ, несмотря на свободу совѣсти; пусть ген. Думбадзе приказываетъ, подъ угрозой закрытія, «Крымскому Курьеру» перепечатывать дефирамбы ему изъ «Нов. Времени»,—все это явные признаки безсилія, а не силы, паники, а не уравновѣшенности увѣреннаго въ себѣ духа. Шатающаяся походка, пустыя угрозы и дѣйствительныя насилія, праздныя слова и праздныя предпріятія,—это не признаки твердаго слѣдованія къ опредѣленной цѣли. Разложеніе органовъ власти, неуваженіе къ нимъ, повсюду проявляемое, отсутствіе элементарной искренности и правдивости,—какъ въ дѣлѣ съ опроверженіемъ бурцевскихъ разоблаченій,—это не признаки власти, способной къ созиданію. Все это признаки простой, грубой, самодовлѣющей реакціи,—сорнаго растенія на государствен-

ной нивѣ, скоро растущаго, но скоро и сохнущаго, ненужнаго даже для удобренія почвы подъ будущіе посѣвы, а просто отметаемаго на межу историческихъ эпохъ, подъ ноги идущихъ на свои полосы дѣятельныхъ, трезвыхъ, сильныхъ работниковъ.

Сейчасъ, въ послѣдней главѣ, мы увидимъ, какъ рисуетъ свой обликъ сама россійская реакція, что можетъ записать она въ балансъ свой, и правы ли тѣ, кто сулятъ ей «аридовы» вѣка, не желая оглянуться на совокупность явленій недавнихъ и нынѣшнихъ лѣтъ, всмотрѣться въ глубь народной жизни, въ темный просторъ великой Руси.

V.

Итоги реакціи.

Было бы не только преждевременно, но и наивно говорить объ итогахъ реакціи въ моментъ полнаго ея расцвѣта, если бы она не являлась передъ нами въ столь откровенномъ видѣ; и здѣсь насъ не столько занимаютъ цифры, сами по себѣ краснорѣчивыя, сколько именно возможность безошибочнаго сужденія о самой природѣ, организмѣ реакціи, возможность предсказанія ея будущаго. Для этой цѣли не представится надобности ни въ преувеличенномъ оптимизмѣ, ни въ подборѣ фактовъ, достаточно уже использованныхъ въ предшествующемъ изложеніи; не представится намъ необходимости углубляться и въ основныя задачи политики права, чтобы вскрыть несоотвѣтствіе съ нимъ большинства реакціонныхъ мѣръ русскаго правительства. Для нашей цѣли будетъ вполнѣ достаточно тѣхъ заключеній объ элементахъ реакціи, которыми блещутъ страницы вполнѣ оффиціальныхъ документовъ, и прежде всего—«журнала высоч. учрежденнаго особаго совѣщанія по пересмотру установленныхъ для охраны госуд. порядка исключительныхъ законоположеній», «Матеріаловъ» къ означенному журналу, «меморіи» Совѣта министровъ по поводу изданныхъ за четыре дня до открытія первой Гос. Думы новыхъ основныхъ законовъ, отчетовъ сенаторовъ-ревизоровъ и нѣсколькихъ другихъ, менѣе важныхъ данныхъ.

Никто не отрицаетъ, что въ жизни государствъ бываютъ моменты опасности, когда для спасенія необходимо пріостанавливать дѣйствіе законовъ, регламентирующихъ *покойную* жизнь, и замѣнять ихъ нормами временнаго характера, дающими властямъ болѣе обширныя полномочія и грозящія нарушителямъ порядка болѣе строгими взысканіями. Такіе моменты, періодичность которыхъ устанавливаетъ политическая исторія, переживаютъ страны со всякимъ государственнымъ строемъ, и тамъ, гдѣ нѣтъ народнаго представительства, естественное право изданія исключительныхъ законовъ принадлежитъ, очевидно, высшей власти единолично. Поэтому никого не могло удивить изданіе «Положенія 14-го августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію госуд. порядка и обществ. спокойствія», т. к. правительству императора Александра III могло казаться, что порядка и спокойствія не было; убійство императора Александра II было для него достаточнымъ показателемъ наступавшей смуты. Но едва ли кто могъ предполагать тогда, что постоянные законы имперіи прекратятъ свое дѣйствіе на три десятилѣтія, и что переходъ къ конституціонному образу правленія ознаменуется новымъ расцвѣтомъ исключительнаго законодательства. Однако именно такая судьба ожидала Россію, уже видѣвшую предъ собою проблески свѣта гражданской и политической свободы въ реформахъ шестидесятыхъ годовъ. Въ новѣйшей исторіи другихъ народовъ не встрѣчается столь долгихъ періодовъ застоя, и въ этомъ отношеніи Россія остается дѣйствительно «самобытнымъ» государствомъ, а исключительные законы, въ ней дѣйствующіе, «незыблемыми основами» всего строя.

Прошло, такимъ образомъ, достаточно времени для того, чтобъ и само правительство могло подвести итоги своей исключительной работы, а нѣкоторая свобода печати, наступившая послѣ 17-го октября 1905 года, давала возможность познакомиться съ этими итогами и русскому обществу. Слѣдуетъ здѣсь же упомянуть, что и самое изданіе исключ. правилъ 14-го августа 1881 г. было совершено нѣсколько «исключительнымъ» порядкомъ, — чрезъ комитетъ министровъ, вмѣсто Государств. Совѣта (основ. законы имперіи). Три года дѣйствія этого положенія не обнаружили никакихъ перемѣнъ ни въ общественномъ, ни въ чиновничьемъ настроеніи, и продолженіе прежнихъ пріемовъ управленія должно было базироваться на прежнихъ же законахъ. Исключительное положеніе, какъ болѣзнь, загнанная внутрь организма неумѣреннымъ употребленіемъ сильно дѣйствующихъ наружныхъ средствъ, перешла въ хроническую форму и, какъ указываетъ упомянутый «журналъ выс. утв. ос. совѣщанія» «успѣло вырасти цѣлое поколѣніе, которое не видало иного порядка поддержанія общественнаго благоустройства и лишь по книгамъ знаетъ объ общихъ зако-

нахъ Россійской имперіи». Правительство, созерцая своихъ воспитанниковъ, вмѣсто абсолютнаго послушанія и молчанія устроившихъ всеобщую октябрьскую забастовку, не могло, наконецъ, не задуматься и надъ самой системой воспитанія. Не будемъ отрицать даже нѣкотораго предвидѣнія съ его стороны: еще въ 1904 г. намѣченъ былъ пересмотръ исключительныхъ законоположеній; и кто знаетъ, еслибъ не событія 1905—906 г.г., снова заставившія нашихъ правителей зажмурить свои глаза, мы могли бы увидѣть и какіе-нибудь практическіе результаты предполагавшагося пересмотра. Но революція сдвинула, унесла съ собой и болѣе устойчивые проекты; идея пересмотра испарилась, какъ греза, и нынѣ третьй Думѣ можетъ быть преподнесенъ законопроектъ, навсегда обращающій Россію въ государство «неограниченныхъ возможностей». Это тѣмъ болѣе поучительно, что и комитетъ министровъ, и особое совѣщаніе, пришли къ единодушному выводу, что всѣ усилія правительства, направленныя (въ порядкѣ Положенія 14. VIII. 1881 г.) къ искорененію крамолы, не достигли своей цѣли. Особое совѣщаніе категорически указывало на то, что примѣненіе исключительныхъ мѣръ «вообще не оправдало возлагавшихся на нихъ надеждъ и что исключ. полномочія не могли предотвратить распространенія самыхъ крайнихъ и разрушительныхъ теорій въ обширныхъ слояхъ населенія и оказались безсильными пресѣчь своевременно возникновеніе революціоннаго броженія, преступной пропаганды и даже вооруженнаго возстанія въ цѣломъ рядѣ городовъ и селеній» (стр. 13 журн.). Причина неуспѣшности самыхъ крайныхъ мѣръ (каковыми мы считаемъ передачу ряда дѣлъ военнымъ судамъ, рѣшеніе политическихъ дѣлъ въ административномъ порядкѣ и ограниченіе гарантій правосудія) лежала, какъ совершенно вѣрно указываетъ «Журналъ особ. совѣщанія», въ томъ, что онѣ потеряли характеръ временности. «Характеръ временности долженъ составлять неотъемлемое свойство исключительныхъ мѣръ, т. к. въ немъ, главнымъ образомъ, заключается залогъ успѣшности ихъ примѣненія. Какъ показываетъ опытъ, постепенное обращеніе ихъ въ постоянную форму управленія ведетъ къ ослабленію ихъ воздѣйствія, ибо къ нимъ приспособляются до извѣстной степени и населеніе, и органы власти, и онѣ (эти мѣры. В. О.) въ конечномъ выводѣ, вмѣсто пользы, приносятъ одинъ вредъ, способствуя притупленію чувства законности въ общественномъ сознаніи» (с. 34). Мало того, весь репертуаръ исключительныхъ мѣръ исполнялся безъ какой-либо послѣдовательности, какъ говоритъ объ этомъ С. Хрулевъ (нынѣ начальникъ гл. тюр. управленія), и вообще при такихъ условіяхъ, при какихъ «угроза военнымъ судомъ и смертной казнью не имѣетъ серьезнаго значенія и никого не устрашаетъ». «Въ виду этого,—заключаетъ от-

сюда Хрулевъ, — слѣдовало бы совершенно устранить въ порядкѣ общаго управленія права министра внутр. дѣлъ и ген.-губернаторовъ передавать какія-либо дѣла военному суду» (матер. ч. XI ст. 8 и слѣд.). Что касается до политическаго розыска, поручаемаго, какъ всякій могъ убѣдиться, лицамъ безъ юридической подготовки и вполнѣ зависимымъ отъ приказовъ своего начальства, то Хрулевъ доказываетъ неотложность измѣненія постановки розыска такъ, чтобы «всякое обвиненіе, предъявляемое кому-либо въ государственномъ преступленіи, было подкрѣплено достаточными и пріемлемыми въ уголовномъ судѣ доказательствами». «Между тѣмъ,—продолжаетъ бывшій прокуроръ,— за 35 лѣтъ дѣйствія административнаго разрѣшенія полит. дѣлъ и розыскные органы, и производящіе дознаніе офицеры корпуса жандармовъ привыкли къ тому, что главнымъ основаніемъ для заподозрѣнія и обвиненія служатъ такъ наз. «агентурныя свѣдѣнія», при чемъ самый вопросъ о составѣ преступленія сливался съ неопредѣленнымъ понятіемъ о «политической неблагонадежности». Сенаторъ Кузьминскій въ своемъ отчетѣ Гос. Императору такъ характеризуетъ этихъ самыхъ «агентовъ», въ фактической власти которыхъ находятся зачастую не только судьба, но и самая жизнь его подданныхъ: «крайняя бѣдность данныхъ агентурнаго наблюденія ведетъ къ тому, что, съ цѣлью ихъ выполненія, въ своихъ агентурныхъ запискахъ чины корпуса жандармовъ или дѣлаютъ изъ незначительныхъ фактовъ слишкомъ смѣлые и даже произвольные выводы, или *эти выводы выдаютъ за факты* (к. н.); или же, наконецъ, сообщаютъ свѣдѣнія, лишенныя всякихъ фактическихъ основаній» и т. д. Поэтому Хрулевъ приходитъ къ совершенно правильному выводу: «такая практика, не отвѣчая требованіямъ справедливости и законности, вмѣстѣ съ тѣмъ представляется вредной и для поддержанія общественнаго порядка, озлобляя массу лицъ, хотя и противоправительственнаго, можетъ быть, направленія, но во всякомъ случаѣ еще не проявившихъ въ дѣйствіи чего-либо явно преступнаго» (ib.). Итакъ, эта «великая хартія полицейскихъ вольностей», какъ называетъ проф. Горбуновъ исключительные законы, приводила къ усиленію революціоннаго движенія и, въ сущности, война съ Японіей только открыла клапанъ давно готоваго взорваться котла. Раздраженіе питалось весьма искусно мѣстными же властями, издававшими такъ наз. «обязательныя постановленія», о вредѣ которыхъ вполнѣ опредѣленно отзывался такой авторитетъ, какъ бывш. министръ вн. д., гр. Д. Толстой (Мат., ч. II, стр. 46—59 и 109—131). Постепенно отходили въ область преданій законы, затѣмъ и самая тѣнь ихъ исчезала изъ обывательскаго кругозора, и оставался на-лицо голый произволъ, хотя бы диктуемый наилучшими побужденіями. «Населеніе,—говоритъ Журналъ особ. сов.,—не видя примѣненія нор-

мальныхъ законовъ и сталкиваясь съ распоряженіями, вытекавшими не изъ прямого смысла общихъ законовъ, а изъ предоставленныхъ исключительными правилами полномочій, утрачивало сознаніе ихъ исключительности, *теряло чувство законности* (к. н.) и въ то же время проникалось недовольствомъ къ произволу власти и духомъ оппозиціи» (с. 13). Вмѣстѣ съ тѣмъ, администрація, не могшая уже остановиться на пути произвола, кончила тѣмъ, что стала игнорировать даже сенатскія постановленія объ отмѣнѣ ихъ беззаконій, не стѣсняясь, представлять свои «соображенія» на усмотрѣніе Высочайшей власти (гр. Игнатьевъ, указъ Сената по дѣлу Балабина, и др.). Когда же Госуд. Совѣтъ внесъ въ запутанное дѣло админ. высылки коррективъ своимъ постановленіемъ, то министерство вн. дѣлъ испросило высочайшую санкцію на лишеніе постановленія Совѣта обратной силы (пришлось бы вернуть массу беззаконно высланныхъ); позже примѣненіе правилъ о высылкѣ и вовсе было изъято изъ-подъ контроля сената. Быв. мин. вн. дѣлъ П. Н. Дурново такъ говоритъ о послѣдствіяхъ этой мудрой политики (ib.): «Въ результатѣ же оказывалось, что населеніе такихъ мѣстностей, въ средѣ обывателей которыхъ дотолѣ не было неблагонадежныхъ элементовъ, подвергалось тлетворному вліянію высланныхъ лицъ, приносившихъ въ мѣста своего новаго водворенія противоправительственную пропаганду. Кромѣ того, высланные, будучи весьма часто вынужденными лишиться заработковъ въ силу запрещенія имъ заниматься обычною профессіей (напр. педагогическою или врачебною), терпятъ существенныя матеріальныя лишенія, еще болѣе вооружающія ихъ противъ правительства». Къ тому же приводятъ и нынѣшніе обыски и аресты, какъ подтверждаютъ это т. с. Хрулевъ и сен. Кузьминскій. Массу характерныхъ случаевъ привелъ особому совѣщанію и П. Н. Дурново, практика котораго въ этомъ отношеніи была неограничена; быв. министръ знаетъ конечно и то, что «бываютъ случаи примѣненія такой мѣры единственно по непріязненному чувству того или иного полицейскаго чина къ данному мѣстному обывателю» (въ прибалт. губерніяхъ эти чувства стоили жизни многимъ «обывателямъ». В. О.). Съ своей стороны, П. Н. Дурново находитъ, что «такой образъ дѣйствій администраціи, при которомъ ни одинъ изъ мѣстныхъ обывателей не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ отъ производства у него обыска или заключенія его подъ арестъ безъ видимой подачи съ его стороны какого-либо къ тому повода, не можетъ не поселять смуты въ умахъ, и что обыски такого рода, при которыхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не удается обнаружить сколько-нибудь существенныхъ, съ точки зрѣнія полицейскаго розыска, данныхъ, искусственно поддерживаютъ въ обществѣ глухое раздраженіе противъ распоряженій правит. властей, столь вредно от-

зывающееся на общемъ настроеніи» (М., ч. I, стр. 6—7). Дошло вѣдь до того, что стали примѣнять исключительныя мѣры и тамъ, гдѣ онѣ не были введены; и въ этомъ повинны были не только исправники (гжатскій въ 1905 г.), или губернаторы (владимірскій въ 1881 г)., но и министры: такъ, г. Горемыкинъ въ 1898 г. выслалъ изъ полтавской губерн. 26 чел. земскихъ служащихъ безъ права поступленія на земскую службу и въ др. губерніяхъ; Сенатъ собирался отмѣнить беззаконіе министра, но Горемыкинъ опять же прибѣгъ къ Высочайшей санкціи. Эта постоянная тенденція прикрывать свои ошибки именемъ Монарха есть коренная особенность русской жизни и зло, съ которымъ даже и Гос. Дума бороться не можетъ въ виду продолжающейся безотвѣтственности министровъ.

Единственнымъ ученымъ юристомъ, приглашеннымъ къ участію въ особ. совѣщаніи, былъ проф. В. Дерюжинскій, который такъ очертилъ разложеніе административныхъ сферъ: «Постоянная дѣятельность внѣ предѣловъ и требованій закона подорвала во многихъ чинахъ администраціи всякое представленіе о границахъ ихъ власти и привела ихъ къ деморализаціи и огрубѣнію, подтачивавшимъ авторитетъ власти» (М., ч. IX.). Наиболѣе эта деморализація должна была коснуться департамента полиціи, и годы обновленія русскаго строя совпадаютъ съ расцвѣтомъ дѣятельности его излюбленнаго человѣка—Азефа. «Самая опасная сторона,—говоритъ б. дир. деп. полиціи, А. Лопухинъ въ своей замѣчательной работѣ («Изъ итоговъ служебнаго опыта»), которая, слѣдуетъ надѣяться, будетъ положена въ основу будущей реформы полиціи,—самая опасная сторона исключит. закона состоитъ въ томъ, что, благодаря ему, всякій чиновникъ полиціи, каждый жандармскій офицеръ со своими секретными агентами обращается въ вершителя судьбы каждаго обывателя, а въ суммѣ и всей Россіи». Крамола отъ этого, понятно, только крѣпла. «Общественныя организаціи,—говоритъ Лопухинъ,—поставившія себѣ цѣлью вести съ правительствомъ борьбу, подъ вліяніемъ ея ожесточенія и возраставшей потребности къ самосохраненію, пріобрѣтали сплоченность и энергію, побѣда надъ которой оказывалась не подъ силу разрозненнымъ органамъ властей». Особое совѣщаніе очутилось предъ дилеммой: уничтожить исключительные законы, приносящіе вредъ государству, но полезные безотвѣтственному чиновничеству, или сохранить ихъ для спасенія послѣдняго. Среднее рѣшеніе, подсказанное общей конъюнктурой того времени,—обусловить принятіе исключительныхъ мѣръ «уваженіемъ» законодательныхъ палатъ и утвержденіемъ Монарха,—осталось безъ практическаго осуществленія такъ же, какъ и постановленіе объ исключеніи понятія политической неблагонадежности изъ полицейскаго словаря. Составленіемъ «журнала» кончилось и все дѣло, а между-

вѣдомственная комиссія подъ предсѣдательствомъ нын. гос. секретаря Макарова, еще въ первой Думѣ высоко державшаго тонъ безотвѣтственнаго властителя, скомпановала такой законопроектъ, который долженъ былъ фиксировать военно-осадное положеніе Россіи уже навсегда, вѣрнѣе—до первой катастрофы. Масса новыхъ правъ ожидала администраторовъ; полиція могла свободно арестовывать и обыскивать кого угодно; высылка могла примѣняться также ко всѣмъ безъ изъятія, лишь бы высылаемый «признавался» властью опаснымъ человѣкомъ. Обязательными постановленіями безконечно расширялась юрисдикція главноначальствующихъ лицъ и воен. судовъ и сводилось чуть не къ синекурѣ положеніе гражданскихъ судебныхъ установленій. Жаловаться было положительно некому, до такой степени прочно обставлялась безотвѣтственность налагающихъ кары властей. Проф. Горбуновъ, называющій это измышленіе комиссіи «самымъ исключительнымъ изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ исключительныхъ положеній», говоритъ: «Если положеніе 14. VIII. 1881 г. привело, по свидѣтельству Лопухина, къ современной анархіи, то проектируемое правительствомъ исключительное положеніе вызоветъ, несомнѣнно, еще болѣе грозныя послѣдствія» («Право», 1909 г. № 45).

П. А. Столыпинъ, защищая во второй Думѣ военно-полевые суды, отказался вообще становиться на правовую точку зрѣнія и противопоставилъ государственную практику правовой теоріи. Напрасно было бы указывать такому представителю власти европейскіе прецеденты,—поведеніе Англіи во время бурской войны и ранѣе, во время чартистскаго движенія и революціи первой четверти прошлаго столѣтія; Бисмарка, боровшагося съ соціализмомъ сначала негодными средствами и развившимъ его, а затѣмъ введшимъ въ русло ревизіонизма грандіознымъ закономъ о госуд. страхованіи рабочихъ; Австріи, давшей польскимъ провинціямъ широкую автономію и нынѣ опирающуюся на ихъ представителей въ своей борьбѣ съ тѣмъ же соціализмомъ; наконецъ и обратный примѣръ ирландской политики Англіи, приведшей къ броженію, провокаторскимъ убійствамъ и феніанизму, ликвидированныхъ только переходомъ къ широкимъ реформамъ, въ томъ числѣ къ *принудительному* отчужденію земель; это въ странѣ, гдѣ институтъ частной собственности не номинально только, но и на дѣлѣ считался «священнымъ». Признаніе Столыпина, что «кровавый бредъ не пошелъ на-убыль»,—ничѣмъ, кстати не мотивированное, не должно было останавливать правительство въ его обѣщанной реформаторской работѣ, т. к. теперь для всякаго очевидно, что и самъ бредъ-то этотъ есть математическій результатъ безпрерывнаго произвола и террора *сверху*. Слова императора Александра II о томъ, что «лучше начинать революцію сверху, нежели ждать ее снизу» (по поводу реформы 1861 г.)

оказались осуществленными теперь въ другомъ, болѣе прямомъ и страшномъ для государства, смыслѣ. Развѣ нельзя назвать революціоннымъ пріемъ, по которому наказаніе розгами, отмѣненное высочайш. манифестомъ 11-го авг. 1904 г., возстановлено обычной практикой казаковъ и даже такихъ представителей власти, какъ губернаторы? «Этотъ пріемъ,—говоритъ нач. гл. тюр. управленія Хрулевъ,—является совершенно незаконнымъ, вызывающимъ озлобленіе въ населеніи, не воспитывающимъ въ культурномъ смыслѣ крестьянъ, напротивъ, ихъ принижающимъ, а главное подрывающимъ значеніе Всемилост. манифеста 11. VIII. 1904 г. Крестьяне теперь прямо говорятъ, что «царь не велѣлъ сѣчь, губернаторы и чиновники насильничаютъ» (Мат., ч. XI., стр. 40—41). Мы уже видѣли, въ случаяхъ съ Филоновымъ и Луженовскимъ, къ какимъ глубокимъ драмамъ приводило это чиновничье «насильничанье». Нельзя не согласиться съ заключеніемъ т. с. Хрулева: «При осуществленіи всей совокупности вышеприведенныхъ предположеній (особ. совѣщанія), можно съ увѣренностью высказать, что при этихъ условіяхъ правительственная власть въ порядкѣ обычнаго управленія будетъ вооружена, на основаніи постоянно дѣйствующаго закона, вполнѣ достаточными, цѣлесообразными и притомъ правомѣрными средствами для поддержанія государственнаго и общественнаго порядка». Проф. Дерюжинскій, высказываясь за полную отмѣну положенія 1881 г. и всѣхъ его производныхъ, говоритъ: «закономѣрность управленія есть главный факторъ воспитанія въ населеніи чувства законности и наиболѣе дѣйствительное средство обезпечить силу власти въ наилучшемъ выраженіи этой силы, довѣріи, уваженіи къ власти. Объ этомъ «непререкаемо» свидѣтельствуетъ опытъ Англіи. Въ скорѣйшемъ, безъ колебаній, установленіи у насъ такихъ же правовыхъ условій лежитъ и единственно надежное средство обезпечить дѣйствительную силу власти и вывести Россію изъ того остраго кризиса, который ей приходится переживать».

Мы преднамѣренно привели столько выписокъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Они наводятъ на поучительныя размышленія. Оказывается, что ни прежде, ни теперь не было недостатка въ просвѣщенныхъ, освѣдомленныхъ и благожелательно къ народу настроенныхъ государственныхъ дѣятеляхъ и что, призванные Монархомъ, они по совѣсти высказывали свои убѣжденія, въ умѣренности коихъ заложена была и ихъ выполнимость. То же было и съ ревизующими сенаторами, раскрывавшими бездѣйствія, произволъ и превышенія власти, отставлявшими однихъ и просившими о привлеченіи къ суду другихъ насильниковъ. И вотъ мы присутствуемъ при хроническомъ крахѣ всѣхъ этихъ скромныхъ и добросовѣстныхъ заключеній и, наоборотъ, видимъ постоянное торжество насильниковъ, даже вознагражденіе

ихъ. Поведеніе кіевскаго ген.-губернатора гр. Игнатьева, министра вн. д. Горемыкина и многихъ другихъ лицъ открываетъ глаза на главную причину указаннаго зла, въ которомъ, *въ идеалѣ*, можетъ никто и не быть лично виноватъ,—на безотвѣтственность высшей власти, именемъ Монарха покрывающей любое изъ своихъ распоряженій. Очевидно, что при дарованіи конституціи 17-го октября вопросъ этотъ игнорировался, т. к. объ отвѣтственности министровъ не было сказано ничего; не былъ затронутъ онъ и при составленіи новыхъ основныхъ законовъ; Совѣтъ министровъ, признавая, что монаршая власть, оставаясь и впредь *верховной*, перестаетъ отнынѣ быть неограниченной и надзаконной, ни словомъ не обмолвился о собственной *надзаконности*, подтверждаемой приведенными нами примѣрами и рядомъ однородныхъ же актовъ. «Особо оговаривая нѣкоторыя оставляемыя за верховной властью права (по вопросамъ о Финляндіи, смѣнѣ должност. лицъ и т. под.), Совѣтъ министровъ подчеркнулъ, что онъ долженъ остаться отвѣтственнымъ за направленіе своей дѣятельности только предъ Монархомъ. Однако, современная государственная жизнь такъ сложна, имперія такъ плотно втиснута въ круговоротъ міровыхъ взаимоотношеній, что никто не можетъ ни требовать, ни ожидать, чтобы верховная власть была освѣдомлена обо всемъ настолько, чтобы имѣть самостоятельное сужденіе о всѣхъ предметахъ министерскихъ докладовъ; да и то знаніе, какое есть, является продуктомъ тѣхъ же, въ сущности, чиновничьихъ докладовъ, которые, при всей добросовѣстности, остаются свѣдѣніями заинтересованной стороны. Такимъ образомъ, министерство имѣетъ полную возможность освѣщать всякое дѣло съ желательной ему точки зрѣнія и убѣждать верховную власть въ правильности этой точки; послѣдствіемъ этого убѣжденія является окончательная санкція извѣстной мѣры и одновременно съ этимъ перелагается вся тяжкая отвѣтственность передъ народомъ на плечи одного человѣка, человѣка, поставленнаго самою природою вещей выше и внѣ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, группъ и классовъ. Допуская полное отсутствіе привходящихъ вліяній (придворныхъ, о которомъ говорилъ Гучковъ, и т. под.), мы все же не найдемъ во дворцѣ конституціоннаго Монарха, принимающаго на себя отвѣтственность своихъ министровъ, той полной безстрастности, абстрактной правды, которыя должны тамъ быть и находятся, когда министры отвѣчаютъ передъ народными представителями *и за закономѣрность, и за цѣлесообразность* своихъ дѣйствій. Вотъ почему желаніе прогрессивныхъ слоевъ населенія видѣть въ Россіи парламентаризмъ исходитъ изъ ясныхъ, разумныхъ и чистыхъ побужденій, а приверженцы монархическаго принципа (партіи «народн. свободы», «демократ. реформъ», «мирн. обновленія» и др.) высказываютъ гораздо болѣе искреннія вѣрноподданиче-

скія чувства, чѣмъ группы, громкимъ пафосомъ прикрывающія истинную, матеріалистическую природу своихъ вожделѣній. Съ другой стороны, чиновничество можетъ быть разсматриваемо, какъ такая же политическая организація, партія, какъ и всякая другая; ни одна такая партія, попавъ къ власти, не уйдетъ отъ нея сама, полагая, что осуществляетъ ее хорошо; тѣмъ болѣе странно было бы ждать добровольнаго ухода бюрократическаго корпуса, имѣющаго возможность отсиживаться въ такой крѣпости, какъ безотвѣтственность; борьба съ нимъ есть дѣло совершенно естественное и для политическихъ противниковъ обязательное даже, и преслѣдованіе послѣднихъ можетъ быть объяснено только смѣшеніемъ понятій правительства и государства; но теперь никого не убѣдишь въ тождествѣ этихъ понятій, а потому и не найдешь нигдѣ оправданія тѣхъ способовъ борьбы съ политическими врагами, которымъ мы были свидѣтелями при обзорѣ партійной жизни. Въ частности, исключительные законы обращены именно къ этой цѣли, и нетрудно видѣть, что такимъ путемъ насаждается полная анархія, т. к. *одна и та же* сила употребляется на поддержку безконечно *разнообразныхъ* взглядовъ легіона властей. Поэтому одновременныя занятія комиссіи Макарова законопроектами объ исключительномъ положеніи и неприкосновенности личности должны быть отнесены къ разряду опытовъ соединенія огня съ водой; что-нибудь одно должно побѣдить, средняго результата не бываетъ; и если третья Дума одобритъ законопроектъ объ исключ. положеніи, то этимъ самымъ оставитъ гражданскую неприкосновенность покоиться тамъ, гдѣ она и теперь находится; слухи о министерствѣ полиціи приподымаютъ завѣсу надъ истинными стремленіями правительства Столыпина, лично которому такое министерство должно угрожать еще большей потерей вліянія, чѣмъ извѣстная исторія со штатами морского министерства, исторія, которая привела бы къ отставкѣ всякій не цѣпляющійся во что бы то ни стало за власть кабинетъ. Въ томъ-то и заключается драматизмъ положенія безотвѣтственнаго правительства, что и само оно дѣлается игралищемъ страстей и вліяній, часто неуловимыхъ и всегда измѣнчивыхъ. Нѣтъ болѣе скользкихъ паркетовъ, чѣмъ во дворцахъ; и не достойнѣе ли складывать власть на трибунѣ парламента, предъ избранниками народа, чѣмъ падать жертвами закулисныхъ интригъ? А между тѣмъ сколько времени и тонкихъ ухищреній уходитъ на уловленіе направленія придворнаго теченія, на контр-ходы, и какъ печально, что съ судьбой какого-нибудь министра плыветъ, въ сущности, по тому же теченію и судьба народа! Къ тому же, при всей видимости силы, безотвѣтственное правительство несетъ въ себѣ внутреннее безсиліе. Развѣ не слышали мы о случаяхъ прямого неповиновенія мѣстныхъ властей распоряженіемъ Совѣта мини-

стровъ (ген. Неплюевъ, Думбадзе, уже приводимый случай гр. Игнатьева и множество другихъ). Развѣ не вводилось военное положеніе помимо кабинета? Развѣ, наконецъ, управленіе съ карат. отрядами, блиндированными поѣздами, стражниками, войсками подъ ружьемъ не показываетъ на такое огрубѣніе пальцевъ, державшихъ вожжи, при которомъ теряется всякая живая связь между лошадьми и возницей и экипажъ несется подъ гору, несмотря на кровавую пѣну, идущую съ затянутыхъ удилъ? Мы пробовали дѣлать приблизительный подсчетъ пострадавшихъ отъ репрессій за время освободительнаго движенія, принимая за «мелкую единицу» страданія обыскъ и кончая безсуднымъ разстрѣломъ. Здѣсь не мѣсто подробнымъ сводкамъ газетнаго, частью оффиціальнаго матеріала, приходится поневолѣ быть краткимъ. За время съ убійства Плеве и по іюль 1909 г. такихъ лицъ насчитывается не менѣе *полутора милліона*; полагая, что возлѣ каждаго изъ нихъ находится только *одно* лицо, связанное семейными и т. под. отношеніями, а потому такъ же страдающее и такъ же настраиваемое противъ существующаго режима, получимъ *три милліона* гражданъ, состоящихъ въ оппозиціи правительству. Пусть не говорятъ, что даже и такая цифра составляетъ только немного болѣе одного процента населенія имперіи; дѣло въ томъ, что приходится откинуть главную массу, крестьянство, давшее лишь небольшой процентъ рабочихъ и участниковъ аграрнаго движенія; напротивъ, принимая во вниманіе незначительность числа русской интеллигенціи, мы увидимъ, что процентъ пострадавшихъ вырастаетъ до неслыханныхъ размѣровъ. Вопреки мнѣнію Столыпина о томъ, что въ третьей Думѣ собраны сливки народа, будетъ правильнѣе назвать ее снятымъ молокомъ, въ которомъ только кое-гдѣ попадаются болѣе жирныя капли; сливки давно сняты и выдерживаются въ прохладныхъ мѣстахъ. Не только во всѣхъ отрасляхъ управленія, но и въ частной жизни, на фабрикахъ и заводахъ, замѣчается безлюдье, отсутствіе опытныхъ, честныхъ, знающихъ работниковъ; интеллектуальная безработица оказывается такимъ же результатомъ реакціи, какъ и физическая.

Многія государства переживали революціи и по менѣе важнымъ поводамъ, нежели Россія, но кажется ни одно такъ быстро не разлагалось реакціей до степени внутренняго и внѣшняго ничтожества. Было бы, разумѣется, несправедливо возлагать всю отвѣтственност за такое безотрадное положеніе вещей на одну бюрократію; самодѣятельность народа должна была бы окрѣпнуть подъ реакціоннымъ наплывомъ, но Русь продолжаетъ впитывать въ себя страданія, повинуясь какимъ-то невѣдомымъ, но очевидно сильнымъ историко-психологическимъ законамъ. Получается иллюзія органической слабости, всегда ободряющая на дальнѣйшіе опыты. Поддаваясь той же

илюзіи, впадаютъ въ преждевременное уныніе и активные элементы страны, а уныніе—плохой совѣтчикъ: это оно разбрасываетъ въ разныя стороны общественныя силы, юныя и сложившіяся, однѣхъ въ сыщицкую литературу, другихъ въ порнографію, третьихъ въ мистицизмъ и исканіе новыхъ боговъ. На разгромленномъ полѣ недавней битвы свободно разгуливаетъ вѣтеръ реакціи, валя уцѣлѣвшіе дубы и пригибая къ землѣ плакучія ивы; и нуженъ бываетъ какой-нибудь внѣшній шокъ, чтобы обнаружилась разрушительная дѣятельность побѣдителей и чтобы поняли всѣ, къ чему она въ конечномъ счетѣ можетъ привести государство. Такимъ толчкомъ было пораженіе Россіи на Балканахъ, по справедливости названное дипломатической Цусимой.

Воспользовавшись затрудненіями, встрѣченными Турціей на пути къ упроченію конституціи, Австрія присоединила къ себѣ оккупированныя ею съ согласія державъ Боснію и Герцеговину, чѣмъ до крайности озлобила мѣстное населеніе, раздражила Сербію, естественно тяготѣвшую къ Адріатическому побережью и вообще осложнила балканскую проблему; Россія, считавшаяся какъ бы хранительницей славянской независимости на Балканахъ и насаждавшая тамъ конституціонализмъ еще тридцать лѣтъ назадъ, втягивалась самимъ ходомъ вещей въ австрійскую авантюру; ея печать и общественное мнѣніе единодушно поддерживали сербовъ и босняковъ; Европа, кромѣ Германіи, раздѣлявшая это сочувствіе по другимъ соображеніямъ, ожидала со дня на день окрика изъ Петербурга: «quos ego!», добровольцы чуть не тысячами записывались на будущую освободительную войну; а кончилось дѣло тѣмъ, что отдали двѣ провинціи Австріи, вопреки берлинскому трактату, всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ. Старая русская поговорка о томъ, «что грошеваго вора вѣшаютъ, а рублеваго чествуютъ», оправдалась на Австріи какъ нельзя лучше. Мало того, когда Сербія, окончательно обездоленная такимъ исходомъ дѣла, рѣшилась выступить противъ сосѣда-Голіафа въ одиночку, сосѣдъ заручился поддержкой родственной Германіи, и намъ поставленъ былъ такой заборъ изъ штыковъ, передъ которымъ балканскія горы оказались бы игрушкой. Въ вопросѣ о причинѣ пораженія разногласія не было; и дома у насъ, и за границей знали, что русская армія дезорганизована внутренней войной, распылена по отрядамъ и что выставить въ поле болѣе ста тысячъ человѣкъ Россія не могла ни въ матеріальномъ, ни въ техническомъ, ни въ финансовомъ отношеніяхъ. Вѣковая «дружба» Германіи сказывалась и въ другомъ отношеніи: большая часть предметовъ для изготовленія взрывчатыхъ веществъ привозится къ намъ оттуда, и неотпускъ ихъ парализуетъ вскорѣ послѣ начала войны дѣятельность нашихъ артиллерійскихъ пиротехническихъ мастерскихъ и т. д.

Это пораженіе произвело на народъ тягостное впечатлѣніе и было толчкомъ, который вывелъ изъ состоянія прострацiи и ту часть общественныхъ силъ, которая предавалась безплоднымъ слезамъ о выпущенной изъ рукъ «синей птицы» — конституціи; затихшіе интеллигентскіе муравейники зашевелились, и 909 годъ застаетъ страну немного оправляющеюся отъ трехлѣтняго реакціоннаго кошмара. Признаки энергіи невелики, но отрицать ихъ нельзя,—безъ этого поѣздка парламентаріевъ нашихъ въ Лондонъ не принесла бы тѣхъ результатовъ, которые отразились на свиданіи монарховъ въ Коусѣ.

Было бы неосторожно возлагать какія-нибудь надежды на измѣненіе политики правительства Столыпина, безсильнаго во всемъ, что касается созиданія. Насъ ожидаютъ, конечно, и на Дальнемъ Востокѣ такіе же сюрпризы, какъ только что на Балканахъ; китайская армія не занимается борьбой съ крамолой и реорганизуется не по днямъ, а по часамъ, при благосклонномъ участіи той же Германіи; Японія не удовлетворится результатами войны съ нами и, быстро покончивъ съ раскрывшимися теперь у нея хищеніями, устремитъ вниманіе на провинціи, прилегающія къ восточному морю, которыя послѣ окончанія амурской дороги будутъ еще менѣе обезпечены, чѣмъ теперь. Колонизація наша въ этихъ мѣстахъ находится въ печальномъ положеніи. «Распоряженія изъ Петербурга,—говорится въ приложеніи къ отчету общеземской организаціи, изслѣдовавшей этотъ край, — или опаздываютъ, или не попадаютъ въ цѣль, или насильно искажаютъ и ломаютъ естественный ходъ событій. Живого творчества въ нихъ совсѣмъ не видно, такъ же, какъ не слышно въ нихъ голоса объединенной центральной правительственной власти. Дѣло идетъ рутинно, разбитое по проторенньмъ вѣдомственнымъ дорожкамъ... Тамъ, гдѣ нужны живыя силы, крѣпкій ростъ и бодрый самостоятельный духъ, тамъ должна быть исключена опека» («Приамурье», стр. 838 и сл.). То же подтверждаетъ и проф. одного изъ сѣв.-амер. университетовъ, изслѣдовавшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Сибирь и Приамурье. Такимъ образомъ мы видимъ дѣйствіе однообразной системы на всемъ протяженіи имперіи, отъ Варшавы до Владивостока и отъ Архангельска до Батума, въ тундрѣ и подъ тропиками, среди аборигеновъ центра и пришельцевъ окраинъ; въ этомъ, повидимому, и заключается вся мудрость нашей политики, давнымъ давно отставшей отъ жизни, роста и развитія страны; такая политика всегда реакціонна, ибо стремится обезличить, принизить, сократить, словомъ—довести до своего уровня управляемыхъ; когда же ростъ ихъ обнаруживается слишкомъ ярко, какъ это было въ 1905 году, то прокрустово ложе сугубой реакціи уже готово и на немъ безжалостно обрубаютъ все, что выдается за края «установленныхъ» рамокъ. Опыты эти удаются не всякій разъ,

но не будемъ отрицать, что опытъ 906 — 909 г.г. произвелъ значительный, хотя и весьма краткій эффектъ. Опасность надвигается съ другой стороны и первыя струйки дыма уже тревожатъ бюрократическое обоняніе.

Въ печальной и тяжкой обстановкѣ, окружавшей изолированное правительство, была одна сторона, которую слѣдовало оцѣнить иначе, такъ какъ она дѣлала виды на будущее болѣе опредѣленными; мы разумѣемъ окончательное выясненіе всѣхъ силъ, изъ взаимодѣйствія коихъ получался переживаемый теперь моментъ и кромѣ которыхъ вообще не остается уже никакихъ новыхъ, неучтенныхъ факторовъ. «Реальное соотношеніе» можетъ и должно, конечно, измѣниться, но въ будущемъ ни правительство ни народъ не выставятъ на поле борьбы ни одного новаго рода оружія. Дѣйствительно, чиновничество, какъ наиболѣе сплоченная внѣшней дисциплиной и преемственнымъ внутреннимъ содержаніемъ организація, не можетъ измѣниться по мановенію ока и въ его косности лежала отчасти и причина смуты, помѣшавшей утвержденію конституціонализма въ 1905 году, съ другой стороны, роль маховика въ правительственной машинѣ, роль, сама по себѣ важная и почтенная, не такова, чтобы вліять непосредственно на производимый продуктъ и можно, безъ риска впасть въ неточность, вообще игнорировать вліяніе на будущій ходъ вещей этого громоздкаго, дорогого, необходимаго и безличнаго института; онъ перейдетъ такимъ же ко всякому иному хозяину, и тотъ, кто захотѣлъ бы разбить маховикъ, не замѣнивъ его какой-нибудь новой системой, обрекался бы этимъ на разореніе. Отсюда и то спокойствіе, съ которымъ относилось рядовое чиновничье большинство къ событіямъ 904—906 г.г., и малое стремленіе его въ ряды черныхъ сотенъ, такъ заботившее отдѣльныхъ министровъ (путей сообщенія, напр.). Чернила могли мѣняться, но бумага, все терпѣвшая, продолжала и долго еще будетъ продолжать тянуться однообразной и непрерывной лентой съ фабричныхъ станковъ черезъ канцеляріи въ архивы. Иное дѣло армія. Будучи еще болѣе прочной организаціей, чѣмъ чиновничество, она отличается огромной активностью, потенціальное состояніе которой въ мирное время не должно никого обманывать; отражая въ себѣ всѣ недостатки общаго строя, армія все же осталась базисомъ его, тревожить который можно только, имѣя въ виду строй этотъ разрушить. Вотъ почему нельзя одобрить ни съ какой точки зрѣнія отношенія къ нашей арміи съ обѣихъ сторонъ: крайней правой и лѣвой; пропаганда въ арміи соціализма грозитъ тому же соціализму не меньше, чѣмъ черносотенная — абсолютизму. Тронутая съ мѣста, военная сила не смогла бы уже остановиться, заняла бы первое мѣсто въ ряду двигающихъ силъ и потащила бы за собой къ ряду

государственныхъ переворотовъ и всю страну. Судьбы народа находились бы въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя съ его представителями считались бы не больше, чѣмъ теперь считаются. Армія должна быть выведена изъ политической борьбы, если не хотятъ неожиданныхъ результатовъ послѣдней, если руководятся опредѣленными задачами; и то обстоятельство, что этого не дѣлаютъ, указываетъ на полную шаткость расчетовъ съ обѣихъ сторонъ, на безнадежность, опять-таки, торжества реакціи или соціализма, безразлично.

Ставить, однако, въ зависимость отъ историческихъ сюрпризовъ судьбы страны было бы для активной части ея населенія непростительной ошибкой; и, какъ мы уже указывали, смутное предчувствіе, что эта часть выступитъ для введенія движенія въ болѣе опредѣленное русло, наблюдается и теперь уже. Въ какой же формѣ выльется новая фаза его? Наличныя политическія силы также извѣстны, и численно, и качественно. Соціалъ-демократія, недавно еще числившая въ своихъ рядахъ чуть не всю рабочую наличность (извѣстно, что число рабочихъ, занятыхъ въ фабричнозаводской промышленности, не превышаетъ у насъ трехъ милліоновъ человѣкъ) и значительную часть учащейся молодежи, показала, что крайнія требованія, подкрѣпленныя крайней же тактикой, не могутъ осуществляться, т. к. задерживающее значеніе повседневности, построенной на вѣковыхъ навыкахъ, безконечно сильнѣе рычага, которымъ хотятъ своротить ее съ мѣщанскаго пути на демократическій. Ревизіонизмъ подсказывается всѣмъ ходомъ вещей и только перемѣна тактики можетъ вернуть русской соц.-демократіи часть утраченнаго ею вліянія на освободительное движеніе; но наклонность къ пересмотру тактическихъ пріемовъ еще слаба. Не здѣсь лежитъ опасный для правительства пунктъ; онъ заложенъ въ демократизмѣ среднихъ классовъ общества, демократизмѣ не дутомъ, а коренномъ, вытекающемъ, какъ естественное послѣдствіе, изъ нашей исторіи. Оскудѣніе дворянства съ одной стороны, и пополненіе рядовъ его представителями другихъ классовъ и сословій за выслуги или матеріальныя жертвы—съ другой, сдѣлали то, что сословіе это расплылось въ общей массѣ, уступивъ вліяніе чиновничеству, съ которымъ слилась наименѣе активная часть его. Все живое и жизнеспособное наполнило собою ряды русской интеллигенціи, незамѣтно, черезъ школьнаго учителя и представителя «третьяго» земскаго элемента, переходя въ самую глубь народной жизни, вліяя на нее и само находясь подъ вліяніемъ послѣдней. Отсюда пробираются, по капиллярному закону, демократическіе взгляды и въ среду того же чиновничества, и въ армію, и въ школу; а сверху проникаетъ внизъ та умѣренность требованій, которая такъ раздражаетъ радикально настроенные кружки и партіи, и которая и является дѣйствительной опасностью

для режима, несклоннаго ни къ какимъ вообще реформамъ. Выразителями этихъ требованій явились, какъ извѣстно, тѣ земскіе и общественные дѣятели, которые составили потомъ кадры «кадетской», мирнообновленческой и нѣсколькихъ другихъ демократическихъ партій; расцвѣтъ движенія въ 1905 году открылъ передъ правительствомъ такую широкую картину сочувствія политическимъ врагамъ своимъ, и притомъ сочувствія въ своихъ же рядахъ, что рѣзкій поворотъ отъ традиціонной борьбы съ соціализмомъ въ сторону «кадетъ» и «кадетствующихъ» былъ вполнѣ естественъ. Однако, умѣренные взгляды обладали отвратительнымъ свойствомъ ускользать изъ реакціонныхъ сѣтей. Представители ихъ могли застревать только въ немногихъ мѣстахъ этихъ сѣтей, въ родѣ военно-судебнаго вѣдомства, гдѣ участіе въ смертныхъ приговорахъ было несовмѣстимо съ проповѣдью извѣстныхъ взглядовъ на казнь. Даже курьезныя подписки о непринадлежности къ партіямъ ничего не обезпечивали, т. к. самая жизненность програмныхъ принциповъ позволяла проводить ихъ, не участвуя непосредственно въ партійныхъ дѣлахъ. Врагъ становился невидимымъ въ тотъ моментъ, когда на него открыто нападали, а для нападеній скрытыхъ у правительства не было ни умѣнья, ни охоты; такими нападеніями могли вѣдь быть только демократическія и широкія реформы, которыя закрѣпили бы положеніе и породили бы то уваженіе и привязанность къ правительству, которыхъ у него никогда не было. Такое состояніе раздражало, диктовало крайнія и неразумныя мѣры, и досадная картина ряда смѣшныхъ, вульгарныхъ положеній, въ которыя попадался кабинетъ Столыпина, тянется съ роспуска первой Думы и до 1909 года безъ перерывовъ.

Угаръ и созданныя имъ уродливыя явленія проходили; максимализмъ, экспропріаціи, ненужныя демонстраціи—все опустилось на дно жизни; и чѣмъ болѣе настойчиво пробивались въ атмосферу струи чистаго воздуха съ неустроенныхъ, но тихихъ полей жизни, тѣмъ очевиднѣй становилась правда, которой пропитаны были умѣренныя, политическія программы. Врагу оставалось только объединиться, чтобы стать непобѣдимымъ, и чтобы помѣшать этому объединенію, годны и хороши были всѣ рѣшительно средства. Свобода собраній, союзовъ и всякаго намека на организаціи стѣснялась откровенно и планомѣрно; поощрялись только союзническія стремленія. Прогрессивная пресса душилась административными мѣрами до степени, незнакомой временамъ Плеве и Побѣдоносцева. Судьи мѣнялись безъ малѣйшаго стѣсненія, и еслибъ можно было только надѣть ваточный колпакъ на трибуну Госуд. Думы, то циклъ мѣръ противъ общественнаго объединенія былъ бы заключенъ. Но и всего этого было недостаточно, чтобы водворить въ жизни мертвый покой, а наверху—увѣренность въ по-

бѣдѣ, въ прочности власти. Эманація страшнаго политическаго радія—«кадетизма»,—была неудержима, проникала всѣ поры, освѣщала реакціонную мглу неяркимъ, но подозрительно ровнымъ, устойчивымъ свѣтомъ, ползла со всѣхъ сторонъ на ступени бюрократическаго храма и, увы, все чаще и рѣзче ощущалась въ самомъ алтарѣ его!

И такова боязнь людей предъ неопредѣленностью, что они лучше ужъ назовутъ ее какъ-нибудь, только бы не видѣть предъ собой безыменнаго призрака. Страхъ предъ объединеніемъ общественныхъ силъ заставилъ вспомнить и объ объединяющей идеѣ; а разъ вспомнивъ, до увѣренности въ ея существованіи оставалось сдѣлать только одинъ шагъ. Эта идея была *масонство*; и стоило произнести одно только страшное слово «масоны», чтобы фантомы исчезли, уступивъ мѣсто конкретному, но тѣмъ болѣе опасному явленію. Съ той поры масоны просто, франкъ-масоны, «жидо-масоны» «Новаго Времени» и «Русскаго Знамени», и всякія другія производныя этого слова пестрятъ столбцы правой прессы, не сходятъ съ устъ черносотенныхъ ораторовъ и все болѣе сгущаютъ еще недавно расплывчатыя черты грядущаго бѣдствія. И подобно тому, какъ одинъ случай чумы вызываетъ общую панику, хотя потомъ и выясняется, что чумы, собственно, и не констатировано, такъ и сенсаціонное открытіе, что нѣсколько русскихъ состоятъ членами иностранныхъ масонскихъ ложъ, переполнило чашу правительственныхъ тревогъ и заставило принять самыя сложныя и странныя мѣры для уловленія этого наихудшаго изо всѣхъ видовъ крамолы. Почти столѣтіе мирно спавшее въ гробу русское масонство показалось воскресшимъ къ новой жизни. Оставивъ тамъ, въ гробу этомъ, внѣшнія доказательства, въ видѣ орудій ритуала и мистическихъ книгъ, оно выступало въ эмансипированномъ видѣ политической организаціи, подъ девизомъ которой «свобода, равенство и братство» могли соединиться чуть не всѣ политическія группы и партіи; соединиться для того, чтобы свергнуть существующій строй, — это ли не страхъ, не опасность! Оказывалось, что и турецкая, и чуть ли не персидская революціи отъ того только и удались, что были дѣломъ масонскихъ рукъ!.. Стоглавое чудище міроваго ордена протягивало и въ Россію одну изъ своихъ длинныхъ шей и покоившаяся на ней голова какъ бы съ насмѣшливо-серьезнымъ выраженіемъ смотрѣла уже на прижавшееся въ предсмертной тоскѣ къ бюрократической стѣнѣ правительство.

Мы нигдѣ не находимъ свѣдѣній объ участи масоновъ въ турецкой революціи; но что младотурки, пережившіе долгую эмиграціонную эпоху и преимущественно концентрировавшіеся во Франціи и Швейцаріи, могли воспринять тамъ и масонскую организацію,—въ этомъ ничего невѣроятнаго нѣтъ. Ученіе, основанное на любви къ человѣ-

честву вообще, а къ страдающей его части въ особенности, ученіе, призывающее къ свободѣ, равенству и братству, ученіе, отвергающее кровавые способы борьбы, и вообще мирное,—такое ученіе не могло ни привлекать къ себѣ неофитовъ изъ всѣхъ расъ, классовъ, сословій и состояній. Только въ одной этой организаціи могли встрѣчаться революціонеры и цари (извѣстно, что масонами были отецъ и дѣдъ нынѣшняго германскаго императора и что изъ нынѣшнихъ европейскихъ правителей одни состоятъ въ масонскихъ ложахъ и принимаютъ въ ихъ работѣ активное участіе, другіе находятся вблизи такихъ ложъ), бѣдные и богатые, христіане и евреи, всѣ объединенные любовью къ человѣчеству, миру и прогрессу. Трудно отмѣтить историческіе факты, бывшіе непосредственными результатами масонской работы или вліянія; но что европейская исторія послѣднихъ 100—150 лѣтъ протекаетъ подъ нѣкоторымъ давленіемъ масонства,—не подлежитъ сомнѣнію. Однако самый характеръ этого давленія таковъ, что услѣдить его, намѣтить центры или отдѣльныхъ лицъ—невозможно. Будучи, по существу, мягкимъ и гуманнымъ, давленіе это такъ сливается съ общественнымъ мнѣніемъ, поскольку оно выражается прогрессивной прессой всего міра, что разграничить двѣ эти области было бы трудно.

Въ Россіи почвы для возсозданія масонскаго ордена, конечно, нѣтъ; тѣмъ болѣе, что существуютъ и другіе пути, по которымъ просачиваются отдѣльные оппозиціонные ручьи, сливаясь въ концѣ ихъ въ общее море, размѣры и глубина котораго пропорціональны силѣ реакціи. Объединившись въ общемъ чувствѣ недовольства и раздраженія, легко уговориться и о способахъ къ его устраненію. Богатый опытъ прошлаго еще не успѣлъ основательно забыться, а недавнія событія въ европейскихъ государствахъ внесли въ прежніе методы довольно поправокъ. И въ тотъ моментъ, когда правительство ослабитъ гнетъ, тяготѣющій нынѣ надъ прессой и всѣми организаціями, оно увидитъ передъ собой новаго, болѣе покойнаго, но и болѣе сильнаго, чѣмъ раньше, врага — объединенную оппозицію, заключающую въ себѣ всѣ элементы, выше нами разсмотрѣнные; реальное соотношеніе силъ снова измѣнитъ свое направленіе и народъ долженъ будетъ показать, насколько выросъ онъ политически; примитивные и грубые пріемы, знаменующіе собою первые этапы освободительнаго движенія, отойдутъ тогда въ область исторіи; общая конъюнктура можетъ быть такова, что капитуляція бюрократизма совершится безъ потрясеній, подобныхъ недавно пережитымъ; изъ мелкихъ камней, въ родѣ поѣздки депутатовъ въ Лондонъ, полтавскихъ и кашинскихъ торжествъ, монашескихъ и законоучительскихъ съѣздовъ, іоаннитскихъ разоблаченій и сенатскихъ ревизій; изъ

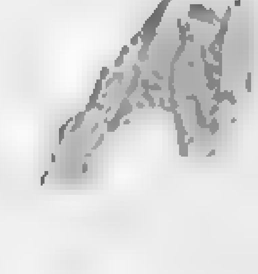
болѣе крупныхъ,—въ родѣ дѣла объ убійствѣ Г[illegible]енштейна и выясненія роли Азефа и Ландезена,—изъ этихъ камней медленно, но ежедневно возводится стѣна вокругъ руинъ стараго строя; и не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть моментъ, когда, при жизни еще живущаго поколѣнія, исторія поставитъ на этой стѣнѣ одинъ изъ тѣхъ стеклянныхъ колпаковъ своихъ, подъ которыми въ ея музеѣ мы созерцаемъ останки всѣхъ другихъ полицейско-бюрократическихъ режимовъ, режимовъ самовластія и безотвѣтственности. Русскій старый строй сойдетъ въ могилу, унеся съ собой послѣднія гнилушки, послѣднія сорныя травы, обильно выросшія на почвѣ его распада. Уйдутъ открытыя хищничество и провокація, уйдетъ и сыщицкая литература, ими питавшаяся; уйдетъ развратъ молодежи и взрослыхъ,—и съ нимъ порнографія будетъ сброшена съ лавокъ книжнаго рынка; уйдетъ нездоровая духовная разслабленность,—и точныя знанія займутъ довлѣющее имъ мѣсто въ жизни способнаго умнаго русскаго народа; уйдетъ изъ судовъ политическая кривда, и безстрастіе надѣнетъ снова повязку на глаза оскорбляемой созерцаніемъ порока Ѳемиды; уйдетъ пошлость, царящая въ неустойчивыхъ общественныхъ кругахъ и смѣнится вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни, въ общемъ такой тяжелой и серьезной. Все это наносное, ненужное, разлагающее сплыветъ въ Лету, очиститъ русло для ряда поколѣній, которымъ и безъ того много труда будетъ надъ укрѣпленіемъ размытыхъ и разъѣденныхъ тысячелѣтней грязью береговъ. И когда, по прошествіи новыхъ десятилѣтій, на этихъ берегахъ выростутъ иныя формы жизни, покоящейся на самодѣятельности, независимости и самоуправленіи, когда уляжется на дно народной души чувство горечи, отравляющее слово и душу каждаго изъ насъ, современниковъ этого грандіознаго распада русскаго абсолютизма,—тогда только дойдетъ дѣло до нелицепріятнаго суда и надъ дѣятелями эпохи освобожденія. При новомъ свѣтѣ предстанутъ они своимъ потомкамъ, которые сумѣютъ простить ошибки, отдѣлить искренніе порывы отъ преднамѣреннаго политиканства, возстановить на своихъ мѣстахъ «ограбленныя слова»—*патріотизмъ, нація, народъ*.

Люди этой будущей Россіи будутъ и творцами *новаго* ея строя. А тотъ, что мы подвергли въ книгѣ нашей бѣглому и далеко не полному обозрѣнію, называется «новымъ» лишь по недоразумѣнію. Это все тотъ же еще, старый строй полицейскаго государства, даже больше того: это экстрактъ стараго строя, его истинная душа, открывшаяся въ моментъ разставанія съ тѣломъ, убитымъ, что бы ни говорили, 17-го октября 1905 года наповалъ.

Основы замѣчательнаго акта, даннаго въ этотъ день народу верховной властью, какъ и основы адреса первой Государственной Думы,

остаются пока еще недостигнутымъ маякомъ на твердомъ прибрежномъ утесѣ; но ворота гавани недалеки и не много уже нужно усилій, чтобы побороть волны, въ этихъ воротахъ всегда сильныя и безпорядочныя; здѣсь гибнутъ впавшіе въ отчаяніе, остаются жить бодрые духомъ, сильные вѣрой въ себя и свое дѣло.

Мы, выросшіе въ условіяхъ стараго строя, можемъ ли быть безстрастны теперь, когда онъ наконецъ рушится? И можемъ ли требовать безстрастія правительства, въ этомъ разрушеніи принимающаго такое большое участіе? Новый строй дастъ и *новыя* правительства, которыхъ пусть не чувствуетъ на плечахъ своихъ слѣдующее за нами поколѣніе. Ибо, сказалъ Лао-Тсе, «тамъ, гдѣ *великіе* мудрецы имѣютъ власть, люди не замѣчаютъ ихъ существованія; тамъ, гдѣ властвуютъ мудрецы, народъ бываетъ привязанъ къ нимъ и хвалитъ ихъ. Тамъ, гдѣ властвуютъ еще меньшіе мудрецы, народъ боится ихъ, а гдѣ еще меньшіе—народъ презираетъ ихъ»

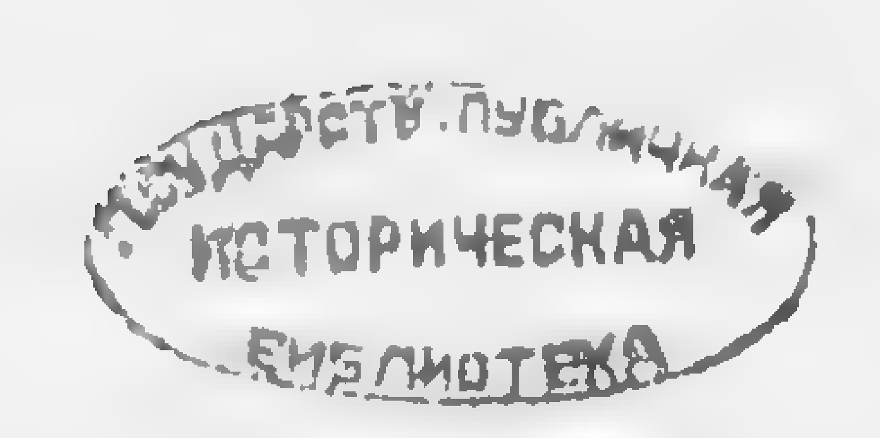

1909. Августъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть вторая. Реакція.

"Московское
Книгоиздательское Товарищество
Образованіе."
Главная Контора: 3-я Тверская-Ямская, д. 46/7
Телефонъ 245-30 и 188-41.